

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ОШСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.М. АДЫШЕВА**

На правах рукописи
УДК 811.161 (575.2) (043.3)

Асанбекова Эльмира Жекшеналиевна

**ОБЫЧАЙ В РУССКОМ
И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Абдраева А.Т.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава I. ИСХОДНЫЕ ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ФСП ОБЫЧАЯ В НАУКЕ	
1.1. О понятийном и семантическом содержании номинантов обычая в русском и кыргызском языках.....	10
1.2. О подходах к исследованию понятия обычай в науке.....	12
1.3. Изучение обычая как лингвоэтнокультурного феномена в Кыргызстане.....	16
1.4 О соотношении функционализма, антропоцентризма, этноцентризма и когнитивизма в лингвистике.....	20
1.5. Сущность и структура концепта как категории когнитивного языкознания.....	34
Выводы по I главе.....	40
Глава II. МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ФСП «ОБЫЧАЙ» В КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ	
2.1 Материалы, объект и предмет исследования. Взаимодействие экспонентов обычая и типов концепта.....	43
2.2. Методологическая база и методы исследования.....	46
Выводы по II главе.....	52
Глава III. РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ФСП «ОБЫЧАЙ – САЛТ» В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ	
3.1 О двух подходах к сопоставлению русских и кыргызских номинантов ФСП «обычай – салт».....	55
3.2 ФСП «обычай – салт» как многоаспектное смысловое образование.....	57
3.3 Ключевой репрезентатив ФСП «обычай» в русском языке и его семантические эквиваленты в кыргызском языке.....	64

3.4 Периферийные лексико-фразеологические средства выражения ФСП «обычай» в русском языке и их эквиваленты в кыргызском языке.....	81
3.5 Экспоненты ФСП «салт» в кыргызском языке с точки зрения русской ментальности.....	117
3.6 О двух микрополях в структуре ФСП «салт».....	140
3.7 Когнитемы обычая в афоризмах.....	147
3.8 Роль эпитетов в категоризации экспонентов ФСП «обычай».....	154
Выводы по III главе.....	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	166
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	172
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Выбор темы работы обусловлен следующими факторами:

1) важностью билингвального сопоставления способов выражения функционально-семантического поля (ФСП) «обычай – салт» в русском и кыргызском языках для типологического языкознания и для практики преподавания языка как неродного;

2) значимостью роли обычая в жизнедеятельности общества и социальных групп, в укреплении и консолидировании образа жизни и поведения членов социума в силу своей общепринятости, традиционности, распространенности, привычности и этноментальной ценности;

3) необходимостью рассмотрения ФСП обычая в тесной связи и взаимодействии с концептом «обычай – салт», являющимся когнитивной единицей, «квантом» памяти человека и менее доступным для лингвистического осмысления и описания;

4) недостаточной изученностью содержания двуязычной дихотомии «обычай – салт» в общенаучном плане, хотя она обладает признаками объемности, полиаспектности и многослойности и предполагает полипарадигмальное рассмотрение;

5) возможностью комплексного лингвоэтнокультуроведческого исследования ФСП обычая, поскольку обычай является социально-значимым понятием междисциплинарного характера, способным быть предметом изучения не только традиционной и функциональной лингвистики, но и этнографии, социологии, антропологии, этнологии, культурологии, теологии, юриспруденции, этнопсихологии, этнолингвистики, когнитивного языкознания, лингвоконцептологии и других наук.

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями, крупными научными программами (проектами),

основными исследовательскими работами, проводимыми образовательными и научными учреждениями. Тема работы является инициативной.

Цель работы – сопоставительно-типологический анализ средств выражения функционально-семантического поля «обычай – салт» в русском и кыргызском языках, в тесной связи с соответствующим концептом.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **конкретные задачи:**

1) определить содержание ФСП «обычай – салт» на основе изучения соответствующих статей в толковых, переводных (двухязычных), культурологических, энциклопедических, этимологических и других словарях;

2) изучить фонд русских и кыргызских языковых единиц, обозначающих обычаи, обряды, церемонии и другие элементы традиционной практики этносов, ритуальные предметы, правила, действия наблюдателей и исполнителей обрядов;

3) обобщить модели понимания учеными терминов «поле», «концепт» и произвести типологию видов, разновидностей и категорий поля и концепта на фактах сопоставляемых языков, отражающих общность и специфику обычаев двух этносов;

4) предложить классификацию и осуществить сопоставительный анализ экспонентов ФСП обычая в русском и кыргызском языках;

5) продемонстрировать обусловленность состава и семантики номинантов ФСП обычая лингвоэтнокультурными особенностями носителей русского и кыргызского языков;

6) выявить на конкретных примерах общее и специфичное в понимании обычая представителями различных культур и верований, возрастов и сословий, регионов и континентов; выделить и описать основные слои в структуре ФСП обычая;

7) определить смысловую доминанту, организующую ФСП обычая; в связи с этим выявить и охарактеризовать центр и периферию концепта «обычай» на материале лексикографического, литературно-художественного, разговорно-бытового и фольклорного пространства двух сопоставляемых языков;

8) установить когнитивно-семантическую иерархию номинантов обычая в синтагме, в микротексте;

9) рассмотреть словообразовательное гнездо основных экспонентов ФСП обычая и этимологию отдельных названий в рамках поля.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней 1) раскрыта сущность ФСП обычая и определен состав номинантов в сопоставляемых языках; выявлены понятийные, историко-этимологические, социокультурные, этноментальные, денотативные, коннотативные и прочие слои содержания рассматриваемого ФСП; 2) установлена иерархическая организованность семантики и структуры ФСП обычая в русском и кыргызском языках; произведена классификация языковых единиц, репрезентирующих данное поле; 3) продемонстрирована зависимость употребления экспонентов концепта «обычай – салт» от типов фреймов и сценариев обрядов, церемоний и других разновидностей обычая; показаны единство и различия в лингвоэтнокультурных представлениях носителей русского и кыргызского языков об обычае, его видах и проявлениях; 4) разграничены этнокультурно специфичные и межкультурные репрезентативы изучаемого концепта, выявлены эксплицитные и имплицитные виды его номинантов; разграничены синтагматические и парадигматические модели ФСП обычая; продемонстрированы иерархичность и асимметризм семантики его номинантов.

Теоретическая ценность исследования определяется тем, что оно восполняет существенный пробел в активно развиваемых в республике отраслях языкознания – в функциональной лингвистике, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингвокультурологии, лингвистической

концептологии и теории межкультурной коммуникации. В нем разрабатываются проблемы лингвоэтнокультуроведения, важные для сравнения и сопоставления традиционных представлений и воззрений двух этносов на жизнь и жизненные события и для характеристики привычных, устоявшихся и общепринятых норм поведения их представителей в различных условиях жизни. В работе сопоставляются понятия, фреймы и сценарии концепта «обычай – салт» и их репрезентативы, что тоже является вкладом в сопоставительное когнитивное языкознание.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в практике обучения второму языку, в лексикографии, в курсах по функциональному языкознанию, этнолингвистике, лингвокультурологии, когнитивному языкознанию, лингвистической концептологии, сопоставительной лексикологии, лексической семантике, теории межкультурной коммуникации, теории и практике перевода.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обычай связан с разными сферами быта и жизни человека. Он имеет отношение к привычным стереотипам и нормам поведения этноса, может быть референтом многогранного спектра значений различных слов, обладающих семантической и концептуальной общностью.

В лингвистике далеко не все лексические единицы, объединяемые ФСП «обычай – салт», получили семасиологическое освещение, их общее лингвоэтнокультурное содержание раскрыто односторонне, поверхностно и изучается от случая к случаю, непоследовательно и несистемно. Билингвальное изучение содержания рассматриваемого семантического поля важно для сопоставительной лингвокультурологии, лингвоконцептологии и функционального языкознания.

2. Репрезентативы поля и концепта «обычай – салт» в языке различны: 1) одноименное слово, его синонимы, антонимы и гипонимы; 2) субстантивные слова, их производные (дериваты), адъективные и

процессуальные определители; 3) идиомы, паремийные изречения; 4) микро- и макротексты и т.д., которые вместе, координируясь и взаимно дополняя друг друга, образуют единое ментально-языковое целое. В пословице концепт «обычай – салт» может выражаться имплицитно.

3. Концепт «обычай – салт» важнейший элемент этнического сознания, менталитета и культуры. Этот концепт отражает все устойчивое, устоявшееся и стереотипное в поведении этноса и его представителей. Глобализация мышления и поведения вносит заметные коррективы в менталитет современного человека и в его отношение к обычаю. В результате в языке возникают номинанты, передающие негативное отношение человека к традициям (консерватизм, отсталость взглядов, приверженность к старым нормам и др.).

4. Строение номинантов ФСП и концепта «обычай – салт» может быть синтагматическим и парадигматическим и соответственно проявляться в структуре и семантике слова, идиомы, парасинтагмы, предложения и других репрезентантов.

Личный вклад соискателя состоит в выборе темы (с согласия научного руководителя), в сборе, систематизации и описании фактического материала, в формировании выводов и общего заключения работы, в опубликовании ее результатов.

Использование результатов работы. Материалы диссертации были использованы на практических занятиях по русскому языку в средней школе ... и в Кыргызском государственном университете им. И. Арабаева при изучении лексической темы «Народные обычаи». Идиомы, пословицы, ритуальные формулы и топики, связанные с обычаями русского и кыргызского народов, применяются нами также при прохождении грамматических тем практического курса русского языка в группах с кыргызским языком обучения.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации излагались в докладах на вузовских (6),

республиканских (2) и международной (1) научно-практических конференциях в г. Бишкек и г. Ош.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях соискателя. Результаты исследования отражены в 7 статьях автора, из которых 3 опубликовано в рейтинговых (индексированных) журналах и имеет свыше 100 баллов.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем диссертации – 178 страницы. Список использованной литературы насчитывает 161 наименование.

ГЛАВА I. ИСХОДНЫЕ ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ФСП ОБЫЧАЯ В НАУКЕ

1.1 О понятийном и семантическом содержании номинантов обычая в русском и кыргызском языках

Известно, что традиционное общество является социумом, в котором доминирует обычай.

Обычаем называют общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения. Обычай – это привычный образ действий и поведения, привычка, обыкновение, присущие социальной группе (племени, сословию, касте, нации и т.д.), известные всем ее представителям, принятые и соблюдаемые ими в своей жизнедеятельности.

Обычай определяется уровнем развития общества, его культурой. Изучение народной культуры начинается именно с изучения традиций и обычаев этноса.

Обычай – многоаспектный и объемный объект исследования. К нему обращаются философы, историки, социологи, этнографы, представители юриспруденции, культурологи, политики, лингвисты и т.д. Обычай и традиция – близкие, взаимно дополняющие понятия. Нередко они употребляются как синонимы. Многоаспектность этих понятий особо подчеркивает И.В. Суханов в книге «Обычаи, традиции и преемственность поколений». Он пишет: «Традиции – это не регламентируемые юридическими установлениями, поддерживаемые силой общественного мнения формы передачи новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного общества идеологических, политических, нравственных, религиозных, эстетических отношений» [Чита, 1996, с. 61]. Ясно, что перед нами сложное, междисциплинарное понятие, которое определяется учеными неоднозначно.

Каждая научная дисциплина смотрит на обычай со своего ракурса, под собственным углом зрения и решает проблематику обычая с точки зрения своей науки. Поэтому существуют различные определения понятий *обычай* и *традиция*.

Мы рассматриваем только функционально-семантическое когнитивно-языковое содержание понятия «обычай». Семантика и употребление русских слов *обычай* и *традиция*, их гипонимов и синонимов были предметом изучения ряда языковедов [Глебкин 1998; Мустайоки и др., 2006; Шацкая, 2006; Ефанова, 2008; Кравченко, 2009; Веснина, 2012; Леонтьева, 2014 и др.]. И в кыргызской лингвоэтнокультурологии и сопоставительной когнитологии появилось несколько серьезных публикаций, посвященных изучению семантики и когнитивного содержания слов *салт*, *када-салт*, *адат*, их синонимов и русских эквивалентов [Мадаминова, Абдувалиева, 2017, 2018; Толокова, 2017; Абдувалиева, Атакулова, Мадаминова, 2018 и др.].

Когда рассматриваем обычай в когнитивном аспекте, мы применяем термин концепт «обычай», когда определяем его языковое содержание, мы употребляем термины ФСП обычая или поле «обычай». При этом в рамках ФСП мы различаем функциональное и семантическое микрополя.

Семантическим микрополем мы называем совокупность сем и значений номинантов обычая, взятых в статике, в состоянии «покоя», в лексикографическом срезе, а функциональным микрополем – активизацию сем и значений экспонентов обычая, взятых в динамике, в живой речи, в дискурсе, в текстовой реализации. Таким образом, в пределах понятия ФСП мы дифференцируем два подпонятия – функциональное и семантическое, совмещение которых образует важную для теории лингвистического функционализма единицу описания.

Следовательно, сопоставительное рассмотрение содержания номинантов обычая в русском и кыргызском языках будет осуществлено в двух планах – в когнитивно-языковом и функционально-семантическом.

1.2 О подходах к исследованию понятия обычай в науке

Как было уже сказано, обычай представляет собой объект изучения целого ряда научных дисциплин. Он имеет философский, историко-культурологический, теологический, гносеологический, социологический, политико-идеологический, этнологический, религиозно-теологический, правовой, языковедческий, этнопсихологический и другие аспекты, разными своими сторонами входя в сферу исследования множества различных наук.

Объект сам по себе предполагает, чтобы к его изучению мы применяли процедуры и приемы *полипарадигмального описания*.

Мы, следуя за проф. М. Дж. Тагаевым [2004, с.12-24], полипарадигмальным считаем такое описание языковых единиц, которое всесторонне, с разных позиций, комплексно рассматривает факты языка с учетом результатов и достижений новейших концепций, подходов и направлений в языкознании. Обычай, действительно, может быть предметом изучения не только семасиологии и функциональной лингвистики, но и этнолингвистики, лингвокультурологии, социоллингвистики, психоллингвистики, теоллингвистики, менталингвистики, лингвоконцептологии, этимологии, дидактолингвистики, сопоставительного языкознания, сравнительной лингвистики и т.д. Каждая отрасль языкознания находит в нем интересные факты, сведения, требующие своего рассмотрения в новом аспекте [Попова Т.В., с. 11].

Развивая эту идею, полипарадигмальным можно назвать исследование одного и того же объекта, выполненное представителями различных наук. Обычай в силу своей полиаспектности и многосторонности может быть проанализирован в рамках различных научных дисциплин.

Понятие обычая было предметом изучения многих российских ученых, которые рассматривали его с различных позиций и в различных ракурсах [Лобанова, Т.В. 2008, с.70-76].

В целом ряде исследований анализируется **социально-философский аспект** понятия «обычай» и его разновидности. Е.А. Лисина исследует значимость ритуала в жизни общества [Лисина, Е.А. 2008, с. 3-19]. На примере быта народов России и славянских народов производится социально-философский анализ концепта «ритуал» в труде В.Н. Нечипуренко [2002, 279 с.]. В данном контексте небезинтересно отметить книгу В.Д. Плахова «Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования» [1982, 220 с.], в которой всесторонне демонстрируется социально-регулятивная функция традиций в жизни общества.

Роль традиций и обычаев в регулировании общественной жизни хорошо раскрыта в кандидатской диссертации А.И. Соколова под названием «Традиции и обычаи как регулятивный и социокультурный феномен общества» [2008, 167 с.]. В качестве материала использованы ритуалы и обычаи народов России, прежде всего – народов Поволжья. Регулятивные функции обычаев в современных социальных процессах алтайского этноса рассматриваются в диссертации М.Н. Яковлевой «Обычаи алтайского этноса как регулятор современных социальных процессов в Республике Алтай» [2007, с. 3-18]. Социально-философское содержание концепта «обряды жизненного цикла» изучается С.А. Мадюковой [2008, с. 115-120].

В некоторых трудах этнические обычаи исследуются **в связи с национальной культурой**. Например, в работе А.И. Барсегяна содержится классификация форм культурной традиции [1981, с. 102-103]. С этой работой связаны основные положения статьи Э.С. Маркаряна [1981, с. 78-96]. К.С.Сарингулян на примере обычаев армян исследует взаимосвязь культуры и регуляции деятельности членов социума [1984, с. 3-17]. Взаимодействие культуры, традиций и промыслов казачества России было предметом изучения В.В. Дзюбана [2011, с. 99-104]. Социокультурные аспекты обычного права анализируются в диссертации А.А. Плеханова [2006, 170 с.]. В.С.

Рязанова-Даури изучает нравы и обычаи хантов и манси, встречающиеся в повседневной культуре этих малочисленных народностей [2011, 158 с.].

Социокультурные функции обряда – интересный объект исследования. Этой проблеме посвящает свой труд Ю.Н. Триль, социолог с Северного Кавказа, анализируя специфичные ритуалы целого ряда малых народов региона [2009, 19 с.]. Е.В. Яговдик изучает трансформации и видоизменения ритуала в культурно-эволюционном процессе развития народа [2005, 134 с.], В.В. Глебкин – особенности идеологических ритуалов в советской культуре [1999, 168 с.]. Конечно, многие идеологические, коммунистические обряды устарели и ныне не соблюдаются.

Ряд авторов обращает свое внимание на связь обычаев и ритуалов с **экономической жизнью общества**, с торговлей и хозяйственной деятельностью человека. С этой точки зрения интересно исследование А.Д. Эльмурзаевой, посвященное описанию обычая взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана [2009, 175 с.]. Заслуживает внимания и труд И.С. Зыкина «Обычаи и обыкновения в международной торговле» [1979, 193 с.], а также статья В.Н. Козловой «Обычай делового оборота и деловое обыкновение: проблемы соотношения» [2012, с. 96-98]. Роль и место обычаев и обыкновений в коммерческой деятельности изучаются в работе Н.А. Бутаковой [2011, с. 140-149].

Наибольшее число исследований, посвященных проблематике обычаев, выполнено **по теории права, по правоведению**. Мы не будем называть даже более известные работы в этом направлении в силу многочисленности выполненных исследований. Приведем только работы обобщающего характера, содержащие солидные списки литературы. Это докторские диссертации Р.И. Станиславйтиса «Обычаи и традиции в механизме социального действия права» (АДД, 1989, 43 с.) и А.В. Дашина «Обычное право как структурно-функциональный элемент национальный правовой системы (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ)» [2006, 431 с.], кандидатские диссертации Н.В. Лисицына «Обычаи российского

права» [2010, 28 с.] и Д.Г. Чибисовой «Соотношение права и обычая» [2008, 22 с.]. В этих и многих других работах раскрывается правовое содержание понятия «обычай», добытое русским народом, русской и мировой юриспруденцией и используемое для целей регулирования и упорядочивания жизнедеятельности этноса.

Для нашей работы, естественно, важны те исследования, которые определяют лингвоэтнокультурную сущность и когнитивно-языковое содержание концепта «обычай». Для нас ценными представляются положения статьи Н.П. Дронова «Фреймовый подход к моделированию обычая» [2013, с. 315-321], монографий Л.Г. Ефановой «Функционально-семантическое поле нормы в русском языке» [2012, 220 с.] и Т.В. Леонтьевой «Обычай в русском языке: слово и понятие» [2014, 200 с.], кандидатской диссертации Н.А. Колковой «Русские обрядовые концепты во фразеологическом представлении» [2011, 227 с.]. Взаимодействие традиций, когний и языковых знаков было предметом изучения А.В. Кравченко [2009, с. 51-66]. Много фактического материала, связанного с обычаем, приводится и обсуждается в труде А.В. Рудаковой «Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе языка» [2003, 210 с.].

Для нашей работы полезными были материалы двух небольших статей Т.А. Рычковой под названиями «Словосочетания, называющие повседневные ритуальные действия» и «Текстовое употребление словосочетаний, обозначающих русские традиции и обычаи», опубликованные в журнале «Дискуссия» [2011. - №8, с. 155-156, 157-159], а также кандидатской диссертации О.А. Седаковой «Обрядная терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян)» [1983, 189 с.]. Можно привести наименования и других работ, в которых рассматриваются русские традиции, обычаи и ритуалы в лингвокогнитивном, этнолингвистическом и собственно лингвистическом аспектах. Но уже приведенного списка достаточно, чтобы показать, в каком направлении и с

какими результатами проводятся исследования проблематики языка, связанной с ФСП «обычай».

Если в России ФСП «обычай» и его гиперонимические и гипонимические экспоненты изучались разносторонне, то в нашей республике они рассматривались главным образом в этнографическом, этнопсихологическом и культурологическом планах.

1.3 Изучение обычая как лингвоэтнокультурного феномена в Кыргызстане

В нашей республике обычай был предметом историко-этнографического, социокulturологического и лингвоэтнокультурологического изучения. Особенности национальных традиций и правил жизни кыргызов рассматривались в трудах В.В. Радлова, С.И. Абрамзона, Н.П. Дыренковой, А.С. Бежковича, К.К. Юдахина, С.И. Ильясова, Б.Д. Джамгырчинова, Б.М. Юнусалиева, А. Жумагулова, К.И. Антипиной и др. исследователей.

В данном обзоре хотим выделить и охарактеризовать только отдельные идеи и находки ученых, интересовавшихся проблемами специфики быта и традиций кыргызского этноса. Среди исследований, посвященных описанию этнического уклада кыргызов, особое место занимает монография С.И. Абрамзона «Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи», где этнокультурные обычаи и традиции народа наглядно и всесторонне описываются по плану:

1. Хозяйственный уклад.
2. Материальная культура.
3. Общественный строй.
4. Брак и семья.
5. Религия и культ.
6. Устное поэтическое творчество.
7. Народное искусство [1990, с. 82-415].

Например, в разделе «Брак и семья» содержатся материалы, определяющие традиционные представления кыргызов: 1) о родстве и свойстве, о категориях родственников по мужской и женской линии, отраженных в соответствующей терминологии; 2) о нормах брака, о брачных запретах и ограничениях; 3) об обычаях выплаты калыма и приданом со своими сценариями и правилами; 4) о сговоре по поводу брака малолетних детей; об обычае добрачных свиданий жениха и невесты; 5) о свадебном обряде; 6) о правилах расторжения брака; 7) о привычных формах, структуре и численности семьи; 8) о нормах полигамии (многоженства); 9) об имущественных отношениях и личных взаимоотношениях в семье; 10) о правилах воспитания детей; об обычаях, связанных с беременными женщинами, ритуалах родового акта, заботах о сохранении жизни новорожденного и соответствующих ритуалах, правилах наречения имени и ритуала передачи новорожденного в другую семью, о «покупке» ребенка и т.д. [1990, с. 227-283]. В этой книге удивляет и восхищает читателя детализированность описания брачно-семейных ритуалов в кыргызском быту. Самое главное – все это излагается в сравнении с аналогичными церемониями в жизни соседних народов – казахов, узбеков, туркмен и т.д.

Кыргызские обычаи были предметом углубленного изучения со стороны этнографа А.С. Акматалиева. Его книга «Кыргыздын көөнөрбөс дөөлөттөрү/Нестареющие ценности кыргызов» [Б.: Шам, 2000. – 348 с.] представляет собой монографическое изложение и обстоятельное описание кыргызских обычаев и жизненных установлений.

В 2011 году вышел сборник трудов этнографов, педагогов и журналистов, которым дороги национальные обычаи кыргызов, под названием «Ата-бабалар табериги: Кыргыздын адеп-ахлак, салт-санаа, үрп-адат, ырым-жырым жана жөрөлгөлөр жыйнагы»/Святые правила предков:сборник нравов, обычаев, традиций, поверий, примет и установлений кыргызов (Б.: Бийиктик, 2011. – 724 с.; составитель М.Каримов).

В ряду этнографических исследований традиций кыргызов важное место занимает труд А. Оморова «Баба салты, тарых изи жана жөрөлгө»/Традиции предков, след истории и обычай [2013, 260 с.], где II и III главы полностью посвящены описанию обычаев и привычных установлений кыргызского народа.

В 2016 году вышла книга С. Рысбаева, К. Ибрагимова и Б. Асранкуловой под названием «Улуулардан таберик: кыргыздардын этнографиялык түшүнүктөрүнөн/Священное от старших: этнографические представления кыргызов » [2016, 256 с.]. Перечисление только ее разделов может свидетельствовать о масштабности и многосторонности предпринятых авторами задач.

ФСП «салт» компактно и всесторонне представлено в книге Б. Бийназарова «Кыргыздын көрөңгөлүү мурастары/Неиссякающие наследия кыргызов» [2014, 135 с.], содержащей прекрасные образцы устного народного творчества кыргызов с номинантами рассматриваемого концепта.

Как хорошо известно, в нашей республике сложились междисциплинарные научные направления под названиями учебное этнокультуроведение, лингвоэтнокультуроведение, этнокультуроведческая лексикография, объединяемые в рамках прикладной филологии. Основные положения этих дисциплин были разработаны Л.А. Шейманом и его учениками, соратниками (Н.М. Варич, М.И. Задорожный, Г.У. Соронкулов, М.Х. Манликова, Т.В. Романович и др.). Для целей нашего исследования существенны следующие идеи и результаты данного прикладно-филологического направления:

1) создание теории этнокультуроведческой лексики языка (в условиях взаимодействия русского и кыргызского языков в сознании носителя двуязычия);

2) составление этнокультуроведческого словаря с четким разграничением двух классов слов: а) абсолютно безэквивалентной лексики языка, обозначающей явления, свойственные культуре только одного народа;

б) относительно безэквивалентной лексики языка, обозначающей явления, свойственные народу изучаемого языка и некоторым другим народам, но не свойственные традициям воспринимающей культуры [Шейман, 1981, с. 145-154; 1991, с. 330-331; 2013, с. 8-280];

3) введение в научный обиход понятий «лингвоэтнокультуроведение», «этнокультурный перенос», «этнокультуроведческая лексикография», «учебное этнокультуроведение», «этнолексема», «национально-культурный аспект языка и литературы», «этноэйдemosфера» (национальная художественная система), «этноэидемы-корреляты» (соотношение национальных картин мира двух или более народов), «ареальный (или региональный) словарь», «энтотип» (наиболее типичная черта того или иного народа и т.д.) [Шейман, II, 2013. С. 22-33];

4) разработка принципов этнокультуроведческой лексикографии (с позиции обучения второму, т.е. русскому языку): а) направленность на этнокультуроведческую лексику; б) национальная ориентированность; в) педагогическая локализованность словаря; г) комплексное описание этнокультуроведческих единиц второго языка с учетом специфики стереотипов родного языка; д) опора на аккультурирующую зрительную наглядность; е) опора на материалы психолингвистических этноассоциативных экспериментов и т.д. [Манликова 2006, с. 145-162] и т.д. [Манликова М.Х. 2006. С. 213-214].

Такая типология этноконнотативной лексики языка необходима для полной и всесторонней характеристики экспонентов концепта «обычай – салт», включающих в свой состав как гиперонимы (*обычай, традиция – салт, обряд – ырым-жырым*), так и гипонимы (*обряды, связанные с рождением ребенка – бала төрөлгөндөгү ырым-жырымдар, крещение – чокунтуу/христиандыкка өткөрүү, гостеприимство – конок күтүү/мейман тосуу, обрезание – сүннөткө отургузуу/колун адалдоо/отургузуу аземи, погребальные обряды – өлүк көмүү/өлүк узатуу ырым-жырымдары, свадебные обряды – үйлөнүү үлөттөрү* и т.д.). Некоторые из этих

номинантов рассматриваемого концепта являются национально-культурными (обряд крещения – для христиан, обряд обрезания – для мусульман и иудеев), другие – общими в целом и отличительными в деталях. Каждый обряд имеет свою специфику, свой сценарий. В ряде ритуалов происходит интеграция культур. Например, порядок проведения свадьбы совмещает в себе нормы и правила различных этносов и культур.

Идеи основателя лингвоэтнокультуроведения и его учеников помогут нам наиболее полно выявить когнитивно-семантическое содержание концепта-поля «обычай – салт» в сопоставляемых языках.

Вышеизложенное позволяет заключить, что кыргызскими этнографами и филологами проделана большая работа по описанию обычаев, церемоний и ритуалов этноса, знания которых нужны молодому поколению народа, и в то же время продемонстрированы устаревшие, совершенно излишние и ненужные установления и правила.

1.4 О соотношении функционализма, антропоцентризма, этноцентризма и когнитивизма в лингвистике

Наше исследование базируется на принципах трех научных языковедческих направлений – функциональной лингвистики, антропоцентрической лингвистики и этнолингвистики, поскольку обычай имеет коммуникативно-функциональную значимость в жизни общества и совокупно представляет стереотипы мышления, нормы и правила поведения членов социума.

Функциональная лингвистика формировалась в Европе (г. Прага, Чехия), ее основателями были чехословацкие (В. Матезиус, Б. Трнка, Б. Гавранек, Я. Мухаржовский, В. Скаличка, Й. Вахек и др.), русские (Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, С.И. Карцевский) языковеды, а также К. Бюлер (Австрия), А. Мартине (Франция) и Л.Блумфилд (США). В ее развитие внесли вклад языковеды М. Хэллидей (Англия), С. Дик (Нидерландия), А.В. Бондарко,

Г.А. Золотова, Н.А. Слюсарева (Россия), З.К. Дербешева (Кыргызстан) и другие.

Одним из важнейших положений в концепции пражских лингвистов является понятие языковой функции. Сущность функции языка однозначно определена Карлом Бюлером. По его мнению, психические способности человека – мыслить, чувствовать и выражать волю – породили три функции языка – коммуникативную (функцию общения), функцию выражения и функцию обращения. Этим функциям соответствует три типа высказываний – изъяснение, побуждение и репрезентация. Коммуникативная функция связывается с интеллектуальным мышлением и способом общения. Ей противопоставлена функция выражения (аффективная, эмотивная, эмоциональная функция), которая истолковывается психологически как контакт «заражения» слушателя с помощью смысловых и интонационно-фонетических средств [Бюлер, с. 34-35].

Сходную идею высказывал Ш. Балли: предложение – это форма сообщения мысли. Мыслить же – значит «реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его и желая... В первом случае выражается суждение о факте, во втором – суждение о ценности факта, в третьем – проявление воли... Таким образом, мысль нельзя свести к простому представлению, исключаящему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» [Балли, с. 43-44]. С этой точки зрения **обычай понимается нами не просто как совокупность установок и правил, а как объект оценки и как средство применения и руководство к действию.**

Функция в науке понимается по-разному. В нашем случае функцией можно назвать целевое назначение определенного объекта. Язык в обществе выполняет прежде всего коммуникативную функцию. Это главная его функция. Обычай как элемент сознания и языка обладает множеством функциональных признаков. **Функционализм обычая** проявляется в следующих его свойствах:

1) единство действий, выраженное в упорядочении различных представлений и правил под одним, общепринятым углом зрения; способность регулировать действие и поведение людей;

2) ментальный и устойчивый характер существования; обычай накапливается, хранится в памяти этноса и его представителей;

3) универсальность, всеобщность бытования (хотя состав, строение, сценарий, ценностные признаки и т.д. разнятся у разных этносов и социальных групп);

4) целенаправленность каждого из ритуалов, установлений, церемоний и обычаев;

5) зависимость от неязыковых факторов, ситуаций, обстоятельств и т.д.;

6) знаковость и семиологический характер обычая; соотнесенность в них означающего и означаемого, семантико-смысловая общность, способность сочетаться друг с другом, способность вступать в линейные, пространственные и временные отношения в речевой цепи; устойчивость и постоянство в силу традиции, необходимой обществу; изменчивость во времени и пространстве; мотивированность условиями жизни общества и т.д.;

7) конвенциональность реализации (лат. *convention* «договор, соглашение»);

8) сочетаемость, комбинированность общих и частных, этнических и индивидуально-личностных (групповых, семейных, сословных), общечеловеческих и этнических и других черт и элементов;

9) «ономасиологичность» обычая (когда типы внеязыковых фактов-ситуаций, положений дел, состояний и т.п. выявляются и единообразно характеризуются через языковые значения) [Демьянков, 1995, с. 239-320].

В функциональном языкознании ключевым понятием выступает функционально-семантическое поле (ФСП), служащее основанием для **описания функций единиц разных уровней строя языка**. ФСП – это базирующееся на определенной семантической категории множество

лексических, лексико-грамматических и проverbsиальных средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций [Бондарко, 1983, с. 17; 1986, с. 36].

Каждое ФСП включает в себя систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотнесенную с разнообразными формальными средствами их выражения с общей функцией. Экспоненты ФСП образуют билатеральные единства, имея не только план содержания, но и план выражения. Ср. ФСП «пространство», «время», «медицина» и т.д.

Понятие ФСП связано с представлением о некотором пространстве, в нашем случае – с пространством «обычай». В этом пространстве функций и средств устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения и перекрещивания с другими полями [Попова Т.В., с. 94-95].

ФСП – категория собственно лингвистическая. Оно выделяется и описывается исключительно в терминах семасиологии, **тесно связано с понятием концепта**. Говоря о полях «пространство», «время», «медицина», мы не можем пренебречь их концептуальным, понятийно-познавательным содержанием. Поле и концепт, по-видимому, имеют общие признаки, обладая свойствами дискретности и отдельности, пространственно-временной ограниченности, наличием общего смыслового содержания и названия, разграничением парадигматических и синтагматических показателей, различением ядра и периферии, общих и частных, устойчивых и временных, интенсивных и реже представленных признаков, многообразием связей и взаимодействий с другими полями и концептами и т.д. И в то же время концепт отличается от ФСП некоторым числом специфических черт:

- 1) принадлежностью сфере сознания и мышления;
- 2) способностью материализоваться в языковых знаках;
- 3) членимостью на составные части, на малые когнитивные категории;
- 4) наличием общего когнитивного смысла;

- 5) способностью воспринимать, накапливать, хранить, обрабатывать и распространять знание и опыт людей;
- 6) динамичностью и изменчивым характером содержания;
- 7) информативностью и содержанием сведений различного характера, важности и актуальности;
- 8) окутанностью национально-культурным, интеллектуально-образовательным, гендерно-возрастным, теолого-мифологическим, эмоционально-оценочным ореолом;
- 9) многообразием связей и взаимодействий с другими концептами;
- 10) обусловленностью структуры концепта структурой денотата или мыслимого предмета или явления;
- 11) зависимостью связей концептов от природных линейных связей денотатов;
- 12) разграничением когнитивно-языковых и речемыслительных показателей;
- 13) обращенностью концепта к миру и к его объектам, а значения к выражающему и называющему концепт языковому знаку;
- 14) связанностью одного и того же концепта с разными знаками и разных концептов с одним и тем же знаком;
- 15) обусловленностью образования концепта природными, социокультурными, политическими, идеологическими и другими факторами (отсутствие концепта «коммунизм» в сознании современной молодежи, концепта «мороз» в памяти жителей тропических стран, понятий «справедливость», «космос» и «тригонометрия» в концептосфере представителей первобытных племен);
- 16) своеобразием комбинаторики собственно когнитивных компонентов в структуре концепта с оценочно-прагматическими и коннотативно-экспрессивными компонентами;

17) отдаленностью и меньшей зависимостью от грамматических, стилистических, эмоционально-экспрессивных и других свойств языковых знаков;

18) приблизительностью и нестрогостью типологии и классификации концептов в когнитивно-языковой картине мира этноса;

19) возможностью образования и действия в сознании человека без участия языковых знаков (например, во сне, в мышлении глухонемых) [Попова, Стернин 2007, с. 34-35; Никитин, 2004, с. 53-62; Камбаралиева, 2013, с. 50-58].

Изложенное позволяет заключить, что понятия ФСП и концепт не составляют полную оппозицию и, имея немало общих черт, могут быть использованы к описанию ментально-языкового содержания обычая как элемента концептосферы этноса. Этот факт свидетельствует о тесной связи функционализма с антропоцентризмом в языкознании.

Антропоцентризм роднит лингвистику со многими другими отраслями науки. Принципы антропоцентризма предполагают изучение научных объектов прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Антропоцентризм «обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова, 2004, с. 54-55]. Он стремится поставить человека со всеми его данными и ролями в центр научного исследования.

Антропоцентрический принцип изучения языка был ознаменован такими исследованиями: «Человеческий фактор в языке», «Язык и мир человека» (Н.Д. Арутюнова), «Русский язык и языковая личность» (Ю.Н. Караулов), «Образ человека по данным языка» (Ю.Д. Апресян), «*Homo lingualis* в культуре» (В.А. Маслова), «*Homo loguens* и система координат культуры» (В.В.Красных), «Парадигма с человеческим лицом: человек и его

язык» (В.З. Демьянков), «Языковая личность», «Человек в языке и культуре» (З.К. Сабитова) и др. [Сабитова, с. 270-275; Линг.антроп. с. 33-708].

Многочисленные лингвистические исследования последних лет доказывают антропоцентричность, антропоморфность их объекта – языка. Большая часть лексики языка описывает внешность, портрет человека, его внутренний мир и поведение, его отношения с другими людьми и действительностью, оценку им событий и т.д. [Апресян 1995, с. 37-67].

Идея антропоцентричности языка является главной доминантой современного языкознания.

Лингвистический антропоцентризм выдвигает на первый план производителя и реципиента информации, их цели, устремления, интересы, социальные и индивидуальные особенности. В качестве основных объектов этого направления в языкознании выступают человеческое сознание, мышление, эмоции и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны и регулируют поведение участников речевого общения.

Лингвистический антропоцентризм – полиаспектная и многоплановая научная дисциплина. К числу его важнейших принципов относится трактовка человека как субъекта действующего, воспринимающего и продуцирующего информацию в соответствии со своими психологическими (мышление, память, внимание, характер, интерес и т.д.), социальными (возраст, пол, вера, профессия, национальность и т.д.) и другими особенностями и руководствующегося в своей мыслительно-речевой деятельности определенными стереотипами, правилами, схемами, программами, планами, стратегиями.

Антропоцентрическая лингвистика, следовательно, связана с психологией, социологией, теорией речевой деятельности, логикой и другими науками, составляющими ее макроконтекст. И в то же время, включая в себя психолингвистику, когнитивную лингвистику, лингвоконцептологию, менталингвистику, нейролингвистику,

лингвокультурологию, лингвоэтнокультуроведение и подобные частные направления языкознания, приобретает качество интердисциплинарности.

Что нового приносит лингвистический антропоцентризм? Этим термином сегодня называют:

- 1) программу исследований человека в ролях говорящего и слушающего, пишущего и читающего, а также в роли переводчика;
- 2) изучение языка в тесной связи с сознанием, знанием, опытом, культурой, национальностью и верой его носителей;
- 3) построение ментально-языковых моделей и картин мира с учетом специфики концептуализации и категоризации реальности в сознании этноса;
- 4) определение концепта как ключевой категории антропоцентрической лингвистики, реализуемой в частных типах представления знаний - понятии, образе, картине, схеме, сценарии (скрипте), гештальте в структуре концептосферы этноса;
- 5) исследование концептосферы, менталитета и ментальности народов на основе семантико-когнитивного анализа концептов, их репрезентативов и т.д.

В теории лингвистического антропоцентризма, как уже было сказано, категориальную функцию выполняет **понятие концепта**.

Функционирование языковых единиц в речи относительно говорящего изучается в прагматике. Языковые значения насквозь прагматичны, связаны с человеком в ролях говорящего и слушающего. Языковое значение «антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос, нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый – свою» [Вежбицкая 1996, с. 5-6].

Билингвальное понятие «обычай – салт», соответственно, антропоцентрично и этноцентрично. Первая часть дихотомии отражает традиции и стереотипы русского народа, вторая часть – кыргызского народа.

Наша задача – произвести сопоставительный анализ репрезентативов ФСП-концепта «обычай», выделив их общие и отличительные свойства.

Этноцентризм обычая не нуждается в дополнительном пояснении, был предметом изучения некоторых ученых-филологов республики.

С лингвоэтнокультуроведением перекликаются основные положения этнолингвистической концепции, разрабатываемой А.К. Сыдыковым [135, с. 126-129; 136, с. 296-300; 137, 236 с.].

Концепт «обычай» – социокультурный элемент макроконцепта «время», ставшего объектом разностороннего исследования в кыргызской типологической лингвоконцептологии [Камбаралиева 2013, с. 187-484; 2019, с. 225-278]. ФСП «обычай» является небольшим фрагментом макрополя «время», обладающего антиномическими признаками: состояние – движение, статика – динамика, сосуществование – смена элементов, старое – новое, общечеловеческое – национальное, социальное – индивидуальное, светское – религиозное и т.д., которые совмещают пространственно-временные семы своих номинантов и представляют их как единое целое. Об иерархичности структуры понятия времени А.Н. Сыдыков пишет следующее: «Само ЛСП «время» как система, как макрополе включает в себя все остальные микросистемы, семантические поля, грамматическое время, безотносительное время, семы «точность», «ограниченность», «длительность», «разновременность», «одновременность», «повторяемость», «цикличность» и т.д. и т.п.» [Сыдыков 2011, с. 10]. (Здесь ЛСП – лексико-семантическое поле). Данное положение позволяет нам аналогичным образом определить структуру сем ФСП «обычай – салт» как многокомпонентное, иерархически организованное смысловое образование и охарактеризовать соответствия и несоответствия его составляющих по предложенной ученым схеме.

Для типологического рассмотрения ФСП «обычай – салт» с позиции этнолингвистики важное значение имели положения и принципы лингвокультурологии, изложенные в монографии З.К. Дербишевой

«Кыргызский этнос в зеркале языка» [2012, с. 5-389]. Она особо выделяет когнитивный признак «национальные обычаи» [с. 70-81], исследуя традиции этноса в плане взаимодействия культуры и жизненных ценностей, ментально-языкового восприятия и понимания пространства и времени, с точки зрения норм родственных и морально-нравственных отношений и т.д.

Мы, конечно, не отождествляем ФСП и концепт, но подчеркиваем их близость и взаимозависимость. Обычай – многослойное социальное понятие. Его содержание может быть раскрыто в разных ракурсах и аспектах – этнографическом, социолингвистическом, лингвосемиотическом, этнопсихологическом и т.д. Выше была особо выделена важность координации функционально-семантического, антропоцентрического и этноцентрического подходов к изучению типологии номинантов концепта и ФСП «обычай» в русском и кыргызском языках.

Провести четкую разграничительную линию между ФСП «обычай» и концептом «обычай» трудно. Они тесно связаны друг с другом, их строение и состав резко не контрастируются. Только концепт, являясь единицей памяти и мыслительным образованием, изучается в когнитивистике и в теории познания. Когда мы рассуждаем о концепте, мы стараемся проникнуть в ментальный мир этноса через семантику вербализующих его языковых единиц.

Концепт разносторонне описывается только на основе языковых репрезентативов.

Связь языка с познанием давно интересует лингвистов (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, К. Бюлер, Ч. Осгуд, Т. Себеок и др.). В последние десятилетия XX века ученые все чаще стали говорить об активном участии языка в познании мира. Лингвисты разработали основы новой науки – когнитивного языкознания, являющегося одним из направлений когнитологии или когнитивной науки. Понятие когнитологии – это зонтичный термин, объединяющий в своих пределах ряд наук – когнитивную психологию, когнитивную социологию, когнитивную

лингвистику, когнитивное литературоведение, философскую теорию когнитии, теорию искусственного интеллекта и т.д. [Кубрякова Е.С. 2004, с. 10-11; см. также: Кубрякова 1999а, с. 34-47; Кубрякова 1999б, с. 3-12; Кубрякова 2004, с. 6-15].

Задачами когнитологии являются «и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова 2004, с. 8-9]. Следовательно, когнитивное языкознание изучает способы и механизмы получения, представления, обработки, переработки и передачи знаний с помощью языковых знаков.

Когнитивное языкознание оформилось как научное направление в американском континенте. У его истоков стоят американские лингвисты (Джордж Лакофф, Рональд Лангакер, Рэй Джакендорфф и др.). В России когнитивная лингвистика представлена в трудах целого ряда лингвистов (Е. С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н.Телия, А.П. Бабушкин, А.В. Кравченко, С.Х. Ляпин, Г.А. Волохина, Ж.Ф. Ришар и др.), которые изучают языковые единицы с точки зрения представляемого в них знания, опыта, познания. По их мнению, в основе знаний о мире лежит концептосфера, состоящая из концептов – единиц ментальной информации и когнитивно-семантических полей с ядром и периферией.

Когнитивная лингвистика – это уже вполне сформировавшаяся отрасль внешней лингвистики со своим понятийно-категориальным аппаратом, сложившимся содержанием и методологической базой. К настоящему времени определены основные термины когнитивного языкознания [Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. 1996], охарактеризованы основные положения и постулаты науки [Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1997, с. 11-21], установлена корреляция когнитивной науки, когнитивной психологии и когнитивного языкознания [Залевская А.А.

1998, с. 6-9; 2000, с. 91-94; 2005, с. 234-244], изучена эволюция когнитивной лингвистики [Кобрина Н.А. 2000, с. 170-175], определено взаимоотношение семантики и когниции [Ченки А. 1996, с.68-78; Попова З.Д. 1996, с. 64-68; Болдырев Н.Н. 2001, 2004; Рахилина Е.В. 1998, с. 3-15], произведена типология концепта [Демьянков В.З. 1994, с. 17-33; Прохоров Ю.Е. 2008, с. 19-23; Дрофа Л.И., с. 41-43] и т.д. Большую роль в определении предмета и объекта когнитивного языкознания, в установлении содержания, композиции и общей модели дисциплины, в выделении и характеристике ее категориально-понятийного и методического аппарата значительную роль сыграли обобщающие труды З.Д. Поповой и И.А. Стернина [1994, 2004, 2010, 2015], А.П. Бабушкина [1996], Л.Г. Зубковой [2000], В.В. Красных [2000], В.И. Карасика [2004], Г.Г. Слышкина [2004], А.В. Кравченко [2009], А.В. Рудаковой [2004] и В.А. Масловой [2001, 2011] и других.

Проблемы когнитивного языкознания, лингвокультурологии и лингвоконцептологии активно разрабатываются и в нашей республике.

Основы сопоставительной лингвокогнитологии и лингвоконцептологии впервые у нас были изучены М. Дж. Тагаевым на примере морфемики и словообразования русского и кыргызского языков [2004б, 284 с.] и углубленно рассматривались в многочисленных его трудах [2004а, с. 113-121; 2004б, с.61-89; 2024, с.149-175].

В разработке проблематики когнитивной лингвистики и лингвокультурологии важную роль сыграли монографии З.К. Дербишевой «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры», «Кыргызский этнос в зеркале языка», «Язык и этнос» и «Основы лингвокогнитивного сравнения языков» [2012а, 176 с.; 2012б, 404 с.; 2017, 256 с.; 2019, 336 с.]. Молодые исследователи взаимоотношения языка и культуры, языка и знания находят много полезного в этих капитальных трудах.

Заметный вклад в изучение вопросов названных отраслей языкознания внесла М.И. Лазариди, исследуя языковые средства выражения психического состояния человека с позиции теории номинативно-семантического поля

[2011, 356 с.; 2009, с. 63-73 и др.]. Ее работы носят молилингвальный характер.

Ценные идеи и находки содержатся в трудах П. Кадырбековой по проблематике лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и лингвопрагматике. Опыт сопоставления речевых актов и формул речевого этикета в немецком и кыргызском языках, отражающих лингвокультурные традиции двух этносов, был учтен нами при переводе номинантов концепта «обычай» с русского языка на кыргызский и с кыргызского на русский [2011, 265 с.; 2012, 419 с.; 2008, с. 68-72]. Этим автором на материале двух языков глубоко разработаны проблемы межкультурной коммуникации и теории сопоставительной лингвокультурологии.

При переводе примеров с одного языка на другой мы руководствовались положениями транслатологической теории, разработанной З. Караевой в целом ряде ее трудов [1992, с. 42-43; 1997, 43 с.; 2006, 365 с.]. Актуальной становится идея этого автора о переводческой категории.

Необходимо особо выделить труды У.Д. Камбаралиевой. В ее монографии «Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира», написанной на последнем слове языкознания, изложены принципы лингвистического концептуализма, лингвокультурологии и лингвокогнитологии. Модель описания репрезентативов мыслительной темпоральности служит образцом для когнитивного анализа и легко может быть перенесена на изучение других концептов (места, причины и т.д.) [2012, С. 110-117; 2013, 490 с.; 2017, с.41-46; 2019, 324 с.].

Проблемы когнитивистики и когнитивного языкознания были предметом изучения Б.Е. Дарбанова [2012а, с. 270-274; 2012б, с. 113-117; 2013, 44 с.] и М. Е. Дарбанова [2016, 296 с.]. Особенностью этих исследований является подход «от когниции – к языку», когда исходной основой изучения языковых фактов служат их семантика и отраженные в них знания этноса [Аспекты, с. 610-611].

Ключевые вопросы когнитивного языкознания были предметом изучения лингвиста Л.И. Дрофы [2012, 98 с.].

Межкультурные и межъязыковые концепты рассматривались в исследованиях Г.А. Мадмаровой, которая на материале тетралогий С.П. Бородина «Звезды над Самаркандом» и А. фон Бека «Гунны» всесторонне рассматривает кыргызские, межтюркские и межнациональные социально-культурные концепты в контексте общей компаративистики и теории языковых контактов, определяет межкультурные концепты как фрагмент концептуальной картины мира целого ряда евразийских этносов, обстоятельно и убедительно классифицирует их с позиции лингвогенетики, лингвотипологии, лингвоконцептологии и функциональной лингвистики [2017, 392 с.].

Способы выражения семантико-когнитивных категорий во фразеологии кыргызского и французского языков подробно исследуются в трудах Б.Б. Нарынбаевой [2015, с. 124-129; 2016, с. 69-70; 2017, 360 с.].

Лингвоконцептологи Кыргызстана пишут свои труды в основном на русском языке. В этом отношении знаменательны монографии А.А. Абдулатова [2006, 149 с.], У.Дж. Камбаралиевой [2019, 324 с.] и К. Саматова [2021, 176 с.; см. также: 2017, с. 167-175; 2018, с. 95-96], а также диссертация М.К. Алишовой [2021, 44 с.], которые были написаны на кыргызском языке и предназначены для носителей этого языка.

А.Т. Абдраева исследует жизненно-бытовые императивы-табу в языке в рамках теорий лингвистического антропоцентризма и функционализма [2018, с. 6-10; 2021а, с. 175-180; 2021б, с. 300-303]. В этих трудах наглядно и обстоятельно продемонстрировано единство семасиологии и когнитивистики, раскрыта сущность табу с точки зрения этнолингвистики, прагмалингвистики, функциональной и когнитивной лингвистики, а также контрастивного языкознания.

Кроме того, в нашей работе учтены или частично использованы идеи и материалы исследований, посвященных рассмотрению номинантов

концептов «вода/суу» [Абыканова 2012, 25 с.], «жизнь/өмүр» [Бутешова, 2012, 22 с.], «Кудай/Бог» [Зулпукаров и др. 2010а, с. 7-12; 2010б, с. 19-20], «суу» [Зулпукаров, Камардинова, 2012а, с.28-40; 2012б, с. 40-48; Камардинова, 2016, 23 с.; 2018, с. 165-175], «Кудай/Бог» [Калмурзаева, 2012, 23 с.], «собака/ит» [Амиралиев 2015, 24 с.], «удивление» [Болотахунова 2016, 24 с.], «страх/коркуу» [Ормокеева 2016, 25 с.], «радость/кубаныч» [Арсланбекова 2018, с. 241-251], «баш» [Айтибаева 2020, с. 95-100], «Ой» [Элчиев, Пазылова, 2023а, с. 308-312; 2023б, с. 312-316], «Кудай» [Атаханова 2023, с. 75-79; Абжапар к. 2024, с. 155-161], «женский интеллект» [Суркеева, Кудайбердиева, 2024, с. 666-671], «злость» [Акматова, Арипова, 2024, с. 25-29], «бакыт/счастье» [Беккулова, Мадмарова, 2024, с. 75-81] и др. В двух работах лингвокогнитивные понятия «удивление» (Г.Ж. Болотахунова) и «женский интеллект» (В.Б. Суркеева, А. Кудайбердиева) исследуются как элементы номинативно-семантического поля.

1.5 Сущность и структура концепта как категории когнитивного языкознания

Термин концепт – латинского происхождения. В латыни слово *conceptus* выражает значения «зачатый», «зачатие» [Прохоров, с. 14] и употребляется для «схватывания» смыслов вещи или проблемы в речевом акте. Этот термин введен в философию Петром Абеляром (1079-1142) в связи с анализом проблемы универсалий, потребовавшим разграничения языка и речи, языковой системы и речевых действий [Прохоров Ю.Е. 2009, с. 30]. В «Новой философской энциклопедии» (НФЭ) читаем: по Абеляру, речь есть «сущность, обладающая субъективностью, смыслоразделительной функцией и смысловым единством... Это – не диахронический процесс звуковой последовательности, а синхронический процесс выявления смыслов, требующий по меньшей мере двух участников речевого акта – говорящего и слушающего, вопрошающего и отвечающего, чтобы быть вместе и понятным, и услышанным ... Высказанная речь ... воспринимается как

«концепт в душе слушателя... Память и воображение – неотторжимые свойства концепта, направленного, с одной стороны, на понимание здесь и теперь; с другой стороны – концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее» [НФЭ. 2001. Том 2, с. 306]. В этих рассуждениях Абеяра отмечаются важнейшие особенности концепта: его *субъективность, динамичность, способность проявляться в речи и речевом акте и обеспечивать синхроническое взаимопонимание участников общения (говорящего и слушающего, вопрошающего и отвечающего), идентифицируя содержание их памяти, понимания и воображения (без совпадения смыслового фонда языковых единиц отправителя и получателя информации вообще невозможно взаимопонимание!)*. Иначе говоря, концепты, являясь единицами речи-мысли, служат опорными пунктами речевых сообщений, приводящими к сознанию говорящего и слушающего, пишущего и читающего к взаимопониманию. Такая роль концепта сближает его с ФСП языковых знаков.

Определение концепта как единицы мысли получило развитие в трудах других ученых. По мнению Фомы Аквинского (1225-1274), концепт есть внутреннее постижение вещи в уме, выраженное через язык, через единство идеального и материально-феноменального [НФЭ 2001. Том 2, с. 307]. Эта идея звучит сейчас по-современному. Неслучайно лингвисты-когнитологи пишут об интериоризованности концепта, о его закреплённости за языковыми знаками, о единстве означаемого и означающего, идеального и материального, о материализации мыслительной единицы путем оязыковлeния и т.д.

С самого начала своего употребления концепт понимается как термин не только языка лингвистики, но и литературоведения, и философии, и логики, и психологии, и культурологии, и других смежных наук. При этом надо отметить, что слова *концепт* нет в современных словарях русского

языка. В.З. Демьянков показал употребление слова в европейских языках. В латыни оно имеет значение «зачатый», реже – значение «понятие», в английском – «понятие», в немецком – «набросок», в испанском и итальянском – в идиомах и художественном тексте «зачатый» и «понятие», во французском его нет [Демьянков В.З. 2001, с.45]. В русском языке оно начинает употребляться в 20-ые годы XX в. вплоть до 70-ых годов в значении «понятие». Далее оно стало разграничивать две линии значений. Одна линия – это понятие, это то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем. Другая линия – концепты, которые существуют сами по себе, в уме людей. Их люди реконструируют с той или иной степенью уверенности [Демьянков В.З. 2001, с. 45]. Понятие – это форма мысли и система существенных признаков определяемого предмета. Любое определение, имеющее целью охарактеризовать главные, необходимые и общие признаки того или иного предмета, является понятием. В этом смысле понятие выступает как одна из разновидностей концепта, наряду с такими его видами, как представление, образ, фрейм, сценарий и т.д. Иными словами, концепт шире понятия по объему и по содержанию, включает его в себя как целое, состоящее из частей. Понятие – это часть концепта, его разновидность. Концепт и понятие находятся между собой в гиперонимо-гипонимических отношениях. Концепт допускает разбиение и описание с разных позиций.

Типологию концепта можно производить *по распространенности, по количеству и массе носителей*. По этому критерию принято разграничивать индивидуальные, групповые, национальные, межнациональные (религиозные, идеологические, политические и т.д.), международные и общечеловеческие концепты.

По языковому выражению концепты могут репрезентироваться лексемами, фразеологизмами, свободными словосочетаниями, предложениями, афористическими средствами (пословицами, поговорками, изречениями, приметами и т.д.), микро и макро семами.

По признаку «смысловая плотность-неплотность» концепты различают внутри себя: 1) ядро, 2) ближнюю периферию и 3) дальнюю периферию.

По этим же критериям разграничиваются типы ФСП.

Критериев разбиения концептов огромное количество. Даже бегло обозреть их весьма трудно. Среди концептов различаются типы: 1) конкретные, абстрактные и смежные («графин» - «справедливость» - «человек»); 2) однослойные и многослойные («икс» - «обычай»); 3) вечные и преходящие («семья» - «КПСС»); 4) одноконтекстуальные («зги» в идиоме *ни зги не видно* – «Ильич» в сочетании *Владимир ... Ленин* в окружении имени и фамилии) и поликонтекстуальные «метро» в разных окружениях); 5) первичные и вторичные («Константинополь» - «Стамбул»); 6) реальные и ирреальные («дом» - «домовой»); 7) микроконцепты и макроконцепты («иголка» - «Вселенная»); 8) естественные и сверхъестественные («ночь» - «черная дыра»); 9) единичные и собирательные («единица» - «множественность»); 10) исходные и конечные («рождение» - «смерть»); 11) одушевленные и неодушевленные («слон» - «мёд»); 12) позитивные и негативные («добро» - «зло») и т.д.

Концепт неоднороден и многослоен. Он привлекателен разнохарактерностью, многоликостью и сложной организованностью. Как мыслительная единица, он не поддается зрительному наблюдению, расчленению и изучению. О его строении мы можем судить интроспективно, исходя из собственного опыта, или по симптомам работы мышления у других людей. Представлять концепт в полном объеме невозможно. В его структуре выделяются образно-перцептивный, информационно-фактуальный (понятийный) и оценочно-ценностный компоненты [Карасик В.И. 2004, с. 118]. Аналогична позиция С.Г. Воркачева, различающего в концепте понятийную (признаковую и дефиниционную), образную (метафорическую) и значимостную составляющие, которые определяют его место в лексико-грамматической системе языка [Воркачев С.Г. 2004, с. 7]. Отметим, что к

значимостным составляющим концепта отнесены его этимологические, деривационные, аксиологические, ассоциативные и другие характеристики.

От такого понимания строения концепта существенно не отличается модель, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, которые тоже различают три компонента в структуре концепта. Эти компоненты они считают базовыми [2010, с. 106-115]. По их мнению, в структуре концепта целесообразно выделять образный, информационно-содержательный и интерпретационно-полевой компоненты, в другой терминологии – *образ, информационное содержание и интерпретационное поле*.

Образ, как известно, существует в сознании. Он возникает в практической деятельности человека как результат и идеальная форма отражения объекта в сознании человека. Образ прежде чем оформиться проходит некоторые ступени.

На чувственной ступени познания образами являются ощущения, восприятия и представления. **На уровне логического мышления** ими становятся понятия, суждения и умозаключения. **На уровне оформления** они материализуются в различных знаках, прежде всего – языковых [БСЭ, 18 том, с. 217].

Образ имеет своим объективным источником предметы и явления окружающего мира. Он вторичен по отношению к своему оригиналу, воплощается в материальную форму в практических действиях, языке и различных знаковых моделях.

Образ всегда идеален, субъективен. Его материальный субъект – это мозг и объект отражения. Образ никогда не исчерпывает всего богатства свойств и отношений отражаемого объекта. Образ – примерная, упрощенная копия оригинала. Полного соответствия между оригиналом и копией не бывает.

Ум, память, знание человека опираются, прежде всего, на чувственных образах и заключены в них в зачаточном состоянии. Концепт в уме человека – субъективный образ предмета, явления, поступивший в память через

зрительные, тактильные, звуковые, вкусовые и обонятельные каналы. Именно поэтому мы говорим о *ярком свете, горячей воде, хриплом голосе, сладком яблоке и вонючем болоте*. В этих примерах номинированы некоторые предметы и их актуализируемые производителем речи перцептивно-образные свойства.

Образы могут быть индивидуальными, групповыми, национальными, религиозными, художественными и т.д. Каждое перцептивное действие человека, совокупность его ощущений, восприятий и представлений в целом и возникшие на их базе чувственные образы в его сознании неповторимы и сугубо индивидуальны.

Склад ума, знаний, традиций и стереотипы поведения и взаимоотношений членов одной семьи отличаются от опыта, привычек и обычаев другой семьи. Представления одного этноса о свадебных или похоронных обрядах не совпадают с соответствующими обычаями другого этноса. Образ Бога имеет разное содержание в сознании представителей разных конфессий, язычества и атеизма. Правда, в период глобализации происходят сближение, интеграция и стирание различий как в индивидуальном, так и в социальном сознании людей.

Мы не согласны с теми когнитивистами, которые рассматривают образ, понятие и оценку как равноправные компоненты в структуре концепта. Образ – исходная база понятия. Образы, возникшие в сознании, создают условия для более абстрактной формы мышления – понятия. В понятии отражаются не чувствуемые, не чувственные, а отвлеченные, наиболее общие и существенные признаки и свойства предметов. А оценка связана с интересами говорящего и пишущего, с его опытом и знанием, с качествами оцениваемых объектов. Поэтому мы не можем отождествлять образ, понятие и оценку как структурные элементы концепта. Образ, понятие и оценка – не равноценные, не равнопорядковые величины, образующие одну структуру, а разные ступени бытия концепта. Причем в оценке доминируют прагматические начала, предполагающие наличие необходимой ситуации,

предмета и субъекта оценки. Для оценки необходимо присутствие триады «оцениваемое – оценивающее – условие (обстановка)». На этом основании мы присоединяемся к мнению тех языковедов, которые включают образ, понятие и оценку в состав типов концепта [Болдырев Н.Н. 2001. С. 36-38; Дрофа Л.И. С.47- 49]. Мы тоже считаем, что структуру концепта составляют не образ, понятие и оценка, вместе взятые, а типы и подтипы концептов, образующие в совокупности взаимосвязанное и взаимообусловленное единство с целостным содержанием. Типы концепта «обычай» соотносительны с микрополями одноименного ФСП.

Выводы по I главе

Обзор базовых идей и принципов, на которые опирается наша работа, позволяет сделать некоторые выводы.

1. ФСП «обычай – салт» имеет сложное строение. Оно многоаспектно и содержит в себе целый ряд составляющих. Оно может быть адекватно описано на основе полипарадигмальной теории языка, с использованием приемов и методов различных наук.

2. Структуру изучаемого ФСП составляют философский, социологический, правовой, торгово-экономический, политический, идеологический, этноментальный, религиозный, бытовой, морально-нравственный, культурно-этический и другие компоненты, по-разному актуализируемые в различных условиях общения и сферах речевой деятельности. Все компоненты, вместе взятые, образуют целостный семантический облик понятия обычай.

3. Два термина – ФСП и концепт – являются ключевыми в двух отраслях языкознания – в функциональной и когнитивной лингвистике. ФСП-концепт «обычай – салт» в силу своих объективных свойств предполагает комплексное исследование, базирующееся на достижениях и методах как традиционной лингвистики, так и вновь формирующихся двух отраслей внешней лингвистики.

4. Когнитивная лингвистика представляет обычай как структуру знания и опыта, функциональная лингвистика – как ФСП, этнолингвистика и лингвоэтнокультуроведение – как совокупность общепринятых стереотипов нации, экспонируемых в языковых средствах, лингвокультурология – как элемент и признак традиционной культуры, закрепленные в языке.

5. Теория межкультурной коммуникации определяет понятие обычая с точки зрения взаимодействия двух и более культурно-языковых кодов в сознании и речи носителя билингвизма и полилингвизма, в плане соответствий и несоответствий его номинантов в контактирующих языках и культурах.

6. В лингвистической концептологии концепт «обычай – салт» изучается в аспекте расчленения обычая на категории и подкатегории, на типы и подтипы, на общее и частное, на гиперонимы и гипонимы, на суперконцепт, субконцепты и микроконцепты. Установление иерархической организации содержания концепта-поля «обычай – салт» существенно дополнит все другие представления и воззрения об обычаях, установленные в различных отраслях науки.

7. Сторонники различных подходов к изучению понятия обычая солидарны в мнении о том, что наиболее общей категорией комплексного лингвокогнитивного исследования является концепт в силу своей ментальности, всеобщности, многообразия и многотипности, способности объективироваться в языковых знаках. А такие его типы, как представление, образ, символ, понятие, фрейм, сценарий, когнитема, гештальт и т.д., выступают как частные проявления концепта, тесно связанные с соответствующим ФСП.

8. В когнитивной лингвистике приняты различные критерии классификации видов и разновидностей концепта. Эти критерии не всегда бывают однозначными и нередко вступают между собой в противоречивые и даже взаимоисключающие отношения (Ю.Е. Прохоров).

9. Каждый из типов поля-концепта «обычай – салт» обладает своим специфическим содержанием, идентичным природным свойствам отображаемых объектов и явлений, и признаками, отличающими каждую его разновидность от других. Многие концепты соотносительны с функционально-семантическими полями и имеют сходное строение и компонентный состав.

Глава II. МАТЕРИАЛЫ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ФСП «ОБЫЧАЙ» В КОГНИТИВНО- ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТЕ

2.1 Материалы, объект и предмет исследования. Взаимодействие экспонентов обычая и типов концепта

В качестве материалов исследования взяты языковые средства русского и кыргызского языков, являющиеся репрезентативами ФСП и концепта «обычай-салт»:

- 1) слова, выражающие обычаи и жизненно-поведенческие установления двух этносов;
- 2) словообразовательные модели номинантов обычая и их типология в когнитивно-семасиологическом плане;
- 3) речевые формулы и фразеологизмы, участвующие в выражении традиционных норм и правил поведения представителей кыргызского и русского народов;
- 4) фразы и предложения, которые встречались и встречаются в живой речи носителей двух языков;
- 5) пословично-поговорочные изречения, взятые из паремиологических сборников на русском и кыргызском языках;
- 6) высказывания мыслителей прошлого о роли обычаев и традиций в жизни общества;
- 7) предложения и разные синтаксические обороты с номинантами концепта «обычай» в формулировках социологов, этнографов, писателей и поэтов Кыргызстана и России.

Специфика фактического материала способствовала определить объект и предмет диссертационной работы. **Объектом** исследования являются ФСП и концепт «обычай – салт» как единицы функциональной и когнитивной лингвистики, а его **предметом** – ментально-языковые средства и способы презентации поля-концепта «обычай – салт» в русском и кыргызском языках.

Обычай в нашей работе, следовательно, рассматривается в двух планах – функционально-семантическом и когнитивно-языковом. Мы ниже определим его когнитивно-языковые особенности в сочетании со значимостными, содержательными.

Функциональное и ментальное своеобразие концепта «обычай – салт» наглядно демонстрируется при определении сущностных свойств концепта и характеристике основных его разновидностей с позиции функциональной лингвистики и теории поля.

Типология концептов должна осуществляться в соответствии с типами знания и опыта людей, с их различительными признаками.

Ученые-когнитивисты классифицируют концепты по-разному. При этом надо отметить, что при разграничении типов и подтипов концепта они руководствуются различными критериями. Концепт называют лингвокогнитивным (Е.С. Кубрякова), психолингвистическим (А.А. Залевская), лингвокультурным (Г.Г. Слышкин) или абстрактно-научным (А. Соломоник) понятием. Он рассматривается как единица ментальности (В.В. Колесов, С.Г. Воркачев), сознания (З.Д. Попова, И.А. Стернин), языка мысли (С.А. Аскольдов), информации о мире (С.А. Борисова), ментально-лингвального комплекса (В.В. Морковкин), языкового видения мира (Ю.Д. Апресян, Н.В. Черемисина) и т.д. Концепт выражается словом (С.А. Аскольдов, Н.В. Черемисина), корнем слова (Е.И. Зиновьева), категориями и формами родного языка (В.В. Колесов), готовыми лексемами, фразеологизмами, свободными словосочетаниями, синтаксическими конструкциями, текстами (А.П. Булатова, З.Д. Попова, Т.А. Фесенко), всем, что мы знаем об объекте (В.Н. Телия), всей совокупностью языковых и неязыковых средств (В.И. Карасик), комплексом значений соответствующего слова и его ассоциацией и коннотаций (Д.С. Лихачев, Н.К. Рябцева) и т.д. Исследователи определяют структуру концепта тоже с разных точек зрения, различая этимологический и актуальный слои (Ю.С. Степанов), ядро и периферию (З.Д. Попова, И.А. Стернин, З.К. Дербешева, У.Дж.

Камбаралиева), концепт-минимум и концепт-максимум (А. Вежбицкая), микро- и макроконцепты (Г.В. Токарев), мини- и суперконцепты (Г.В. Гафарова), индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концепты (Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик), мыслительную картинку, концепт-схему, концепт-фрейм, концепт-инсайт, концепт-сценарий, калейдоскопический концепт (А.П. Бабушкин, В.А. Маслова, З.Д. Попова), узловой и атомарный концепты (А.П. Булатова) и др. (См. обзор литературы по данному вопросу [Попова, Стернин, 2010, с.106-121; Прохоров 2009, с. 19-23; Абдувалиева 2017, с. 12-14; Камбаралиева 2019, с. 79-149, 205-279]). Некоторые из приведенных дефиниций концепта вполне применимы к определению понятия ФСП.

При разбиении концептов на классы Г.Г. Слышкин учитывает последовательность и полноту-неполноту возникновения и формирования концептов, выделяя первичные и вторичные концепты, метаконцепты (образуемые в результате осмысления продуктов предыдущей концептуализации), а также пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные и рудиментарные концепты. Для этого языковед важна динамика развития концепта, его формирование и семантическое наполнение по пути «от простого – к сложному», «от начального – к предельному», «от рудиментального – к метаконцепту» и т.д. [Слышкин Г.Г. 2004. С. 5-7]. Если А.П. Бабушкин разграничивает мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, инсайты, сценарии, калейдоскопические концепты [1996. С. 43-67], то Н.Н. Болдырев делит концепты на образы (конкретно-чувственные), представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии/скрипты, гештальты [2001, С. 36-38]. Эти типы концептов находят отражение в разновидностях и микрополях ФСП.

Для нашей работы важными были следующие суждения:

1. Функции и когнитивные признаки языковых единиц взаимосвязаны, образуют единство, дополняя и поддерживая друг друга.

2. Концепт шире, богаче, многообразнее, динамичнее ФСП. Не все его признаки находят соответствия в функциональных единицах языка.

3. Принципы лингвокогнитологии и лингвоконцептологии наряду с положениями лингвистических функционализма, антропоцентризма и этноцентризма могут составить методологическую базу исследования ФСП и концепта «обычай – салт» на материале русского и кыргызского языков.

2.2. Методологическая база и методы исследования

Наша работа базируется на достижениях современной лингвистики и использует принятые в ней приемы, способы и методики изучения языкового материала.

В работе в качестве исходных принципов и методологической основы приняты положения:

1) о тесной и взаимообусловленной связи языка с обществом, мышлением, речевой коммуникацией и культурой;

2) о целостном единстве материального и идеального (формы и содержания/значения), синхронии и диахронии, статики и динамики, системного и асистемного, стандартного и нестандартного, абстрактного и конкретного, объективного и субъективного, общего и индивидуального и других универсальных дихотомий в языковых знаках;

3) об антропоцентричности, семантикоцентричности и этноцентричности языка;

4) о многофункциональности языковых знаков и о комплексном характере действия функций языка – коммуникативной, номинативной, когнитивно-познавательной, кумулятивной, экспрессивно-оценочной, метаязыковой, волюнтативной и других;

5) об уровневой организации языка, о возможности и необходимости разграничения в нем основных и дополнительных уровней, среди дополнительных - межуровневых и внутриуровневых звеньев (подуровней);

6) об универсальности трех типов отношений языковых знаков – парадигматических, синтагматических и иерархических;

7) об отсутствии резких отграничительных линий между концептом и ФСП, а также между семантическим, лексико-семантическим, номинативно-семантическим, лексико-тематическим, функциональным, понятийным и другими полями в языковой картине мира этноса.

В работе использовано три группы **методов исследования**: 1) эмпирические методы, 2) общетеоретические методы и 3) семантико-когнитивные методы.

Метод – определенный подход к сопоставительному изучению номинантов обычая в двух языках. В данном случае мы называем методом систему положений, приемов и процедур, способствующих целенаправленному рассмотрению обычая и его экспонентов с позиции функциональной и когнитивной лингвистики.

Эмпирические методы называются еще иногда эвристическими. Они основываются на эмпирии, человеческом опыте, на типах восприятия человеком мира посредством органов чувств. К ним относятся 1) наблюдение, 2) поиск, нахождение, регистрация материала; 3) сбор, хранение, систематизация и классификация фактов; 4) толкование значений слов, комментирование; 5) нахождение семантических, функциональных и концептуальных сходств и различий в языковых знаках; 6) разгруппировка фактов по семантике, происхождению, частотности и продуктивности, составу, частеречной принадлежности и другим критериям; 7) перевод с кыргызского языка на русский и с русского языка на кыргызский (перевод может быть авторским, коллективным, с использованием лексикографических изданий – толковых, переводных и энциклопедических словарей); 8) беседа, опрос, подсчет, ассоциативный эксперимент; 9) получение консультаций у специалистов и коллег по поводу значений номинантов концепта и ФСП и т.д.

На одном конкретном примере хотим показать особенности координированного применения эмпирических методик изучения фактического материала. Просматривая собрание сочинений Молдо Кылыча, мы столкнулись с его объемным стихотворением под названием «Алдамчы/Обманщик». Нас заинтересовало в нем следующие четыре строфы:

*Жаман айтса жактаган,
Жакишы кепти жектеген
Манабыңдын **адаты** –
Кара болсо, ак деген.*

*Билгин десе билбеген,
Билген тилин албаган
Кыргыз, казак **адаты**,
Оң жагында жүрбөгөн.*

*Кылар ишти кылбаган –
Бөз баланын **адаты**.
Кыргыз, казак **адаты** –
Олжо десе суктанаган.*

*Кыйбат эмес көзгө айтмак,
Чукулунан сөз айтмак
Билимпоздун **адаты** –
Терең ойлоп, тез айтмак [Молдо К., с. 86-87].*

Содержание этих стихов переведем на русский язык прозаическим текстом и постараемся сохранить и адекватно передать понимание поэтом стереотипов и привычек представителей общества. Ср. перевод:

Поддерживающая плохие слова,
Ненавидящая хорошую речь

Привычка правителя твоего,
Выдающего черное за белое.

Не знающая, когда говоришь «Знай»,
Не прислушивающаяся к мнению
Привычка кыргыза и казаха,
Не бывших на правой стороне.

Не делать нужное дело –
Привычка молодого парня.
Привычка кыргыза и казаха –
Жадно смотреть на добычу.

Сказать прямо, не клеветая,
Сказать кратко, по сути –
Привычка знатока
Обдумав глубоко, быстро сказать.

В переводе сохраняется логика и буквальный смысл всего текста, не было стремления выразить ритмомелодику и рифмовку стихов. Слову *адат* соответствует слово *привычка*. Социальный термин *манап* «представитель верхушки феодально-родовой знати, который, не имея личной собственности, жил за счет управляемого им населения и распоряжался его собственностью» [Юдахин 2, с.16] переведен словом *правитель*. Аккозионализм *билимпоз* «знающий, ученый» [КТТС, с. 275-276] получил эквивалент в виде *знаток* «билерман, билимдүү». В тексте этнонимы *кыргыз* и *казах* употреблены в единственном числе. Их значение можно было бы передать формами множественного числа.

В отрывке слово *адат* употреблено пять раз, при этом четыре раза в негативным смысле (1, 2, 3), один раз – в позитивном (4).

Здесь мы применили разные эмпирические методы: выбор текста, нахождение в нем нужных лексем, определение русского эквивалента слова *adat* в виде *привычка*, установление количества его употреблений и позитивности-негативности значений слова, перевод текста на русский язык с использованием КРС К.К.Юдахина и с участием коллег-русистов, пояснение значения историзма *манан*, выделение аккозионального характера лексемы *билимпоз*, показ возможности вариативного употребления этнонимов в формах числа.

2. Общетеоретические методы. Эти методы носят междисциплинарный характер и используются в различных гуманитарных науках. К ним относятся

1) **описательный метод** состоит из системы исследовательских приемов, применяемых для характеристики языковых явлений в рамках ФСП и концепта «обычай – салт»; с его помощью устанавливается состав лексических, фразеологических, свободных синтаксических и паремиологических единиц языка в рамках объекта исследования, определяются общие и отличительные черты, понятийные, предметные, коннотативные и другие значения, осуществляется компонентный анализ семантики слов, образующих данное поле или концепт, проводится контекстное описание динамики значений лексико-фразеологических единиц языка, выделяются пропозиции в афористических средствах языка;

2) **сравнительный метод** имеет разновидности, различаются внутриязыковое и межъязыковое сравнение; в нашей работе используется как внутриязыковое сравнение, когда изучаются имеющие общие свойства факты одного языка в рамках темы исследования, так и межъязыковое сравнение, когда рассматриваются идентичные, частично совпадающие или близкие явления двух языков; в нашем исследовании выделены те зачаточные частицы концепта «обычай – салт» в сознании представителей двух этносов, которые тождественны, частично совпадают или в корне отличаются и оказывают влияние на их взаимопонимание в процессе речевого общения;

сравнение применяется нами также при идентификации слов родственных языков;

3) **сопоставительный метод** используется нами более последовательно, чем сравнительный, поскольку изучаются факты двух неродственных языков; с его помощью мы пытаемся выявить общее и особенное в русской и кыргызской лингвокультурах в языковом выражении обычая, в когнитивно-семантическом расчленении его на части и компоненты и осуществлении соответствующего номинирования;

4) **метод реконструкции** используется нами при восстановлении праформы отдельных номинантов билингвального ФСП «обычай – салт» и при демонстрации путей заимствования лексических единиц одного языка другим;

5) **функциональный метод** ставит на первый план категорию значения и способствует выявлению свойств языковых знаков с позиции понятий «функция», «семантика» и «употребление»;

6) **парасинтагматический метод**, предполагающий рассмотрение парадигматических и синтагматических единиц фразеологизмов, словосочетаний и предложений в комплексе;

7) **метод обобщения**, обеспечивающий делать синтезирующие выводы и заключения из анализа и сопоставления лингвистических фактов.

Кроме того, мы обращаемся к приемам и процедурам общенаучных методов – анализа, синтеза, индукции, дедукции, моделирования, аналогии и формализации.

3. Семантико-когнитивные методы [Попова, Стернин 2010, с. 159-217; Камбаралиева 2019, с. 205-279]:

1) семантико-когнитивный анализ (построение номинативного поля концепта, описание семантики соответствующих единиц и их интерпретация, раскрытие содержания концепта, составление словесной модели с ядром, ближней, дальней и крайней периферией и т.д.);

2) описательный метод (лексикографическое описание, психолингвистическое описание, построение ассоциативного поля);

3) построение номинативного поля концепта (установление а) ключевого слова-репрезентанта, б) ядра номинативного поля, в) периферии поля, построение текстовых, лексико-фразеологических, деривационных, паремиологических, ассоциативных полей концепта);

4) ассоциативный эксперимент;

5) описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта;

6) верификация результатов описания путем обращения к носителям языка;

7) когнитивная интерпретация полученных данных (интерпретация семантики номинантов концепта – слов, фразеологизмов, паремий; интерпретация ассоциативного эксперимента и т.д.);

8) моделирование концепта (описание а) макроструктуры концепта, б) категориальной структуры концепта и в) полевой структуры концепта).

Использование названных выше методов и их приемов позволило нам получить некоторые новые научные результаты. Однако необходимо отметить, что не все методики были разноценны для достижения целей и задач исследования. Продуктивно и последовательно применялись только методы перевода (с одного языка на другой), семантической интерпретации номинантов ФСП и сопоставления. Когнитивно-семантические приемы анализа использованы ограниченно и поверхностно, поскольку мы основное внимание уделяли выявлению и сопоставительному описанию семантика тех лексико-фразеологических и коммуникативных единиц, которые входят в состав двуязычного ФСП «обычай – салт».

Выводы по II главе

1. В качестве материала исследования используются лексемы, словообразовательные элементы, типовые речевые формулы, фразеологизмы,

свободные словосочетания, предложения, пословицы, поговорки, афоризмы и тексты.

2. Объект исследования – ФСП и концепт «обычай – салт» как единицы функциональной и когнитивной лингвистики, его предмет – ментально-языковые средства и способы презентации поля-концепта «обычай – салт» в русском и кыргызском языках.

3. Сопоставительное изучение номинантов поля-концепта «обычай – салт» базируется на принципах современной лингвистики, признающих доминирующую роль основополагающих и универсальных дихотомий в языковом сознании («язык – общество», «язык – культура», «язык – человек», «язык – мышление», «язык – этнос», «парадигма – синтагма», «диахрония – синхрония», «семантика – концепт» и т.д.).

4. В работе показаны взаимосвязь понятий «поле» и «концепт», обширность, многообразие и когнитивно-мыслительный характер концепта, а также значимость функционально-семантического описания языковых единиц для теории и практики современной лингвистики.

5. Функционально-семантический анализ билингвального поля «обычай – салт» существенно дополняет наши представления о строении одноименного концепта, создавая обширный фон и контекст для раскрытия его ментальной сущности. Некоторые концепты и ФСП имеют сходные и близкие черты.

6. В работе используются различные методы исследования. Накоплению фактического материала способствовали приемы и процедуры эмпирических методик. Выявление общих и главных признаков в номинантах поля и концепта, формулирование выводов и результатов исследования были достигнуты с помощью общетеоретических и междисциплинарных методов – описания, сравнения, сопоставления и т.д.

7. Когнитивно-семантические приемы исследования выполняли побочную роль, но периодически использовались нами с целью полного и

разностороннего рассмотрения ФСП «обычай – салт» в сопоставительном и семасиологическом планах.

ГЛАВА III. РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ФСП «ОБЫЧАЙ – САЛТ» В РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

3.1 О двух подходах к сопоставлению русских и кыргызских номинантов ФСП «обычай – салт»

Настоящая глава посвящается раскрытию этноментальной и семантико-когнитивной сущности ФСП «обычай – салт» на материале лексико-фразеологических и коммуникативных единиц русского и кыргызского языков.

В русском языкознании слово *обычай* и его смысловое содержание рассматриваются в целом ряде семасиологических и концептологических исследований в связи со словами *обыкновение*, *ритуал*, *традиция*, *норма*, *мода* и т.д. и установлено функционально-семантическое единство этих слов [Веснина Г. Ю. 2012, с. 87-89.; Глебкин В. В. 1998, с. 3-168; Ефанова Л. Г. 2006, с. 53-59; Кравченко А. В. 2009, с. 51-66; Федяева Н. Д. 2010. 183с.; Шацкая Ж. Ю. 2014, с. 224-229; Леонтьева Т. В. 2014, с. 14-39 и др.].

Кыргызские и кыргызско-русские номинанты ФСП «обычай – салт» были предметом рассмотрения в трудах А.Т. Абдраевой, Д.Б. Мадаминовой и других типологов [2017, с. 94-97; 2018, с. 6-10; 2021a, с.175-180; 2021b, с.300-303], Э.Т. Толоковой [2017, с. 145-154] и в лексикографических изданиях [К.К. Юдахин, 1,2; КТТС, I, II; РКС, I-IV].

В нашей работе учитываются некоторые наблюдения и выводы этих авторов и использованы примеры из названных словарей. Однако мы рассматриваем эти и подобные слова с точки зрения семасиологии, лингво-этнокультурологии, функционально-сопоставительной лингвистики. Если многие из вышеназванных российских авторов изучают фактический материал по направлению «от знака – к значению», то мы в основном руководствуемся иным направлением анализа. В качестве исходной позиции

мы выбрали концепт и семантику, поэтому мы исследуем факты языка по пути «от семантики – к языковым средствам ее выражения».

Необходимо отметить, что направление «от знака – к семантике» самостоятельно и широко распространено. На этом принципе основываются исследования многих языковедов-типологов (А.А. Азизов, В.А. Исенгалиева, В.Д. Скирдов, О.В. Захарова, К.С. Чонбашев, М.Ж. Тагаев, А.Н. Сыдыков и др.). Направление же «от семантики – к знаку» не является вполне самостоятельным. Оно всегда в той или иной степени зависит от первого направления, основанного на явно выраженных языковых единицах, классах и категориях. Этот подход восходит к теории активной грамматики и разрабатывается в трудах целого ряда известных лингвистов (Л.В. Щерба, Б.А. Серебренников, Т.П. Ломтев, А.В. Бондарко, Т.В. Попова, З.К. Дербишева и др.) [Зулпукаров 1994, с. 197-198]. Мы будем стараться чередовать эти направления, отдавая, правда, предпочтение направлению «от семантики – к знаку», предусматривая описание плана содержания и руководствуясь положениями функциональной лингвистики.

Задачами этой главы являются: 1) определение состава репрезентативов поля-концепта «обычай – салт» в двух языках; 2) разграничение гиперонимов и гипонимов в числе репрезентирующих ФСП единиц языка; 3) обсуждение сведений об этимологии номинантов концепта-поля; анализ лексикографических данных о словах, объективирующих концепт «обычай – салт» с точки зрения функционально-типологического языкознания; 4) сопоставление формо- и словообразовательных гнезд русских и кыргызских экспонентов ФСП «обычай – салт»; 5) разбор типичных эпитетов наименований концепта-поля «обычай – салт»; 6) установление общих и отличительных значений репрезентантов концепта и ФСП «обычай – салт» в русском и кыргызском языках; 7) построение обобщающих моделей данного поля-концепта на материале сопоставляемых языков.

Анализ языковых единиц и категорий в сопоставительном языкознании может быть осуществлен параллельно двумя путями: а) «от языка А – к

языку Б» и б) «от языка Б – к языку А», что обеспечивает полноту изложения и описания фактов и, главное, равноправие сопоставляемых языков. Такой двусторонний подход имеет один существенный недостаток: нередко одни и те же факты приходится рассматривать дважды – с точки зрения как первого, так и второго языка, допуская дублирование.

Мы сначала рассмотрим фактический материал по направлению «от русского языка – к кыргызскому». Это объясняется прежде всего тем, что русский язык, имея длительную письменную традицию, отражая, накапливая и обрабатывая многовековой опыт русского народа, содержит в себе богатейший материал, необходимый для выявления сущности ФСП «обычай», для всесторонней характеристики номинантов этого поля-концепта и для нахождения и интерпретации их эквивалентов в кыргызском языке. С другой стороны, на кыргызские представления об обычаях оказали существенное влияние те обозначения, которые возникли в европейских языках и через них проникли в кыргызский язык (*традиция, норма, мода* и др.). Эти сведения создают обширный фон для сопоставительного изучения номинантов поля по принципу «от кыргызского языка – к русскому», для описания кыргызских номинантов поля-концепта с точки зрения русской ментальности.

В качестве методов исследования использованы приемы и процедуры перевода с данного языка на другой, сопоставления и сравнения, элементы моделирования, формализации, системно-описательного метода.

3.2 ФСП «обычай – салт»

как многоаспектное смысловое образование

ФСП «обычай – салт» многослойно, устроено весьма сложно. В его содержании четко разграничиваются функционально-семантические признаки и слои, которые неоднородны и разнохарактерны, но взаимодействуют друг с другом и образуют единство в рамках данного поля. Мы имеем основания различать: 1) понятийный слой; 2) образный слой; 3)

эмотивно-оценочный слой; 4) лексикографический слой; 5) энциклопедический слой; 6) межэтнический слой; 7) этимологический и деривационный слои; 8) этноментальный слой (присущий только данному этносу); 9) историко-культурный слой; 10) ирреально-сакральный слой; 11) религиозно-теологический слой; 12) архаический, устаревающий слой; 13) правовой слой; 14) морально-этический слой; 15) ритуально-культовый слой; 16) индивидуально-личностный слой; 17) символический слой; 18) слой, носящий групповой (семейный, сословный, статусный, кастовый, гендерный, возрастной и др.) характер и т.д.

Только описание каждого из этих слоев ФСП могла бы составить объем крупного сочинения. Поэтому мы сужаем рамки объекта работы, рассматривая только семантику основных номинантов поля и его составных компонентов.

Понятийное содержание концепта-поля «обычай» существует в сознании этноса. Оно формировалось на протяжении многих веков. Полное представление об обычае имеет только этнос в целом, но не его отдельные представители. Члены социума по-разному, с разной степенью полноты определяют обычай и его состав. Обыденно-бытовое сознание характеризует его ассоциативно, односторонне и с пробелами, о чем свидетельствуют данные лингвоассоциативного эксперимента, проведенного нами среди носителей русского и кыргызского языков.

Понятие «обычай» в полном объеме раскрывается в энциклопедических, философских, этнологических, социологических, этнографических, географических, исторических и других словарях и трудах. Много полезного и интересного в этом направлении можно найти в толковых и двуязычных (переводных) словарях. Сравнительный анализ существующих и принятых учеными определений – важная и объемная задача. Мы ниже приведем фрагменты из двух словарей подобного типа, где обобщенно раскрыто содержание понятия «обычай». В СЭС мы читаем: обычай – это «стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном

обществе или социальной группе и является привычным для их членов. Устаревшие обычаи сменяются в процессе исторического развития новыми, способствующими становлению новых, прогрессивных общественных отношений» [СЭС, с. 911]. Ключевое слово в данном определении **поведение**, так как без денотатов, без тех реальных действий, которые являются конкретными проявлениями поведения, невозможно говорить об обычаях. Но поведение, отдельно взятое, само по себе не является предметом или свойством обычая. Поэтому в определении особо выделяются **стереотипность, привычность и воспроизводимость поведения** в определенных типах общества и социальных групп, а также регулярная **сменяемость** устаревших, изживших себя **стереотипов и привычек** новыми, прогрессивными.

Известно, что понятие – это форма мышления, отражающая наиболее общие, существенные и необходимые свойства, связи и отношения предметов и явлений. К понятию не имеют отношения несущественные, второстепенные, частные и неважные признаки определяемых предметов и явлений.

Понятие «обычай» имеет и более компактное определение. Под обычаем понимается «унаследованный стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов» [БСЭ. 18 том, с. 266]. Это определение идентично с предыдущим. Автор статьи (А. Б. Гофман), однако, выделяет еще одно существенное, общее и необходимое свойство денотата – его **унаследованность**, т. е. устойчивость, преемственность и способность передаваться от одного поколения к другому. А признаки **стереотипность, воспроизводимость, привычность** и здесь выделяются, но с помощью прилагательного (*стереотипный*), глагола (*воспроизводится*) и прилагательного (*привычным*).

Понятийное содержание концепта-поля является важнейшим, определяющим слоем. Все остальные слои так или иначе связаны с ним и

опираются на него. Понятие «обычай» концентрично, как бы питает все прочие значения ключевого слова.

Кыргызское научное мышление в целом формировалось под влиянием и на базе русского мышления. Почти все кыргызские ученые старшего и среднего поколения осваивали основы научных знаний по русскоязычным учебникам, монографиям и статьям. Поэтому наше понимание обычая под названием *салт* или *каада-салт* идентично русскому пониманию [Кыргызстан, том 3, с. 765; том 6, с. 325]. Это говорит о близости менталитетов двух народов.

В отличие от понятийного содержания, являющегося устойчивым и постоянным, **образный аспект** семантики концепта-поля «обычай – салт» динамичен и связан с процессом функционирования языка. Эмоции и оценки выражаются в живой разговорной речи, формулируются в художественных произведениях, в прозаическом и поэтическом дискурсе, публицистике, широко представлены в устойчивых выражениях, идиомах, пословично-поговорочных изречениях, приметах и других малых жанрах фольклора.

Мы ниже приведем и проанализируем некоторые примеры из устного народного творчества.

В паремиологическом фонде кыргызского и русского языков имеется немало пословично–поговорочных изречений, которые содержат в себе экспоненты поля-концепта «обычай – салт».

Кырг. *Адат – адат эмес, жөн – адат* (Юдахин К. К. 1, с. 22. Койчуманов Ж., с. 39). **Обычай** - не **обычай**, разумное – **обычай**. Лексема *жөн* полисемантична. Она выражает семы: 1) «правильный, верный, нормальный, дельный»; 2) «мирный, спокойный»; 3) «мотив, причина, происхождение»; 4) «направление, налаживание, наставление, правильный путь»; 5) «простой, пустячный, так себе»; 6) «отношение», 7) значения предлогов «о, по поводу, про» и т. д. [Юдахин К. К. 1, с. 264].

В паремии подчеркивается ценность обычая, но указывается, что любой обычай, ритуал, церемониал должны иметь мотив, причину, цель,

направление. Они должны подчиняться условиям и обстоятельствам жизни людей. Обычай нужен и важен не сам по себе. Его соблюдение должно осуществляться согласованно, коллективно, взвешенно и способствовать налаживанию отношений между людьми. В пословице выражается позитивность обычая в регулировании межличностных, межгрупповых и, возможно, межэтнических отношений в обществе.

В пословице содержится мнимый алогизм. Антитеза в первой части «адат – адат эмес» («обычай – не обычай») сформулирована в виде коммуникативной единицы и содержит отрицание признаков понятия в самом понятии. Содержание и форма субъекта и предиката тождественны. А кыргызский менталитет не принимает это тождество, не признает такую идентичность, выдвигая на первый план общепринятость и мотивированность осуществления ритуальных действий. Антитеза использована не только для выражения когнитивной «Обычай должен иметь мотивацию», но и для экспрессивно-эмоциональной и образно-оценочной передачи этого имплицитного суждения.

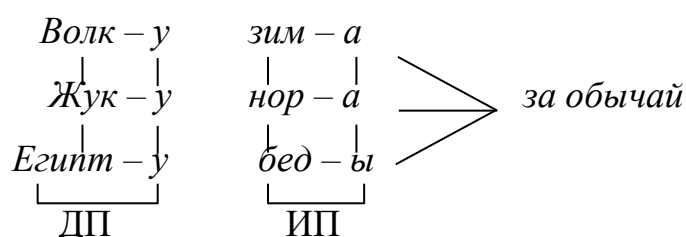
Антитеза использована и в пословице *Салт менен кылмышты айра билген жакшы*. [Койчуманов Ж., с. 340]. - Важно различать **обычай** и **преступление**. Здесь обычай и преступление, противопоставляясь друг другу, представлены как знаки и носители добра и зла, положительного и отрицательного. Соблюдение общепринятых установок и правил важно для общества и коллективной жизни, противопоставлено совершению антисоциальных, общественно осуждаемых, противоправных, уголовно наказуемых деяний (воровство, драка, убийство и т. д.).

Несовпадение взглядов на вещи и события нередко приводят к разногласиям, вражде и противостоянию, вызывает недоразумение у тех, кто является свидетелем «столкновения» противоположных мнений и норм поведения. Ср. в связи с этим русскую пословицу. *У Сидора обычай, у Карна свой*. – Сидордун өз адаты бар, Карптын өз адаты бар. Русскую рифму [ъй-ой] мы в переводе компенсируем полным параллелизмом частей

предложения. Русская пословица имеет эллиптическое строение. Она может быть развернута путем вставки в предложения связки *есть* перед существительным в именительном падеже, вставки слова *свой* в первую часть пословичной фразы по аналогии со второй частью и повтора слова *обычай* во второй части фразы. В этом случае исчезают динамика и краткость изречения. Ср.: *У Сидора есть свой обычай, у Карпа есть свой обычай*. Этот восстановленный «вариант, конечно, понятен любому носителю русского языка и соответствует нашему переводу, а буквальный перевод в виде *Сидордо салт, Карпта өзүнүкү/Сидордун салты, Карптын өзүнүкү* сохраняет облик русской пословицы, но не соответствует нормам кыргызского синтаксиса, кыргызского менталитета и пословичной структуры. Русское возвратно-притяжательное местоимение *свой*, субстантивирываясь, вобрало в свою семантику значение существительного *обычай* в первой части фразы и выступает как лексическая единица с плотным содержанием, состоящим из сем: 1) «притяжательный, принадлежащий», 2) «принадлежащий существительному – субъекту обладания в родительном падеже с предлогом *у*, имеющим притяжательное значение» и 3) «обычай». Это говорит о том, что русское местоимение *свой* в пословичном контексте приобрело качество многозначности и сематической многокомпонентности, обеспечивая лаконичность, содержательность и смысловую образность текста.

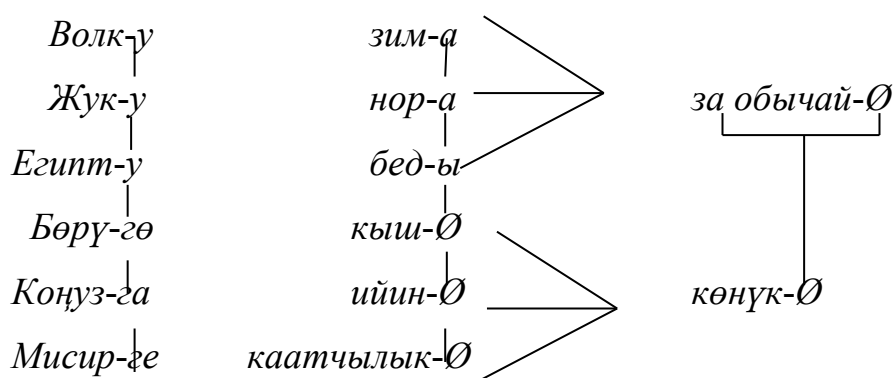
Как видим, адекватный перевод смысла изречения с одного языка на другой может опираться на правила «реконструирования» и осуществляться с учетом логики и структуры обоих контактирующих при переводе языков.

Оценочная семантика сильна в целом ряде русских пословиц, построенных по модели «Кому/чему + что + *за обычай*»:

Мы предлагаем перевод по формуле «Кому/чему + что *көнүк/көнүмүш*»:
Бөрүгө кыш көнүк «Волку нора привычна»; *Коңузга ийин көнүк* «Жуку нора привычна»; *Мисирге каатчылык көнүк* «Египту беды (засуха, неурожай) привычны». Как видим, в данной модели пословиц ключевыми являются существительные-наименования концепта-поля в винительном падеже с предлогом *за* в русском языке, а в их кыргызских эквивалентах – существительное-наименование концепта в именительном падеже, образующее соответствие *за обычай* = *көнүк*. Следовательно, кыргызское слово *көнүк* тоже может репрезентировать концепт-поле «салт». В русских пословицах есть следы эллипсиса. Их первичную форму можно воспроизвести путем вставки во фразу глагола *считается/считаются* перед предлогом *за*: *Волку зима считается за **обычай***; *Жуку нора считается за **обычай*** и т.д. Кыргызский номинатив выступает эквивалентом русского предложно–падежного сочетания. Ср. билингвальную парасинтагматическую модель этих соответствий. Схема 1.

Схема 1.

Окончанию русского дательного падежа *-у* в кыргызском языке соответствуют аффиксы дательно-направительного падежа, которые получили свое звучание по требованию гласных основы. Здесь действует прогрессивная ассимиляция. Окончания русских существительных в именительном падеже (*-а* и *-ы*) имеют нулевые эквиваленты в кыргызских соответствиях. А окружение русского номинанта поля «обычай», состоящее из предлога *за* и окончания *-Ø*, представлено в кыргызском переводе синкретично – только нулевым аффиксом именительного падежа.

Кратко охарактеризовав русско-кыргызские представления об обычае на примере только понятийного и образного признаков, отметим, что понятие обычая в менталитете двух этносов имеет в целом общие черты. Понятно, что концепт-поле «обычай – салт», имея многочисленные общие слои, в ряде случаев обнаруживает национально-культурные различия, изучение которых заслуживает особого внимания.

Рассмотрение общих и специфических черт проявления данного концепта-поля в двух лингвокультурах является задачей следующих частей работы.

3.3 Ключевой репрезентатив ФСП «обычай» в русском языке и его семантические эквиваленты в кыргызском языке

Семантика русского слова *обычай* многомерна и разнопланова. Она относится к многозначным словам. Сначала представим его семантическую палитру с точки зрения способов передачи его значений на кыргызский язык. Значение «общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту того или иного народа, той или иной социальной группы» [СРЯ. II том, с. 581] представлено в примерах: 1. *Овсяников придерживался старинных **обычаев** не из суеверия ..., а по привычке* (Тургенев). – Овсяников эски **салттарды** ырым үчүн эмес, көнүмүш боюнча эле карманчу. 2. *У каждого народа свои **обычаи**. У нас женщины так одеваются* (Л. Толстой). - Ар элдин өз **салты** бар. Бизде аялдар ушундай кийинишет. В обоих примерах значение слова *обычай* допускает перевод сложным словом *урп-адат*, имеющим идентичное со словом *салт* значение. Слово *салт* обладает значением собирательности. Поэтому его можно использовать в единственном числе, как во втором предложении. В данном случае слова *салт* и *каада-салт* выступают как полные синонимы. Иногда слово *обычай* переводится только словом *салт*: 1. *У черкесов есть очень милый **обычай** дарить гостю все, что он хвалит, – сказал я любезно* (Куприн). – Черкестерде конок мактаган нерселердин баарын ага белекке берип жиберүүчү өтө жагымдуу **салты** бар,

– деп сылык айттым. 2. *У нас, по стародавнему **обычаю**, ужин сытный, как обед. Кушаем не по нужде, а для удовольствия* (М.Горький). – Бизде эски **салт** боюнча кечки тамак түшкү тамактай тоюмдуу. Зарылчылыктан эмес, канаттануу үчүн тамактанабыз. Эти примеры не допускают перевод слова *обычай* на кыргызский язык сложным словом (*урп-адат*).

Другое значение слова встречается в разговорной речи. В этой функции лексема *обычай* используется только в единственном числе. В качестве ее эквивалента употребляется только слово *адат*. Ср., например: *А у меня что дело, что не дело, **Обычай** мой такой: подписано, так с плеч долой* (Грибоедов). – Менде иш болобу, болбойбу, **адатым** мындай: кол коюлду – иш бүттү. Здесь мы устанавливаем эквиваленты *обычай мой* - *адатым*. В кыргызской словоформе разграничиваются корень и лично-посессивный суффикс I л. ед. ч. в значении «мой». 2. *В последнее время у нас с Василием Степановичем вошло в **обычай** работать на его квартире в Поддубках* (С. Антонов). – Акыркы убакта Василий Степанович экөөбүздө анын Поддубкидеги квартирасында иштөө **адат** болуп калды. Как видим, в приведенных примерах выражается значение «привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение; поведение, манера держать себя». Ср. также у Пушкина («Борис Годунов»): *У всякого свой **обычай**; А у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка.* – Ар кимдин өз **адаты** бар: Мисаил ата экөөбүздө бир өнөкөт бар: түбүнө чейин ичебиз!

Примечание: здесь и далее примеры для сопоставления взяты из «Кыргызско-русского словаря» К. К. Юдахина, «Русско-кыргызского словаря» в 4-х томах, «Русско-киргизского словаря» под. ред. К. К. Юдахина, «Словаря русского языка» в 4-х томах (под. ред. А. П. Евгеньевой), «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова, «Словаря синонимов русского языка» в 2-х томах под. ред. А. П. Евгеньевой, словаря В. И. Даля в 4-х томах, «Национального корпуса русского языка» (URL: [www. ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)), из произведений художественной литературы и разговорной речи.

Во многих ситуациях слово *обычай* употребляется с зависимым инфинитивом. В этом случае ему соответствуют кыргызские лексемы *адат* и *салт*, выступающие как семантически эквивалентные единицы языка: *обычай* носить амулеты - тумар тагынуу *адаты/салты*, *обычай* чревоугодничать – аша тоюу *адаты/салты*, *обычай* хоронить до захода солнца – кун батканга чейин жерге берүү *адаты/салты* и т.д. Как видим, в этом случае кыргызский язык представляет значение существительного в двух вариантах – с помощью слов *адат* и *салт*. Ср. еще:- *Что за мерзкий этот **обычай** чревоугодничать!... Радость, печаль, поражение, торжество – все знаменуется тем, что набивают елико возможно желудок всякой снedyю и вливают туда невероятное количество сивухи* (Серафимович). – *Аша тоюу* бул кандай жийиркеничтүү *адат*! Сүйүнүч, кайгы, жеңилүү, салтанат – баары карынды түрдүү тамак-аш менен мүмкүн болушунча шыкап, ал жакка өтө коп арак куюу менен белгиленет. И данный контекст допускает замену слова *адат* словом *салт*. В их место может быть вставлено и слово *өнөкөт* с отрицательным смысловым оттенком. В данном случае речь идет о негативном образе жизни части людей.

Эти примеры свидетельствуют о том, что лексема *обычай* имеет особую сочетаемость. Оно «охотно» открывает позицию для глаголов-инфинитивов, которые обозначают характерные, привычные и установленные действия, и для адъективных лексем, которые номинируют привычные признаки предметов (ср. сочетание *старинные обычаи* в уже приведенном примере из произведения Тургенева И. С. «Однoдворец Овсяников»).

Даже сочетание модели «*обычай* + инфинитив» в русском дискурсе реализуется неодинаково, употребляясь в различных жизненных ситуациях. Типология значений сочетания может проводиться с учетом семантики его инфинитивной части и общего контекста. Понятие *обычай* может соотноситься с самыми различными стереотипами поведения, устоявшимися и общепринятыми действиями, с различными явлениями и объектами окружающего мира. Например, в русской лингвокультуре встречается

устаревающее просторечное выражение *обычай кумиться*. Инфинитив конкретизирует значение существительного. Он образован от существительных *кум* «крестный отец по отношению к родителям крестника и к крестной матери» и *кума* «крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу» и связан с православным обрядом крещения, т. е. имеет религиозно-ритуальное содержание и не имеет эквивалента в кыргызском языке. Поэтому неслучайно инфинитив *кумиться* не переводится в КРС (II том, с. 161): *кумиться* – *кум болуу* и его смысл не раскрывается, не получил толкования. А значения слов *кум* и *кума* поясняются следующим образом: *кум* – баланы чокундурган киши, ошо баланын ата-энесине жана чокундурган энесине карата айтылат, *кума* – баланы чокундурган аял, ошо баланын ата-энесине жана чокундурган атасына карата колдонулат. Далее раскрывается переносное значение этих слов: *кум* – агайын, ашына (улгайган тааныш эркекке карата кайрылууда колдонот; *кума* – 1) байбиче (жашы улгайган аялдар бири-бирин урматтоо иретинде кайрылууда колдонулат); 2) ойнош аял (эскирген маани); 3) куу түлкү (жомоктордо түлкүнүн эпитети). Следовательно, в качестве переносных значений слова *кум* называется “обращение к знакомому пожилому мужчине” (устар. и прост.), а слова *кума* – 1) обращение к знакомой немолодой женщине; 2) немолодая женщина, находящаяся в приятельских отношениях или во внебрачной связи с кем-либо (устар., прост.). См. СРЯ, II том, с.149. Ясно, что русские слова *кум* и *кума* являются соответственно лингвоэтнокультурными и именуют сближение двух семей в результате совершения обряда крещения. Подобное явление отсутствует в кыргызском быту и взаимоотношениях кыргызских семей. Однако это не означает, что словосочетание *обычай кумиться* не подлежит переводу. Его можно перевести в нескольких вариантах: *туугандашуу салты/адаты*, *тамырлашуу салты/адаты*, *жек-жаатташуу салты/адаты* и т. д., которые в силу обобщенности значения включают в свою семантику значения словосочетаний *обычай родниться*, *обычай вступать* (с кем-нибудь) *в*

отношения родства, *обычай сближаться, обычай свататься* и т. д. Последнее словосочетание по значению может соответствовать не только приведенным кыргызским примерам, а и словосочетанию *кудалашуу салты/адаты*, которое имеет узкое значение и точно передает значение словосочетания *обычай свататься*, но в определенном контексте может быть заменено сочетаниями *туугандашуу салты/адаты, тамырлашуу салты/адаты*, имеющими более широкое значение.

При установлении эквивалентностных отношений между лексическими единицами двух языков важно учитывать узость и широту значений сравниваемых лексем. В русском языке есть трехчленное сочетание *обычай давать прозвища*, которое может быть переведено на кыргызский язык двояко: 1) с помощью идентичного по смыслу словосочетания в виде *лакап ат коюу/берүү салты/адаты* «обычай давать прозвища» и 2) с помощью выражений с более широким значением: *ат берүү/коюу салты/адаты* «обычай давать имя». Первый эквивалент встречается чаще в говорах. В нем преобладают диалектные нюансы. Второй эквивалент имеет широкое значение и может соответствовать русским словосочетаниям *обычай нарекать, обычай называть, обычай давать имя* и только в определенном контексте может приобрести значение словосочетания *обычай давать прозвища*. Вторым эквивалентом имеют варианты *лакап берүү салты, ылакап берүү салты, лакап/ылакап ат берүү салты, лакап коюу салты* и т. д., что говорит о многочленности парадигмы идентичных по смыслу словосочетаний и о том, что кыргызский язык тоже предоставляет своим носителям возможность выбора наиболее целесообразного и привычного варианта из числа целого ряда альтернативных форм выражения одного и того значения.

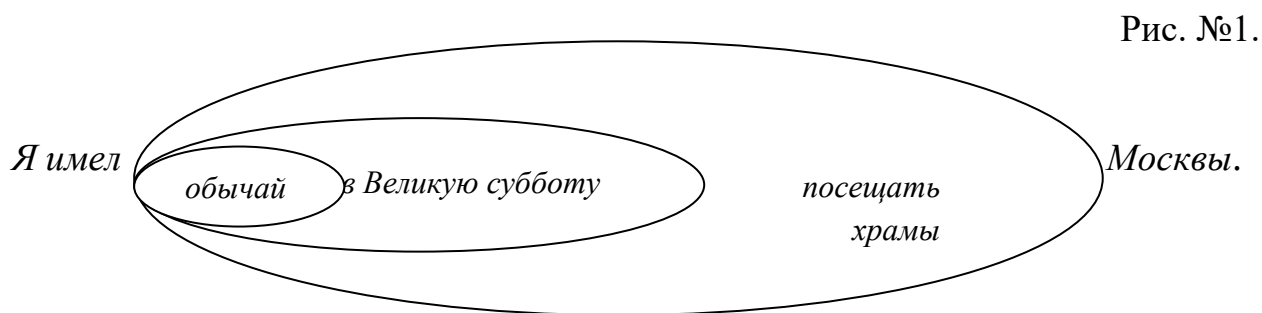
В словарях русского языка (ТСРЛЯ, ТСРЯ, НКРЯ и т. д.) определены все основные значения лексемы *обычай*. Мы ниже, опираясь на эту традицию, более подробно охарактеризуем семантику этого слова с точки зрения способов ее передачи на кыргызский язык.

1. Установившийся в быту и в жизни разных этносов порядок исполнения повседневных дел: *Нас встречали по старому русскому обычаю хлебом-солью* (НКРЯ). – Бизди байыркы орус **салты** боюнча нан-туз менен тосуп алышчу; *Вот откуда на Кавказе остался **обычай** похищения невесты* (НКРЯ). – Мына ошондон Кавказда кыз качыруу **салты** сакталып калды; *В каком народе живешь, того и **обычья** держись* (посл.). – Кайсы элде жашасаң, ошонун **салтын** тутун; *Таков уж **обычай** – ни одна уважающая себя башкирская или татарская бабушка не сядет пить чай без молока* (НКРЯ). – **Салт** ошондой да – өзүн сыйлаган эч бир башкыр же татар байбиче сүтсүз чай ичпейт. В данном случае эквивалентность синонимов *салт* и *адат* ослаблена: вместо слова *салт* мы не можем свободно употребить слово *адат*. К данному контексту подходит именно значение слова *салт*.

2. Правила и установки религии, общепринятые и устоявшиеся порядки верований: *В древнегреческие времена граждане имели **обычай** не начинать важного дела без консультации с Дельфийским оракулом* (НКРЯ). – Байыркы грек мезгилдеринде жарандарда зарыл ишти Дельфи пири менен кеңешпестен баштабоо **салты** бар эле. Оракулом, как известно, в Древней Греции называли место, храм, где жрецы прорицали от имени божества, а также прорицающее божество. Потом этим словом стали обозначать лицо, чьи суждения признаются непреложной истиной, откровением, и гадательную книгу. Кыргызское *пир* имеет значение «божество, покровитель, прорицатель, выдающаяся личность», поэтому мы использовали его в значении латинского *оракул* «божество, жрец, прорицатель, гадалщик». Ср. также: *В возрасте 29 лет стал епископом, в то время как **обычай** требует от посвящаемого быть не моложе 30*. – 29 жашында епископ болду, ал учурдагы **салт** дайындалуучунун жашы 30дан ылдый болбостугун талап кылчу; ***Обычай** праздновать Масленицу очень древний* (НКРЯ). – Масленицаны майрамдоо **салты** өтө эле байыркы (**салт**); *Оттого не красили дома на Пасху яйца и не пекли кулич, не говорили стыдливо, что это,*

*дескать, народные **обычаи** (НКРЯ). – Ошондуктан үйдө Пасхага карата жумуртка боебой, тооч бышырбай, бул элдик **салттар** имиш деп уялып айтышпоочу; Поэтому я имел **обычай** в Великую субботу посещать храмы Москвы.* – Ошодон улам менин Улуу ишембиде Москва чиркөөлөрүнө баруу **адатым** бар эле. В данном случае в качестве эквивалента русского слова *обычай* напрашивается слова *адат* как наименование привычки одной личности, соблюдающей ритуал православия. Невозможность употребления слова *салт* как эквивалента лексемы *обычай* свидетельствует о том, что *салт* обозначает правила действий группы людей, этноса или группы этносов. Межэтнический обряд содержится в обобщающем утверждении: *У многих народов существовал **обычай** ритуального жертвоприношения тимьяна* (НКРЯ). – Көп элдерде көкөмеренди ырымдап курмандыкка чалуу (кыйып өрттөө) **салты** бар эле.

В приведенных выше синтаксических конструкциях главное слово рассматриваемого ФСП-концепта употреблено в контексте номинантов его компонентов. Соотношение общих и частных названий можно представить схематично. См.рис. №1 и №2.

В центре модели поля расположено ключевое слово концепта «обычай», название темпорального понятия «великая суббота» употреблено в винительном падеже с предлогом *в* и образует ближайшую зону периферии поля в синтагме, значение глагольно-объектного сочетания *посещать храмы* («посещение храма») – его дальнюю сценарную зону. В синтагматическом устройстве фразы мы различаем три компонента поля «обычай» - ядерный, темпоральный и сценарный. Структура поля, конечно, отличается от структуры предложения, в которой главным компонентом является

подлежащее (субъект, соблюдающий обычай), далее – сказуемое (*имел*), дополнение (*обычай*), обстоятельство времени (*в Великую субботу*), определение (*посещать*), прямое дополнение (*храмы*), несогласованное определение (*Москвы*).

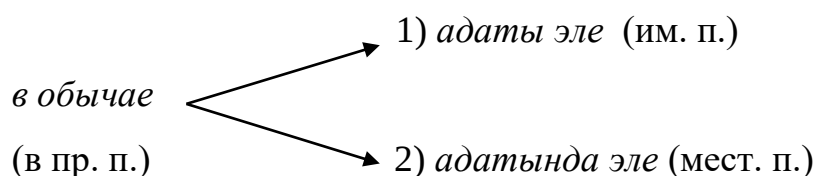
В центре экспонентов поля расположено значение слова *обычай*, его смысл уплотняется с участием семантических функций слова *жертвоприношения* и словосочетания *ритуального жертвоприношения тимьяна*. Семантика сложного слова *жертвоприношение* «обряд принесения жертвы; ритуал, предполагающий приносить жертву (предмет, живое существо) в дар божеству по обрядам некоторых религий» носит сценарный характер. И здесь семантика обычая устроена иерархично, имеет разный объем и разную функциональную значимость. В данном предложении номинант поля занимает сильную позицию, выступая в функции подлежащего и образуя ядро как ФСП, так и синтаксической конструкции.

Иногда мы вправе выделять в предложении главный, второстепенный и третьестепенный компоненты ФСП. В последнем примере, естественно, центральное место занимает слово *обычай* как по функции подлежащего, так и по объему и значимости смысла. Это ядро фразы. По значимости и значению с ним связано словосочетание *ритуального жертвоприношения тимьяна* в функции определения, две первые части которого (*ритуального жертвоприношения*) являются гипонимами по отношению к общему наименованию. Сказуемое *существовал* со своим значением длительности и всеобщности бытования обычая в прошлом тоже относится к ближней периферии поля. А слово *тимьян* и словосочетание *у многих народов*, по нашему мнению, обозначают периферийные предметы и составляют дальнюю периферию поля-концепта «обычай» в тексте.

3. Порядок, установленный в соответствии с возрастом людей: По привычке и обычаю людей немолодых, сестра хозяина все равно проснулась довольно рано (НКРЯ). – Улгайган адамдардын көнүмүш адаты боюнча кожоюндун эжеси баары бир эрте эле ойгонуп алды. Слово *привычка* не

имеет прямого лексико-семантического эквивалента. Его переводят по-разному. В данном случае атрибутивное словосочетание *көнүмүш адаты* передает значение сочинительного образования *привычка и обычай*, выражая смысл «привычный, обычай, обыкновение». К данному контексту не подходит слово *салт*, относящееся чаще всего к этническим правилам порядка. Ср. другой пример: *Он заснул на лугу, забыв положить ладошку под голову по детскому обычаю* (НКРЯ). – Ал шалбаада балалык **адаты боюнча** башына алакан жазданууну унутуп эле уктап калды; *Это не было в обычае в нашем селе: женатые ... с призывными парнями не яжились* (Гладков). – Бу биздин кыштактагы **адатта** жок эле: үйлөнгөндөр... аскерге чакырылган балдар менен сүйлөшчү эмес.

4.Индивидуальная привычка, привычный образ действий одной личности, манера держаться в общественных местах: *В тот же день, часа в четыре, я, по обычаю, побежал в парк* (НКРЯ). – Ошол эле күнү, саат төрттөрдө, **адатымча** мен паркка чуркап жөнөдүм. Русскому вводному сочетанию в кыргызском соответствует морфематически сложное образование, состоящее из корня *адат* «обычай», лично-посессивного суффикса *-ым* «мой» и сравнительно-уравнительного суффикса *-ча*, называемого одними лингвистами наречным суффиксом, другими – формой уравнительного падежа; И *в обычае у нее было делать глубокие замечания под видом легкой шутки* (НКРЯ). – Жеңил азил түрүндө терең сын айтуу анын **адаты** эле/анын **адатында** эле. Первый вариант перевода обычен для кыргызского предложения, второй в местном падеже более соответствует русскому предложному падежу:

Верный своим обычаям, он сразу заводил на берегу знакомство с женщинами (НКРЯ). – **Адатынча/адатына** туруктуу ал жээкте тез эле аялдар менен таанышып алчу. Кыргызский язык открывает несколько

позиций для адекватной передачи содержания обособленной части фразы. Обособленное развернутое определение русской фразы переводится в рамках целой парадигмы:

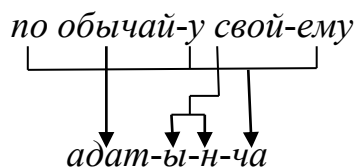
1) Адатынча,	}	ал... таанышып алчу.
2) Адагына туруктуу,		
3) Адагын бекем кармап,		
4) Адагын бекем тутуп,		
5) Адагын бекем кармаган,		
6) Адагын бекем туткан,		

Эти варианты при обратном переводе на русский язык выглядят следующим образом:

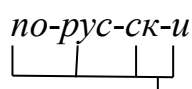
- 1) По обыкновению/по привычке...
- 2) По своему обычаю...
- 3) Верный своим обычаям
- 4,5) Верно/крепко придерживаясь своих обычаев...
- 6) Верно/крепко придерживающийся своих обычаев...

Общий смысл фраз в двух языках допускает многовариантную объективацию ФСП и презентирует его в целом ряде вариантов и трансформ, дифференцируемых формально и семантически в деталях.

Президент, **по обычаю своему**, попенял пенсионерам, что по закону они вообще-то повышения пенсии еще не заслужили. (НКРЯ). – Президент, **адатынча**, пенсионерлер закон боюнча жалпысынан пенсиясын жогорулатууга али арзый электигин күңк этти. Здесь имеем соответствия:

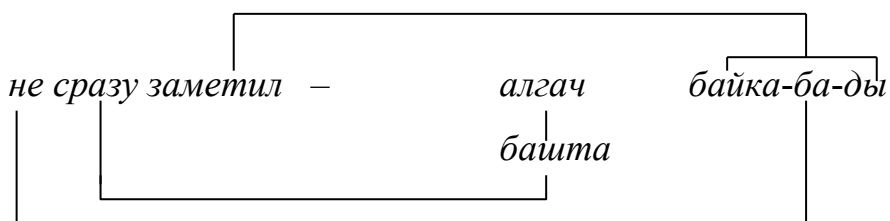

Уравнительный суффикс **-ча** синкретизирует аффиксы дат.п. в русском языке. Ср. также наречие:

5. Нарушение правил собственных привычек, совершение поступка наперекор своим сложившимся стереотипам, осуществление непрогнозируемых, неожиданных действий. Данная группа значений выражается сочетанием *не по обычаю*, имеющим в своем составе отрицательную частицу *не*.

Например: *Он не сразу меня заметил, а когда заметил, отнесся не по обычаю холодно* (НКРЯ). Смысл выделенной части фразы передается по-кыргызски в нескольких вариантах. Да и остальная ее часть, имея языковое своеобразие, переводится неоднозначно. Так, сочетание *не сразу* не имеет прямого эквивалента в кыргызском языке. Значение отрицания лучше перенести к глаголу. В этом случае мы имеем эквиваленты:

Отметим, что именно в силу специфичности и точности значения русское наречие *сразу* часто встречается в кыргызском дискурсе, не вызывая никакого предубеждения и недопонимания. Фразу из “Национального корпуса русского языка”, приведенную выше, можно перевести следующим образом: *Ал мени алгач байкабады, байкап да, адатынча эмес суук тосуп алды*. Кыргызский перевод сочетания *не по обычаю* имеет парадигматико-синтагматическое строение. Сочетание *адатынча эмес* является членом двенадцатиленной парадигмы, из которой мы выбрали только данную форму. Ср. возможность передачи парадигмы в развернутых и свернутых вариантах:

- а) адат-ын-дай эмес
адат-ын-ча эмес
адат-ын-дай болбой
адат-ын-ча болбой
- ... тосуп алды

адат-ын-дай болбостон

адат-ын-ча болбостон

адат-та-гы-дай эмес

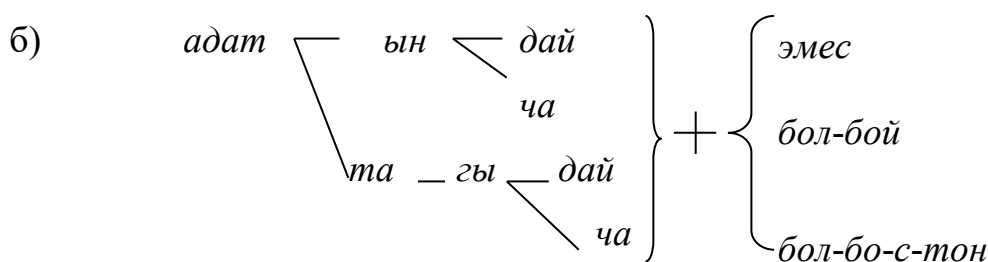
адат-та-гы-ча эмес

адат-та-гы-дай болбой

адат-та-гы-ча болбой

адат-та-гы-дай болбостон

адат-та-гы-ча болбостон

Перед нами две модели представления значения русской синтагмы *не по обычаю*. В первом варианте члены парадигмы презентуются более развернуто, ее строение легко воспринимается. Второй вариант экспонирует содержание компактно, с помощью небольшого числа знаков. Комбинация знаков, установление их связей и реконструирование двенадцатичленной парадигмы требуют времени, интеллектуальных усилий со стороны реципиента. Каждая из моделей, конечно, имеет свои достоинства и недостатки. Вторая модель рациональна, а первая допускает повторы и дублирование. Кыргызский язык обеспечивает своих пользователей в ролях отправителей и получателей информации широкой сферой выбора и восприятия языковых знаков. В русском языке сочетание *не по обычаю* в качестве альтернатив имеет слова *необычно*, *непривычно*, которые с заметной натяжкой заменяют его.

Отрицательная частица *не* соответствует кыргызскому отрицанию *эмес* “не” и аффиксу *-бо* (в словах *бол-бо-й*, *бол-бо-с-тон*), занимающему интерпозицию относительно корня и служебных морфем. В слове *эмес* корневой является морфема *э-* с бытийным значением (ср. *э-ле* “был, была, было”, *э-*

де/э-ди то же в говорах), а -с – это суффикс, нередко сопровождающий отрицания -ме, -ба и т. д.; ср. *Сен эмес ким? Сен эмей ким?* “(если) не ты, а кто?” где мы замечаем синонимию суффиксов -с и -й.

Корень *бол-* тоже имеет бытийное значение. К нему присоединяется отрицание -бо “не”, приобретая такой звуковой облик по требованию прогрессивной ассимиляции (закона сингармонизма), за которым идут чередующиеся суффиксы -с и -й (*болбос/болбой – эмес/эмей*). В суффиксе -й доминирует значение процессуальности, в суффиксе -с – субстантивность. Поэтому слово *болбос* может склоняться и форма *болбостон* является членом падежной парадигмы, а именно: исходного падежа с причинно-мотивирующим значением при отрицании. Отрицания *эмес* и *болбой/ болбос* спрягаются:

а) *жалганчы эмесмин* “я не лгун”

жалганчы эмессиң “ты не лгун”

жалганчы эмес “он не лгун”...

б) *макул болбойм/болбоюм/болбоймун* “я не согласен, я не соглашусь”

макул болбойсуң “ты не согласен, ты не согласишься”

макул болбойт “он/она не согласен/не согласна, он/она не согласится” и т. д.

в) *макул болбосмун* “я, наверное, не соглашусь”

макул болбоссуң “ты, возможно, не согласишься”

макул болбос “он/она, вероятно, не согласится” (для данной

парадигмы русские слова *наверное, может быть, по-видимому, возможно* и др. одинаково подходят). Все это говорит о том, что второй компонент кыргызских сочетаний сам является членом развернутых падежных и лично-предикативных парадигм.

Что касается первого компонента кыргызских сочетаний, то скажем, что он устроен еще сложнее. В первой группе словоформ за корнем идет суффикс -ын, который имеет двойственную природу и даже допускает разбиение на две части. Первая часть в виде -ы может употребляться в

составе словоформы отдельно: *адаты* “его/ее обычай” (*адат* “обычай”). Формант *-н* возникает как интерфикс при словоизменении существительных с лично-посессивным суффиксом; *адатындай/адатынча* “как в его/ее обычае, по его/ее обычаю” (ср. *бак* “сад”, *багы* “его/ее сад” *багында* “в его/ее саду” и под.). К суффиксу *-ын* присоединяются суффиксы *-дай* (сравнительное значение) и *-ча* (уравнительно-отождествительное значение), называемые то адъективным (*-дай*), наречным (*-ча*) словообразовательными суффиксами, то падежными аффиксами.

Во второй группе словоформ к корню присоединяется суффикс местного падежа (*-та*), к нему - адъективный суффикс (*-гы*), вносящий в семантику словоформы определительное значение (*адатта* «в обычае», *адаттагы* «обычный, привычный, устоявшийся») + суффиксы *-дай* и *-ча*.

Русское выражение *по обычаю* и синтагматически (по количеству комбинирующихся морфем и слов), и парадигматически (по количеству синонимических, т. е. чередующихся морфем, словоформ и их сочетаний) проще своих кыргызских эквивалентов. Этот вывод подтверждает сопоставление и другого русского предложения с его кыргызскими эквивалентами: *Сегодня она была не по обычаю молчалива* (НКРЯ). Слово *молчаливый* «склонный к молчанию» соответствует кыргызским лексемам *унчукпаган*, *үндөбөгөн*, *көп сүйлөбөгөн* [РКС, с.366], где конечный причастный суффикс *-ган*, *-гөн* не выражает значение прошедшего времени в данном контексте, а участвует в передаче постоянного свойства личности (но ср.: *унчукпаган эле* «он/она молчала, ничего не говорил/говорила»). Смысл изучаемого компонента русской фразы может быть передан одним из вышеприведенных альтернантов в кыргызской парадигме: *Бүгүн ал адатынча болбой/адатындай болбой/адаттагыдай болбой ... үндөбөдү*. И в русской, и в кыргызской фразах отмечается поведение человека, совершившего поступок, не соответствующий его характеру и привычкам. Обратный перевод кыргызских предложений на русский показывает некоторые различия способов передачи идентичного смысла в двух языках:

1. *Сегодня она была молчалива **не по обычаю***. 2. *Сегодня она молчала **не по обычаю***. 3. *Сегодня она молчала **против своего обычая***. 4. *Сегодня она молчала **не так, как обычно***. 5. *Сегодня она молчала **не так, как всегда***. 6. *Сегодня она молчала, **нарушив свой обычай*** и т. д.

К данной группе примеров примыкает употребление сочетания *не в обычае*, имея в своем составе отрицание *не*: *Понятное дело, **не в обычае** здешних богатырей числить себя слабаками* (НКРЯ). – *Түшүнүктүү иш: өздөрүн алсыздарга кошуу бул жердик баатырлардын **адаты эмес** эле*. Выделенное сочетание, однако, допускает замену только выражением *адатында жок*, образуя только двучленную парадигму.

6. Тайные порядки, скрываемые привычки и неоглашаемый образ жизни. *Теперь, **по обычаю** всех трусов, вы замечаете следы* (НКРЯ). – *Эми бардык коркоктордун **адаты боюнча** изиңизди жаап жатасыз; Говорили, что преступный мир, организованный, спаянный убеждениями и **обычаями**, относится к новым людям с большой неприязнью* (там же). – *Уюшкан, ишенимдери жана **адаттары** менен ширелишкен кылмыштуу дүйнө жаңы адамдарга өтө жактырбагандык менен мамиле кылат дешчү*. В данном контексте сочинительную синтагму *убеждение и обычаи* можно было бы перевести в виде сложного слова **ишеним-адаттар**: семантика причастия *спаянный* предполагает представить два однородных существительных в единстве.

К данному пункту значений слова *обычай* относится, по-видимому, и следующий пример: [Доктор] *прописал ей микстуру и каких-то порошков, более **для обычая**, чем для надобности* (Достоевский). – *Дарыгер ага микстура менен кандайдыр бир порошокторду зарылчылык үчүн эмес, көбүрөөк **салт** үчүн эле жазып берди*. оборот *более для обычая, чем для надобности* в русском языке специфичен, не имеет прямого эквивалента в кыргызском языке, переведен нами в виде *зарылчылык үчүн эмес, көбүрөөк салт үчүн*, поскольку напрашивается употребление не слова *адат*, а слова

салт. Поступок субъекта привычен и известен ему самому, но скрыт от пациента.

7. Профессиональные задатки, склонности и привычки при исполнении повседневных дел. *По тогдашнему обычаю* портной жил в избе заказчика, пока не кончит работу (НКРЯ). – Ошол убактагы **адат боюнча** тикмечи ишин бүтмөйүнчө заказчынын үйүндө жашоочу; *Ноги, по обычаю* портных сидящих за работаю, были нагишом (Гоголь). – Иш үстүндө олтурган тикмечилердин **адаты боюнча** буттары жылаңаяк болор эле; *Это и есть старинный обычай* русской мыслящей интеллигенции (НКРЯ). – Бул өзү ой жүгүртүүчү орус интеллигенциясынын байыркы **салты**; *Летом на земле общим крестьянским обычаем* работают, а зимой разбредутся кто куда и шерстобитничают (Салтыков-Щедрин). – Жайында жерди дыйкандардын жалпы **салты** боюнча иштетишип, кышында болсо ар кимиси ар жакка таркап жүн сабашат.

Как видим, при передаче стереотипов членов узкого профиля мы использовали слово **адат**, а при передаче привычек представителей более широких слоев общества – слово **салт**, хотя в принципе возможно взаимозаменяемое употребление названных слов почти во всех переводах.

8. Привычки и задатки людей с ограниченными в пространстве действиями. *Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай* знает напрожес (НКРЯ). – Ал, ГУЛАГдын уулу, экинчи мөөнөттө отурат, лагердик **салтты** толук билет; **Обычай** флотского гостеприимства [ССРЛЯ. Том 2, с. 209]. – Конок тосуунун флоттогу **салттары**.

9. Политические, идеологические и экономические стереотипы в семантике слова *обычай*. *Президент Буш с самого начала боевых действий заявил, что его противник не соблюдает законы и обычаи* войны и правила морали (НКРЯ). – Президент Буш согуш аракеттери башталганда эле анын каршысы уруштун мыйзамдарын жана **салттарын**, жүрүм-турумдун эрежелерин сактабайт деп кабарлады. В данном утверждении в одном контексте использованы слова *законы* и *правила*, близкие по объему и

характеру семантики со словом *обычай*. **Обычай** поносить Дж. Буша-младшего ужасными словами, сравнивая его с самыми мрачными фигурами прошлого, прежде свойственный лишь политической маргиналии, теперь стал присущ и политической элите многих великих держав (НКРЯ). – Кичүү Ж. Бушту өтмүштөгү өтө каардуу фигуралар менен салыштырып, коркунучтуу сөздөр менен каралоо **салты** мурда саясий маргиналияга гана мүнөздүү болсо, азыр көп ири державалардын саясий элитасына да тиешелүү болуп калды; **Обычай** и практика ведения бизнеса. – Бизнес жүргүзүүнүн **салттары** жана практикасы; **Обычай** делового оборота, применяемые в банковской практике. – Банк практикасында колдонулуучу ишкердик айландыруунун **салттары**.

Таким образом, русское слово **обычай** и его кыргызские эквиваленты **салт** и **адат** имеют широкую сферу применения. Они встречаются в разговорно-бытовой речи, в фольклоре, в политическом и экономическом дискурсе, в научном стиле речи, в тексте художественного произведения.

С помощью этих слов в сопоставляемых языках передаются семы: 1) установившийся в быту разных этносов порядок исполнения повседневных дел; 2) правила и установки религии, устоявшиеся нормы верований; 3) порядки, установленные в соответствии с возрастом людей; 4) индивидуальная привычка, привычный образ и порядок действий одной личности; 5) манера держаться в общественных местах; 6) прогнозируемые и ожидаемые поступки и действия; 7) тайные порядки, скрываемые привычки и неоглашаемый образ жизни; 8) профессиональные задатки, склонности и привычки; 9) политические, идеологические и прочие стереотипы и т. д.

Как видим, поле-концепт “обычай” имеет весьма сложное строение. В его содержание входят малые концепты и микрополя типа “порядок”, “привычка” “правило”, “установка”, “прогнозируемые поступки”, “привычный образ жизни”, “стереотип”, “манера держаться” и другие со своими номинантами, вариантами и трансформами значений. Крупное

понятие «традиция» тоже является его компонентом, имеющим ограниченную сферу применения и встречающимся научном стиле речи.

3.4 Периферийные лексико-фразеологические средства выражения ФСП «обычай» в русском языке и их эквиваленты в кыргызском языке

Семантическое гнездо русского слова *обычай* полностью или частично включает в себя семы целого ряда субстантивных, адъективных, процессуальных и адverbиальных слов: 1) *норма, правило, право, канон, закон, норматив, такса, ставка, лимит, эталон, идеал, должное, лад, критерий, образец, стандарт, требование, руководство; привычка, нрав, норы, мода, суеверие, ритуал, церемония, обряд, праздник, традиция* и т.д.; 2) *нормальный, нормативный, обычный, обыкновенный, привычный, традиционный, правовой, эталонный...*; 3) *нормально, обычно, традиционно, образцово, стандартно...*; 4) *обыкать / обыкнуть* (уст. и простореч.), *привыкать / привыкнуть...*; 5) их сочетания: *соблюдать правила / стандарт / закон / норматив / требование...*; *опираться на традицию/закон/норматив* и т.д. Эти русские слова и словосочетания имеют семантические соответствия в кыргызском языке, некоторые из них заимствованы или калькированы средствами этого языка. Все эти соответствия объединяются вокруг семантического поля слова *салт* и выступают в качестве его периферийных номинантов.

Периферийные номинанты концепта, как видим, разнородны по происхождению, сфере применения, объему значения и т. д., но в той или иной степени связаны с обычаем, с установленными в обществе правилами и нормами жизнедеятельности человека, часто непосредственно проникают в сферу поля «обычай», устремляясь в сторону его центра, иногда располагаются на стыке этого поля и других взаимосвязанных с ним полей, в отдельных случаях выходят за пределы данного ФСП, участвуя в выражении других значений. См. в связи с этим статью С. А. Арутюнова «Обычай, ритуал, традиция» [1981, с. 97-99], в которой приводится перечень понятий и

обозначений, связанных с ФСП «обычай», с обстоятельными комментариями и пояснениями.

Слово *обыкновение* имеет общий корень со словом *обычай*. В качестве его синонимов приводятся существительное *привычка* и словосочетание *заведенный порядок*. Его эквивалентом является слово *адат*. Ср. примеры: *Сильвио имел **обыкновение** за игрою хранить совершенное молчание* (Пушкин). – *Сильвионун оюн учурунда такыр унчукпоо **адаты** бар эле; Было у него странное **обыкновение** – ходить по нашим квартирам. Придет к учителю, сядет и молчит, и как-будто что-то высматривает* (Чехов). – *Анда биздин үйлөрдү кыдырчу шектүү **адаты** бар эле. Мугалимге келип, олтурат да, үндөбөйт, бир нерсени андыгандай карап олтурат. Следовательно, мы имеем соответствие: *обыкновение* – *адат*. Ср. также: *по обыкновению* – *адатынча* «как всегда, как обычно», *против обыкновения* – *адаттан тыш/тышкары* «не так, как всегда; в нарушение заведенного порядка».*

В связи с этим примером есть необходимость остановиться и на семантике некоторых других лексем, имеющих близкое к нему значение. Слова *обыкать, обыкнуть, обычный, обычно, обычность, обыкновенный, обыкновенно, обыкновенность* и др. тоже связаны с рассматриваемым ФСП, которое свободно вбирает в себя их значения.

В предложении *Он **не** **обык** вечером выходить на улицу* слово *обык* (простореч.) «привык» переводится глаголом *көн-*: *Ал кеч курун көчөгө чыгып **көнбөгөн** эле, где көн-* “обыкнуть, привыкнуть”, *-бө* “не”, *-гөн* аффикс прошедшего времени.

Прилагательное *обычный* – одно из самых продуктивных. Оно имеет значения: 1) такой, как всегда; постоянный, привычный: *обычный день* – *демейдеги күн, кадимки күн, көнүмүш күн; обычная должность* – *демейдеги/кадимки/көнүмүш кызмат; на обычном месте* – *демейдеги / кадимки / көнүмүш орунда* и др.; 2) ничем не примечательный, не

выделяющийся среди других; обыкновенный, заурядный: *обычный человек* – жөнөкөй адам, *обычная девушка* – жөнөкөй кыз.

Как видим, в первом случае функциональным эквивалентом русского прилагательного в кыргызском языке служит синонимический ряд *демейдеги/кадимки/көнүмүш*, во втором случае – прилагательное *жөнөкөй* “обычный, простой”. Слово *обычный* участвует в юридическом терминообразовании: *обычное право* – совокупность обычаев, за которыми государство признает значение правовых норм. Обычным правом называют “совокупность стихийно возникающих неписаных норм – обычаев (правил поведения), санкционированных государственной властью” [БСЭ. Том 18, с. 260].

Обратимся к примерам из энциклопедического (научного) стиля речи. Ср.: *Обыкновение торговое* – «заведенный порядок, фактически установившееся в торговых отношениях правило, которое используется для определения воли договаривающихся сторон, не нашедшей прямого выражения в договоре». **Обыкновение** торговое принимается во внимание лишь постольку, поскольку стороны знали о его существовании и имели его ввиду при заключении договора [БСЭ. Том 18, с. 266]. В данном микро-тексте дважды использовано слово *обыкновение* с определителем *торговое*. Инверсия частей словосочетания, где определение следует за определяемым, обуславливается требованием энциклопедического стиля, согласно которому статья словаря начинается с определяемого термина – понятия. В статье допущен дубляж: значение термина *обыкновение* раскрывается дважды, во-первых, с помощью дефиниции «заведенный порядок» (в кавычках), во-вторых, в развернутых определителях слова-термина *правило* в виде препозитивного причастного оборота (*фактически установившееся в торговых отношениях*) и постпозитивного определительного придаточного предложения (*которое используется для определения воли договаривающихся сторон, не нашедшей прямого выражения в договоре*) со своим причастным оборотом. Второе предложение в энциклопедической статье

содержит только дополнительное пояснение к значению научно-коммерческого термина *торговое обыкновение* и информацию об обязательствах и правах договаривающихся сторон.

Данный микротекст может быть чуть-чуть освобожден от прежнего стиля и адекватно представлен по-кыргызски следующим образом: *Соода салты – көнүмүш тартип; соода алакаларында факты түрдө кабыл алынган келишимде түздөн-түз көрсөтүлбөгөн эки тараптын макулдашуу эркинин аныктоо үчүн колдонулган эреже. Соода салты тараптардын салттын бар экендигин билип, келишим түзүү учурунда аны көңүлгө тутуусуна карата гана эсепке алынат.* Смысл текстов на двух языках идентичен, только не идентичны конструкции частей предложения, порядок расположения и соединения компонентов словосочетаний, обусловленные своеобразием порядка слов и словосочетаний в двух языках. В одном случае мы дополнительно употребляем слово *салттын* вместо русского местоимения *его* (т. е. *торговое обыкновение*), поскольку без этого слова не понятно, о чем идет речь.

Важно отметить, что понятие **обыкновение** (*салт/адат*) определено через понятия *порядок/тартип* и *правило/эреже*. На этом основании можно объединить эти термины как ментально тождественные или близкие экспоненты ФСП «обычай».

К группе лексем, однокоренных с основным номинантом ФСП «обычай», относятся также слова *привычка, привычный, привыкать* и др., которые часто используются для передачи ментально-языковых значений в пределах этого поля.

Слово *привычка* в русском языке выражает разные значения.

1. **Поведение, образ действий, склонность, которые стали для человека обычными, постоянными:** *неприятная привычка* – жагымсыз адат/өнөкөт, *дурная привычка* – жаман адат/өнөкөт, *хорошая привычка* – жакшы адат, *полезная привычка* – пайдалуу адат. Как видим, слово *өнөкөт* в кыргызском языке используется для наименования преимущественно

отрицательной привычки. Ср. также: *привычка к курению, привычка курить* – чегүү адаты/өнөкөтү; *привычка к чтению лежа, привычка читать лежа* – жатып окуу адаты/өнөкөтү; *привычка к опозданию, привычка опаздывать* – кечигүү адаты/өнөкөтү и т.д. *Тема стал и сам косить, сначала шутя, а потом уже не замечая, как глаза его сами собою вдруг скашивались. Матери стоило большого труда отучить его от этой привычки* (Гарин-Михайловский). – Тема өзү да көздөрүн кыйшактата баштады, алгач тамашалап, кийин болсо көздөрү өзүнчө эле капыстан кыйшайып кеткенин байкабай калчу. Бул **өнөкөттөн/адаттан** арылтуу апасына чоң мээнетке турду.

2. Умение, навык, ставший обыкновением: воспитать в детях привычку трудиться – балдарда эмгектенүү адатын тарбиялоо, *трудно искоренить привычку курить* - чегүү өнөкөтүн/адатын жок кылуу кыйын. *У ребенка есть привычка громко смеяться.* – Баланын катуу күлүү **өнөкөтү/адаты** бар; *Девочке было трудно отучиться от привычки грызть ногти.* – Кыз үчүн тырмактарын кажуу **өнөкөтүнөн/адатынан** ажыроо кыйын болду.

3. Приобретать, усваивать привычку к чему–либо; делать что-то для себя обычным. Ср., например: *привыкнуть к курению/курить* – чеккенге үйрөнүү; *привыкать к суровому климату* – катаал климатка көнүү; *Она привыкла ухаживать за больной матерью.*– Ал оорулуу энесин кароого **көнүп/үйрөнүп** калды.

4. Осваиваться, свыкнуться с кем-либо или чем-либо: *Я смолodu привыкла, чтобы каждого моего слова слушались* (А. Островский). – Мен жашымдан ар бир сөзүмдүн аткарылышына **көнүп калганмын**; *Все в доме привыкли к нему, к его небрежным манерам, к его немногосложным и отрывочным речам* (Тургенев). – Үйдө баары ага, анын олдоксон жүрүм-турумуна, аз муундуу жана үзүк-үзүк сөздөрүнө **көнүп калышты**. В этом значении глагол *привыкать/привыкнуть* соответствует формам корня *көн-* «привыкать/привыкнуть, осваиваться/освоиться».

5. Обычный, хорошо знакомый; такой, который стал привычкой, вошел в привычку, стал обыкновением: *привычная жизнь – көнүмүш/көнүк турмуш, привычный порядок работы – иштин көнүмүш/көнүк тартиби; привычные заботы – көнүмүш/көнүк камкордук, привычное чувство – көнүмүш/көнүк сезим и др.; Для меня это дело привычное.* – Мен үчүн бул иш **көнүмүш/көнүк**; *Такая усталость не была привычна* Ане. – Аняга мындай чарчоо **көнүк/көнүмүш** эмес эле; *Привычным движением он включил станок.* – **Көнүмүш/көнүк** кыймылы менен станокту иштетип койду. Как видим, кыргызский язык для данного контекста имеет две синонимические (однокорневые) лексемы.

К системе репрезентативов контента «обычай» можем отнести и слова *нрав* и *норов*, являющиеся однокорневыми и сохранившие реликты фонетического закона полногласия – неполногласия.

Слово *нрав* связано с производными *нравный* «с крутым нравом, своенравный (прост.)», *нравиться* «производить хорошее впечатление, вызывать расположение к себе», *нравственный* «относящийся к нормам поведения человека в обществе», *нравственность* «совокупность норм поведения человека в обществе», *нравоучение* «поучение, внушение нравственных правил» и др., которые в той или иной степени экспонируют поле «обычай».

В семантике слова *нрав* отмечаются две функции. Одна из них более связана с обычаями, другая отражает сферу устойчивых психических свойств, свойств характера. Например, сочетания *крутой нрав – курч мүнөз, кроткий нрав – жупуну мүнөз*; Бурмин казался **нрава** *тихого и скромного* (Пушкин). – Бурмин **мүнөзү** жоош жана карапайым көрүнчү / Бурмин жоош жана карапайым **мүнөздүү** көрүнчү. В этих примерах слову *нрав* соответствуют кыргызские лексемы *мүнөз* и *мүнөздүү* с определениями, отражающими устойчивые черты характера человека. Иначе говоря, значения, выражаемые вышеприведенными примерами, относятся к дальней периферии изучаемого ФСП.

Во втором значении слово *нрав* (обычно во множественном числе) выражает смысл «обычай, уклад жизни»: *нравы индейцев* – индеецтердин салты/үрп-адаты; *Смеясь, он дерзко презирал Земли чужой язык и нравы* (Лермонтов). – Ал күлүп жат жердин тилин жана **салтын/үрп-адатын** одоно жактырбоочу.

Адъективное производное *нравственный* – одно из продуктивно употребляемых слов, семантически связанных с нормами и правилами поведения человека в обществе. Почти все его значения участвуют в объективации концепта-поля «обычай». Например, смысл «относящийся к нормам поведения человека в обществе» материализован в примерах: *нравственные правила* – адептүүлүк эрежелери, жүрүм-турум эрежелери; *В народных сказках всегда присутствует высокое нравственное начало* (Катаев В.). – Элдик жомоктордо дайыма **адептүүлүктүн/нравалуулуктун/жүрүм-турумдун** бийик башаты болот/бар. Слово *нравалуулук*, являясь полукалькой, понятно многим кыргызам и точно передает значение прилагательного *нравственный*. Определение *жүрүм-турум* шире его по значению и включает в себе и негативные нравственные черты, а слово *адептүүлүк* выражает значение «воспитанный, вежливый, учтивый; воспитанность, вежливость, учтивость», становясь прилагательным в функции определения и существительным в функции подлежащего, сказуемого или дополнения.

А значение «соблюдающий нормы общественного поведения, требования морали» в сопоставляемых языках экспонируется словами *нравственный* и *адептүү*: *нравственный молодой человек* – адептүү жаш жигит, *высоконравственная женщина* – өтө адептүү аял и т.д.

В ряде случаев отпадает необходимость в переводе или поиске эквивалента прилагательного *нравственный* в кыргызском языке: полукалька *нравалык* оптимально передает его значение: *нравственный поступок* – нравалык жүрүм-турум (значение «соответствующий нормам морали»), *нравственное воспитание* – нравалык тарбия, *нравственное развитие* –

нравалык өсүү («относящийся к внутренней, духовной жизни человека»); ср. предложение: *Веру поразило в нем редкое сочетание физической и **нравственной** силы* (Казакевич). – Андагы денелик жана **нравалык** күчтүн сейрек учуроосу айкалышы Вераны таңдантты. Во всех случаях можно было бы использовать слово *адептүүлүк*, избегая использовать русский корень *нрав*, что привело бы к неточной передаче смысла русских словосочетаний и оставило бы семантические пробелы в сознании реципиента.

И наречие *нравственно* необходимо переводить с помощью русского корня и кыргызских служебных морфем: *Я была больна в первые дни, да и сейчас еще больна **нравственно*** (Каверин). – Биринчи күндөрү мен оору элем, азыр да алигиче **нравалык жактан** оорумун. Корень *нрав-* является общим для обоих эквивалентов, русскому аффиксальному комплексу *-ственно* соответствует кыргызское *-алык жактан*, состоящее из суффикса *-алык*, послелого *жак-* «сторона» в исходном падеже с суффиксом *-тан*. Ср. также: *физически и **нравственно** опрятная личность* – денелик жана **нравалык жактан** таза киши (инсан). Здесь послелог относится и к слову *денелик*. Русской синтетической форме наречия соответствует кыргызская аналитическая форма, состоящая из существительных *денелик* и *нравалык* с общим послелогом *жактан*. Русские наречия и кыргызские субстантивно-послесложные образования, являясь семантически тождественными языковыми средствами, выполняют одинаковую функцию в роли обстоятельства образа действия. Иначе говоря, их объединяет общность синтаксической функции.

К слову *нрав* тяготеет слово *норов* не только по происхождению и консонантному составу, но и по смыслу. Последнее встречается в просторечном дискурсе и говорах. Основное значение слова *норов* – «нрав, характер», т. е. в силу устойчивости обозначаемых черт характера и поведения оно может быть отнесено к экспонентам ФСП «обычай». Когда говорят *Он человек с **норовом/норовистый***, имеют в виду поведенческую обособленность оцениваемой личности, подчеркивая упрямство и

своеобразие. В этом случае сочетанию с *норовом*, прилагательному *норовистый* соответствует определитель *кежир* «упрямый, капризный, своевольный»: *Ал кежир адам*. Это слово употреблено в пословице *Что ни город, то норов, что ни деревня, то обычай*. – Ар шаардын кулк-мүнөзү бар, ар кыштактын үрп-адаты бар (букв.: У каждого города свой норов/нрав, у каждой деревни свой обычай), где оно, соотносясь с основным номинантом исследуемого поля-концепта, взаимно дополняя друг друга, подчеркивает местное своеобразие характера, поведения, уклада жизни и обрядов жителей той или иной местности.

Другими характерными репрезентативами поля “обычай” являются слова *ритуал* и *церемониал*.

Слово *ритуал* восходит к латинским словам *ritualis* «обрядовый» и *ritus* «религиозный обряд, торжественная церемония». Ритуалом называют вид обряда, являющийся исторически сложившейся формой символического поведения для выражения социокультурных взаимоотношений членов общества [БСЭ. Том 22, с. 136]. Слово имеет лексические значения:

1. Совокупность обрядов, сопровождающих какой-либо религиозный акт, составляющих его внешнее оформление: *церковный ритуал* – чиркөө ырым-жырымдары/жөрөлгөлөрү, *ритуал обрезания* – колун адалдоо ырым-жырымы/жөрөлгөсү. Ср.: ...*Там* (в костеле) *музыка, благоговейная тишина, торжественность богослужения, великолепный ритуал* (Куприн). – *Анда* (костелдо) *музыка, кастарланган жымжырттык, сыйынуу салттанаттуулугу, шаан-шөкөттүү ритуал / ырым-жырымдар / жөрөлгөлөр*.

2. Выработанный обычаем или установленный порядок совершения чего-либо, церемониал. Ср. : *Ритуал приобщает молодежь к традиционным коллективным нормам жизни*. – *Ритуал/каада-салт/шаан-шөкөт* жаштарды жашоонун традициялуу коллективдик эрежелерине үйрөтөт; *Необходимо, чтобы знамя было обставлено специальным ритуалом почета* (Макаренко). – Туу урматтоонун атайын *ритуалы/каада-салты/шаан-шөкөтү* менен көркөмдөлүшү зарыл; *Выходка Вари расстроила весь ритуал награждения*

(Степанов. Порт-Артур). – Варянын жоругу сыйлык берүү **ритуалын** /каадасын/каада-салтын/шаан-шөкөтүн бузуп койду. Второе значение слова *ритуал* ближе к значению слов *каада-салт*, *шаан-шөкөт*.

Прилагательное *ритуальный* сохраняет смысл корневой морфемы и презентрует его в адъективной функции: *ритуальные маски* – ритуал-дык/ырым-жырымдык/шаан-шөкөттүк бет каптар, *ритуал чаепития* – чай ичүү ритуалы/каадасы/шаан-шөкөтү, *ритуальное убийство* – ритуал үчүн өлтүрүү/ырым-жырым үчүн өлтүрүү. Определение *шаан-шөкөт* с позитивным значением не подходит к слову *өлтүрүү/убийство*.

В составе номинантов ФСП «обычай» важное место занимает слово *церемония*, восходящее к латинскому слову *saerimonia* «благоговение, культовый обряд». Оно употребляется в значении «установленный порядок совершения какого-либо обряда, акта, торжества, а также самый обряд, акт, торжество». Такое значение выражает в кыргызском языке *каада*. Ср., например: *церемония приветствия* – саламдашуу *церемониясы/каадасы*, *церемония премирования* – сыйлык берүү *церемониясы/каадасы/шаан-шөкөтү*, *церемония бракосочетания* – үйлөнүү *церемониясы/каадасы/шаан-шөкөтү*, *погребальная церемония* – сөөк коюу *церемониясы/каадасы/шаан-шөкөтү*. В следующем предложении четко разграничиваются значения слов *церемония* и *ритуал*: *Наполеон личнознакомился с избранными академиками. ... Церемония имела разработанный ритуал* (Гранин). Здесь слово *ритуал* обозначает порядок и сценарий торжественного акта, а слово *церемония* – само торжество официальной встречи. Предложение можем перевести на кыргызский язык так: Наполеон шайланган академиктер менен жекече таанышып жатты. **Шаан-шөкөттүн** өзүнчө **тартиби** бар эле, где *церемония* – шаан-шөкөт, *ритуал* – тартип (см. выше).

Слово *церемония* послужило основой для образования слов *церемониться*, *церемонничать*, *церемонно*, *церемонный*, *церемонность*; *церемониал*, *церемониальный*, *церемониальность* и т.д.

Попробуем рассмотреть значения некоторых из этих примеров в плане их соответствий в кыргызском языке.

Слово *церемониал* выражает смысл «распорядок, установленный для определенного обряда или церемонии»: *проект церемониала* – шаан-шөкөттүн долбоору, *ход церемониала* – шаан-шөкөттүн жүрүшү и др.; в составе прилагательного: *церемониальная встреча* – церемониалдык/шаан-шөкөттүү жолугушуу, *церемониальные танцы* – шаан-шөкөттүү бийлер. Мы склоняемся к выводу о том, что ресурсы кыргызского языка не позволяют найти более адекватные эквиваленты, чем слово *шаан-шөкөт*.

Слово *церемонный* передает два значения:

1) чрезвычайно строгий в соблюдении принятого этикета, порядка, приличий; чопорный: *церемонные приветствия* – каада-салттуу саламдашуулар. – *Чего же спрашивать? Идите прямо – и все тут. – Нет. Как же это прямо?* – Ну, если вы такой **церемонный**, я пойду доложу (М. Павлов). – Эмнени сураш керек? Түз эле барыңыз – баары бүтөт. – Жок. Кантип түптүз эле? – Сиз ушундай *каада-салттуу* болсоңуз, мен барып айтайын;

2) отвечающий требованиям этикета, строгому соблюдению приличий: *церемонное обращение* – каада-салт менен / каада-салтка ылайык/жараша кайрылуу, *церемонный поклон* – каада-салт менен / каада-салтка ылайык / жараша ийилүү и др., где прилагательное *церемонный* передается послесложно-именным сочетанием *каада менен/каадага ылайык/каадага жараша* в трех разновесных вариантах.

Другим экспонентом изучаемого ФСП является слово *обряд* со значением «совокупность установленных обычаев действий, связанных с выполнением религиозных предписаний или с бытовыми традициями»: *свадебный обряд* – үйлөнүү каада-салты/шаан-шөкөтү, *похоронный обряд* – сөөк коюу/сөөк узатуу каада-салты/ырым жырымы/шаан-шөкөтү, *религиозный обряд* – диний каада-салт/ырым-жырым/шаан-шөкөт. Иногда оно употребляется для передачи значения «обычный порядок, церемония

чего-либо»: *обряд угощения* – сый тамак тартиби/шаан-шөкөтү, *обряд приема гостей* – конок тосуу тартиби/коноктоо шаан-шөкөтү и т.д. В последних примерах ему соответствуют слова *тартип* и *шаан-шөкөт*.

Прилагательные *обрядный* «относящийся к совершению обряда» (устар.) и *обрядовый* «относящийся к обряду, связанный с ним» тоже участвуют в объективации концепта-поля «обычай»: *обрядовые песни* – каада-салт ырлары, ырым-жырым ырлары, *обрядовая сторона религии* – диндин каада-салт тарабы, ырым-жырым жагы, *обрядное пение* – каада-салтка ылайык ырдоо, *обрядное прощание* – каада-салтка ылайык кайырлашуу и т.д.

Конечно, краткий обзор и сопоставительный анализ номинантов концепта-поля «обычай» был бы неполным, если не охарактеризовать семантику термина *традиция*, восходящего к латинскому слову *traditio* «передача». Это слово даже дважды используется кыргызскими лексикографами при определении значения кыргызского слова *салт*, что свидетельствует о их семантической тождественности [КТТС, II, с. 42].

Слово *традиция* имеет основное значение «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычай, нормы поведения, взгляды, вкусы и т.д.»: *традиции кочевых народов* – көчмөн элдердин салттары/традициялары, *национально-культурные традиции кыргызов* – кыргыздардын улуттук-маданий салттары/традициялары. Словом *салт* переводится *традиция* и в значении «установившийся порядок, неписанный закон в поведении, в быту; обычай, обыкновение»: *войти в традицию* – **салтка** кирүү, **салтка** өтүү: *стало традицией ветеранов района* – район ардагерлеринин **салты** болуп калды и др. А в случае выражения им значения «обычная, закрепившаяся норма чего-либо», оно переводится словом *эреже*: *традиция эпического повествования* – эпикалык баяндоонун эрежеси, *создание традиции поведения* – жүрүм-турум эрежелеринин жаралышы, *традиции кыргызской этнопедагогике* – кыргыз этнопедагогикасынын эрежелери. Слово *эреже* в данном контексте может быть заменено словом *салт* без смысловой потери.

К сфере концепта-поля «обычай – салт» относится семантическое и словообразовательное гнездо слова *норма*. Это слово в двух языках передает значение «узаконенное установление; обычный, общепринятый, обязательный порядок»: *нормы поведения* – жүрүм-турум нормалары, *нормы литературного языка* – адабий тилдин нормалары. В данном контексте оно может быть заменено словом *правила* – эрежелер (во мн. ч.). Иногда оно употребляется для выражения значения «образец, правило». Например: *Он совершил единственную поездку из своей деревни в Москву и эту поездку взял за норму всех вообще путешествий* (И. Гончаров). – Ал өз кыштагынан Москвага бир гана жолу барып келип, бул каттамды бардык саякаттардын **нормасы / үлгүсү / эрежеси катары** эсептөөчү.

Значение «установленная мера, размер чего-либо», выражаемое словом *норма*, присуще обоим сопоставляемым языкам: *норма выработки* – өндүрүү нормасы, *норма питания* – тамактануу нормасы, *перевыполнение нормы* – норманы ашык орундатуу [КТТС, II, с. 291]. В случае передачи значения «величина, выражающая отношение между чем-либо» слово *норма* вступает в синонимическое отношение со словами *величина / объем / размеры / чоңдук / көлөм*: *норма прибыли* – киреше нормасы, *величина прибыли* – киреше көлөмү.

Приводимое существительное употребляется и в составе провербиальных единиц: *быть в норме* «в обычном состоянии, в нормальной позиции» - нормада болуу, *войти/прийти в норму* «прийти в обычное состояние, нормальную позицию» - нормага кирүү/келүү и т.д.

От существительного *норма* образованы наречие *нормально* и прилагательное *нормальный*, сохранившие в своей семантике значение исходной корневой морфемы, которая восходит к латинскому слову *norma*. Прилагательное содержит значение «соответствующий норме, полагающийся по норме; соответствующий чему-либо общепринятому или обычному, положенному». Ср. *нормальная обстановка* – нормалдуу шарт / ыңгай / ыңгай-шарт, *нормальное поведение* – нормалдуу жүрүм-турум, *нормальный*

рост – нормалдуу өсүү/өсүш, *нормальная температура* – нормалдуу температура. Иногда оно приобретает значение “психически здоровый”: *Человек он здоровый, нормальный*. – Ал дени сак, **нормалдуу** адам.

Эти же значения свойственны наречию *нормально*. В отличие от прилагательного, оно относится к глаголу: *Ребенок растет нормально*. – Бала *нормалдуу* өсүүдө/өсүп жатат. В данной фразе наречие выражает значение “в соответствии с нормой, без отклонений от нормы” и относится к сфере функционально-семантического поля “обычай”. В отличие от русского языка, кыргызское *нормалдуу* может выступать в роли как прилагательного-определения, так и наречия-обстоятельства образа действия. По-видимому, наречие *нормально*, имея значение “так, как полагается; так, как нужно” и в следующем предложении входит в сферу того же ФСП: *Нормально учиться мне пришлось только семь лет. Старших классов в нашем Кузьминске нет* (Шуртаков. Кузьминские сады). – Мен жети жыл гана *талаптагыдай* окудум. Жогорку класстар биздин Кузьминскиде жок. В данном контексте значение этого наречия *нормально* передает наречие *талаптагыдай* со сравнительным суффиксом, называемое некоторыми лингвистами формой сравнительного падежа (В.В. Радлов, К.К. Сартбаев, К.З. Зулпукаров и др.) [Зулпукаров 1994, с. 247].

Существительное *норма* имеет много других дериватов, в которых в той или иной форме в соответствии с требованиями аффиксов варьируется корневое значение. Например, цепочка *норматив* «показатель норм, в соответствии с которыми производится какая-либо работа, устанавливается что-либо» - *нормативный* «устанавливаемый нормативом; определяющий норму (нормы) чего-либо», *нормативность* «соответствие нормативу; необходимость соблюдать норматив» реализуется в примерах типа: *плановые нормативы* – пландуу нормативдер, *нормативный запас деталей* – тетиктердин нормативдик запасы, *нормативная грамматика* – нормативдик грамматика. Они соответственно имеют эквиваленты в кыргызском языке:

норматив, нормативдик, нормативдүүлүк (существительное, прилагательное и существительное).

От слова *норма* образуется два глагола, в значениях которых присутствует сема корня: 1) *нормировать* «установить/устанавливать пределы чего-либо, ввести/вводить норму во что-либо», *нормироваться* (страд. форма); ср. дериваты: *нормировка, нормировочный, нормировщик, нормировщица*; 2) *нормализовать* «приблизить/приближать к норме, подчинить / подчинять норме», *нормализоваться* «приближаться / приблизиться к норме, стать / становиться нормальным»; ср. *нормализация*. Эти слова вошли в кыргызский язык и обогатили его семантические ресурсы. Первая группа слов представлена полукальками: *нормалоо* «нормировать, нормировка», *нормалануу* «нормироваться», *нормалоочу* «нормировщик, нормировщица». Кыргызский язык не дифференцирует инфинитив и отглагольное существительное, родовую принадлежность субъектов действия. Вторая группа имеет соответствия: *нормалдашуу / нормалдануу* «нормализоваться», *нормалдаштыруу / нормалдантуу / нормага ылайыктоо* «приближать к норме, подчинять норме; нормализация». В некоторых кыргызских примерах переходные формы образованы от страдательных глаголов, в их русских соответствиях, наоборот, они первичны относительно страдательных форм.

К ФСП «обычай» примыкает и семантика существительного *право*, которое тесно связано со словом *норма* и регулярно сочетается с ним: *нормы права* – укук нормалары. Слово *право* содержит в себе как терминологический, так и общеупотребительный смысл. Именно в юриспруденции и канцелярском языке оно закрепило за собой значение обычности и общепринятости обозначаемых явлений. В словосочетаниях *избирательное право* – *шайлоо укугу / шайлоого укук*, *конституционное право* – *конституциялык укук* и т.д. Их определяемая часть имеет значение «совокупность устанавливаемых и охраняемых государством норм, правил

поведения, регулирующих общественные отношения между людьми и предоставляющих им равные возможности для жизнедеятельности».

Слово *право* приобретает и более узкое профессиональное значение, передавая смысл «совокупность законов и постановлений государства, относящихся к какой-либо стороне общественного устройства, жизни и деятельности общества»: *трудовое право* - эмгек укугу / эмгекке укук / эмгектенүү укугу; *гражданское право* – жарандык / граждандык укук; *международное право* – эл аралык укук. Иногда слово *право* приобретает метаязыковую функцию, становясь названием научной дисциплины: *правоведение* (учение о праве, наука об основах права, юриспруденция, совокупность наук о праве), *лекции по уголовному праву* и т.д. Ср. соответствующие кыргызские: укук таануу, кылмыш укугу боюнча лекциялар и др. В последних примерах слово *право* - укук использовано для передачи значения “наука, изучающая выражение законов и постановлений в законодательстве”.

К сфере семантики “установленное” имеет отношение и сема “предоставленная кому-либо, чему-либо свобода, возможность действовать или пользоваться чем-либо, гарантированная государственными или какими-либо другими законами, постановлениями и т.д.”. Ср.: *право контроля* – көзөмөл/көзөмөлдөө укугу, *право на труд и на отдых* – эмгек жана дем алуу укугу, эмгекке жана дем алышка/алууга укук; *право наследства* – мураскордук/мураскердик укук, мураска укук. С этим значением связано и сема “официальное разрешение, допуск к выполнению обязанностей кого-либо, занятию к какой-либо должности, чина”: *имеет право на место муллы в мечети* – мечиттеги молдолук орунга укугу бар; *имеет право преподавать на водительских курсах* – айдоочулар үчүн / айдоочулук курстарда окутууга укугу бар. Кыргызский язык предлагает различные вариантные формы для передачи русских наименований.

А как название документа, разрешающего какому-либо лицу управлять автомобилем, мотоциклом и т. д., рассматриваемое слово подверглось семантической деривации и относится к крайней периферии ФСП «обычай».

К крайней периферии семы «установленное» примыкают случаи употребления слова *право* в значениях «власть, преимущества, предоставляемые кому-либо; возможность действовать, поступать определенным образом; основание, причина (действия, поступка)». В таком контексте сочетание *имеет право* соответствует варьируемому синтаксическому образованию *укук бар/акы бар* /деепричастие + вспом. гл. *алат*: 1) *Пенсионеры имеют право бесплатного проезда/на бесплатный проезд/не платить за проезд.* - Ардагерлердин төлөбөй жүрүүгө **укугу/акысы** бар // Ардагерлер, төлөбөй жүрө **алышат**; *Он имеет право контроля за работой сотрудников / на контроль за работой сотрудников / контролировать работу сотрудников.* - Кызматкерлердин ишин көзөмөлдөөгө анын **укугу/акысы** бар// Ал кызматкерлердин ишин көзөмөлдөй **алат**. 3) *У вас есть моральное право обвинять его.* - Аны күнөөлөөгө сиздин моралдык **укугунуз/акыңыз** бар; *Какое вы имеете право говорить со мной в таком тоне?* Мындай тон менен мага сүйлөөгө сиздин кандай **укугунуз/акыңыз** бар? В случае передачи значения «причина, основание» в кыргызском дискурсе не употребляется вспомогательный глагол *алат* (ср. последние два примера). И здесь видим многообразную варьируемость высказываний, в которых содержится сема «установленное» и его номинанты.

Очень часто слово *право* приобретает переносное значение в пределах семантики “обычай”. Например, в предложении *Русский балет по праву считается лучшим в мире* сочетание *по праву* выражает значение “законно, с полным основанием, мотивированно”. И в этом случае кыргызский язык предоставляет возможность перевести их с помощью слов *акы* и *укук* в форме *акылуу* и *укуктуу*, а также вспомогательного глагола *алат*: Орус балети дүйнөдө эң жакшы деп эсептелүүгө **укуктуу/акылуу** // Орус балети

дүйнөдө эң жакшы деп эсептеле **алат** (эсептеле- деепричастие в значении “считаться, называться”).

Значение “обычай” неявно присутствует и во фразе *Юрий по-прежнему приходил в дом на правах жениха* (Шолохов-Синявский. Волгины). Сочетание *на правах* легко можно заменить предлогом *в качестве*. Выразителем семы “обычно” выступает темпоральное наречие *по-прежнему* и глагол несовершенного вида *приходил*. Кыргызский язык открывает возможность многовариантной передачи смысла сочетания: *катары/ сыяктуу/ сыяктанып,-га* (суффикс дат. п.) *окшоп*, *-дай* (срав.суффикс) *болуп* и т. д. Ср., например: Юрий үйгө мурункудай эле күйөө бала **катары/сыяктанып/сыяктуу/-га окшоп/-дай болуп** келе берчү.

Слово *право* не теряет исходной концептуальной семантики даже в идиоме *на птичьих правах*, которая употребляется шутливо в значении «не имея прочного положения, прав и обеспечения». Третий компонент фразеологизма семантизирует устойчивость, традиционность и обычность бытия, а непрочность и неустойчивость положения, легковесность и шаткость позиции заключены во втором его компоненте. Предлог *на* открывает позицию для сочетания бытийными глаголами (*быть, находиться, жить* и т. д.) и использован для показа сферы бытия. Шутливость смысла состоит в сочетании контрастных, взаимно не координирующихся значений в одной идиоме.

В сферу ФСП “обычай” входит и семантика слова *правило*, которое связано по смыслу с устойчивыми и социально-установленными явлениями.

Правило – довольно многозначное слово. В его семантике есть понятийные, этические, коннотативно-оценочные, правоведческие и другие элементы. За ним закреплено понятие “положение, которое выражает определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений”. Как известно, в закономерностях отражаются наиболее устойчивые, общие, существенные и необходимые черты процессов, событий и явлений. Ему соответствует кыргызское слово *эреже*: *сложное правило* – татаал эреже, *простое правило* – жөнөкөй эреже: *каждое правило* – ар бир

эреже, *арифметическое правило* – арифметикалык эреже; *знание правила* – эреже(ни) билүү, *объяснение правила* – эреже(ни) түшүндүрүү и др., что свидетельствует о том, что понятийное содержание двух обозначений совершенно идентично. Ср.: *Он не знает **правил** орфографии, но пишет правильно.* – Ал орфографиянын **эрежелерин** билбейт, бирок туура жазат.

Другая функция слова *правило* сближает его со словами *постановление, положение, предписание, установка, установленный порядок*. Оно имеет значение «совокупность, свод каких-либо положений, установок, определяющих порядок чего-либо»: *школьные правила* - мектеп эрежелери, *обязательные правила* - милдеттүү эрежелер; *санитарные правила* – санитардык эрежелер, *соблюдать правила* - эрежелерди сактоо, *следовать правилам гигиены* - гигиена эрежелерин жетекке алуу и др. Например: *Ты знаешь **правила** игры в теннис?* - Сен теннис ойноо **эрежелерин** билесиңби? У Салтыкова-Щедрина есть фраза: *Осип Иванович тоже встал и **по** всем **правилам** гостеприимства взял мою руку и обеими руками крепко сжал её* (Благонамеренные речи). – Осип Иванович да туруп, мейманкерчиликтин бардык **эрежелери боюнча** колумду алып, кош колдоп катуу кысып койду.

Слово *правило* нередко употребляется в значении “норма поведения, принятый кем-либо, образ мыслей и действий, обыкновение, привычка”: *нравственные правила* - нравалык эрежелер/жүрүм-турум эрежелери, *жизненные правила* - жашоо эрежелери, *правило хорошего тона* – ыйбаа эрежелери и др. У. М. Горького читаем: *Я очень люблю читать, у меня есть **правило** – треть заработка тратить на книги.* – Мен окуганды өтө жактырам, эмгек акымын үчтөн бирин китепке сарптоо – менин **эрежем**. Вот в этом контексте кыргызское *эреже* может быть легко заменено словом *адат*, а русское – словом *привычка*. Ср. также: *Мухин взял себе за **правило** ходить на работу пешком.*– Мухин ишке жөө барууну **эреже/адат** кылып алды. Слово *правило* встречается в национально-специфических отрицательных оборотах русской речи. Перевод подобных выражений на кыргызский язык вызывает некоторые трудности: *не в его правилах говорить*

неправду. Отрицание *неправда* передается положительными словами-синонимами: *жалган* и *калп*. Язык не допускает буквальный перевод в виде *чындык эмес, ырас эмес, туура эмес*.оборот не в его правилах тоже буквально не переводится. В обратном случае мы имели бы перевод: *анын эрежелеринде эмес*, что звучит совершенно не по-кыргызски. Фраза имеет смысловой эквивалент: Жалган айтуу – анын **адаты** эмес/анын **адатында** жок. К данному случаю не подходит слово *эреже*. Потому что речь идет о негативном свойстве характера, не свойственном персонажу.

В русском языке есть целая группа идноматических выражений, относящихся к экспонентам ФСП “обычай”. Ср. например, *как правило* “обычно” в предложении: **Как правило**, я встаю очень рано. – Мен демейде өтө эрте турам; *по всем правилам* «так, как принято (в обществе); так, как полагается» - адаттагыдай, демейдегидей, адат боюнча; *положить себе за правило/правилом* “сделать своим правилом” – адат кылып алуу, эреже катары тутунуу и т. д.

Ясно, что смысл слова *правило* является одной из динамичных составляющих ФСП “обычай”, в одном случае сближается с его ядром, в другом “уходит” на периферию.

С исконно русским/славянским словом *правило* семантически соотносится слово *канон*, которое имеет греческое происхождение и восходит к слову *kanon* “правило, предписание”.

Это слово выполняет в языке разнообразную семантическую функцию.

Наиболее распространенным является значение «правило, положение какого-либо направления, учения; то, что твердо установлено, стало традиционным и общепринятым; то, что является обязательной нормой». Как видим, для раскрытия содержания слова *канон* обязательно употребление признаков *установленный, традиционный, общепринятый* и *норма*. В КТТС в качестве его кыргызского эквивалента приводится слово *эреже* [Том II, с.761], что не демонстрируется конкретными примерами.

В следующих предложениях мы обнаруживаем соответствие *канон* = *канон/эреже*: *Уже в ранних работах Брюллова можно было провидеть тот новый путь, который уведет его от консервативных **канонов** академической школы* (В. Яковлев. О великих русских художниках). – Брюлловдун алгачкы эле эмгектеринде академиялык мектептин консервативдүү **канондорунан/эрежелеринен** аны оолактатып кете турган жаны жолду көрүүгө болот эле. Кыргызские агглютинативные образования в своем составе имеют признаки мн.ч. (-дор/-лер), принадлежности III л. ед.ч. (-у/-и) и исходн. п. (-нан/нен). В другом примере агглютинацию завершает суффикс вин.п.: *Война заставила врачей пересмотреть старые **каноны** в области хирургии* (Кованов. Признание). – Согуш врачтарды хирургия жаатындагы эски *канондорду/эрежелерди* кайра карап чыгууга мажбурлады.

Другое значение слова *канон* имеет узкую сферу применения. Оно тесно связано с богословием и используется в религиозном дискурсе. В этой сфере речи это слово выражает смысл “догмат, обряд или правило, установленное и узаконенное церковью” [СИС, с. 216]. Ср.: *Не сказать, чтобы он (архиерей) позволял себе какое-нибудь несогласие с выше стоящими иерерхами, а тем паче **канонами** и обрядами* (Федин. Необыкновенное лето). – Ал (архиерей) **канондор** жана диний каада-салттар тургай, жогору турган иерархтар менен кандайдыр эле макул эместикти өзүнө ыраа көрчү дешке болбойт.

И значение “список, собрание религиозных книг, признанных церковью, в качестве священного писания” и “церковное песнопение в похвалу святого или праздника” имеет в качестве сферы применения религиозный дискурс. Поскольку православие является религией носителей русской лингвокультуры, в данном контексте не следует переводить слово *канон* словом *эреже*. Лучший вариант – использовать слово без перевода: *пасхальный канон* – пасха канону, *ветхозаветский канон* – көөнө осуят канону, байыркы (христиандарга чейинки) осуят канону. Известно, что смысл самого слова *завет* имеет отношение к ФСП “обычай”. Ср., например: *Помните наш старый моряцкий **завет**: все за одного – один за*

всех (Лавренев. За тех, кто в море). – Биздин эзелки: “Баары бирөө үчүн – бирөө баары үчүн”- деген моряктык **осуятты** эстеп жүргүлө. В данном предложении слово *завет* передает значение “то, что вошло в традицию, установилось с давнего времени” .

В одно гнездо со словом *канон* входят и его дериваты: *канонизовать, канонизоваться, канонизировать, канонизироваться, канонизированный, канонизация* и др., которые выступают в качестве составляющих периферии ФСП “обычай”.

Важное место среди репрезентативов концепта «обычай» занимает слово *мода* в русском и кыргызском языках. Оно заимствовано из французского языка (*mode*), проникло в кыргызский язык через русский.

В русском языке оно имеет несколько значений, которые относятся к семантической сфере концепта-поля “обычай”:

1. Господство в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся во внешних формах быта, в особенности в одежде: *одеваться по моде* – мода менен кийинүү/ мода боюнча кийинүү (послелог *менен* «с» и *боюнча* «по» в данном контексте синонимичны), *выйти из моды* – модадан чыгуу/калуу, *войти в моду* – модага кирүү, *не отставать от моды* – модадан калбоо и др. (предлоги *из* и *от* соответствуют суффиксу исходного падежа, предлог *в* – суффиксу дательного падежа).

2. Образцы предметов одежды, отвечающие господствующим вкусам данного момента: *моды сезона* – мезгилдин/сезондун модалары, *журнал мод* – модалар/модалардын журналы. В этом значении слово *мода* употребляется в форме множественного числа.

3. Обыкновение, привычки (в просторечном дискурсе): - *У меня нет моды деньгами платить. Всем плачу чаем да сахаром* (Чехов). – Менин акчалай төлөө адатым жок. Баарын чай, кант менен төлөймүн; - *Сколько раз я тебе повторяла, чтобы ты никогда не смел стучать в дверь ногами. Что это еще за мода?* (В. Катаев). – Канча жолу сага каалганы буттарың, менен

эч качан такылдатпастыгыңды кайталаган элем. Бу эмне деген **адат**? Во втором примере слова **адат** допускает замену словам *өнөкөт*, используемым для наименования негативных привычек (см. выше).

4. Непрочная, быстро переходящая популярность. Например: «*Келин келгенский*» азыр **модада**. – «Келин келгенский» сейчас **в моде**. Так называется популярная среди кыргызской молодежи юмористическая песня с хорошей ритмикой и с русскими наполовину словами. Ср. *последний крик моды* «модная новинка, непрочная новинка» – **моданын** акыркы үлгүсү.

Известно, что русское выражение *быть одетым по моде* является калькой французского *a la mode* и восходит к XVII веку, когда французская мода была образцом для всех европейских стран. Французское *mode* произошло от латинского *modus* “мера, образ, способ, правило, предписание” [БСЭ. 1974. 16 том, с. 389]

Надо отметить, что слово *мода* входит в словообразовательно-семантическое этимологическое гнездо с другими словами: *модно, модный, модник, модница, модничать* ..., которые включают в свою семантику отдаленные семы концепта-поля “обычай”.

С ФСП “обычай” связан и слово *ставка*. Но это связь односторонняя. Слово имеет ряд значений, из которых только два имеют отношения к данному полю. Значение “место расположения военачальника или его штаба”, “орган высшего военного управления войсками”, “денежный взнос, теряемый игроком, в случае проигрыша (в азартных играх)”, “расчет ориентации в своих действиях, поступках, планах на кого-либо, чего-либо” [СРЯ, III, с.245] настолько далеки от изучаемого концепта, что нет смысла останавливаться на них. Однако два его значения легко возводимы к инвариантной семе “установленное”. Например, слово *ставка*, употребляясь в значении “размер заработной платы, оклад”, в силу регулярности и постоянства действий для получения платы за труд, свободно проникает в сферу поля “обычай”. В кыргызском языке у этого слова нет аналога. Поэтому оно употребляется как заимствованная лексема. Иногда слово *ставка*

заменяется словосочетанием *айлык акы* “помесячная плата” или сокращенным его вариантом *айлык* “(букв.) помещичник”, возникшим в результате опущения определяемого существительного. Ср.: *тарифные ставки* - тарифтик ставкалар / айлык акылар / айлыктар; *Обсуждение пошло по линии возможного сокращения расходов, и тут Фаворов высказался за добровольное уменьшение ставок техническому персоналу* (Леонов.Соть). – Талкуу чыгымдарды мүмкүн болушунча кыскартуу багытында жүрүп, буерде Фаворов техникалык персоналдын **ставкаларын** өз ыктыяры менен азайтуу жөнүндө айтты. Слово *ставкаларын* без семантического ущерба можно заменить его синонимами: *айлык акыларын* или *айлыктарын*. Слово *ставка* семантически сближается со словом *норма*, выступая в качестве номинанта одного из частных случаев соответствующего понятия и передает специализированное значение “норма взимания налога с какого-либо объекта финансового обложения; норма оплаты при производстве какой-либо финансовой операции”: *ставка натуральной оплаты* - натуралдык төлөмдүн ставкасы / өлчөмү; *ставки подоходного налога* - киреше салыгынын ставкалар; өлчөмдөрү. Как видно, в этих примерах кыргызское слово *өлчөм* приобрело значение слова *ставка*, наряду с другими значениями (мера; мерка, размер, доза, объем и т. д. [Юдахин К.К. 1965, с.593]). Данный факт позволяет высказать мысль о том, что семантика слова в языке обогащается в результате калькирования иноязычных слов, которые вместе с калькируемой лексемой входят в одну общую лексико-семантическую группу.

К сфере значения “установленное” относится и слово *такса*, восходящее к французскому слову *taxe* и имеющее значение “точно установленная расценка товаров или размер оплаты за тот или иной труд, услуги и т. п”. Данное слово в кыргызском употребляется без перевода. Ср: *плата по таксе* – такса менен/боюнча төлөө, *такса на перевозку грузов* - жүк ташуу таксасы/жүк ташууга такса, *таксы на ремонт обуви не существует* - бут кийим оңдоого такса жок и т. д.

В русском языке существует немало дериватов существительного *такса*, которые в своей семантике сохранили и развили первоначальное значение: *таксировать* “производить/произвести таксацию чего-либо, исчислять/исчислить плату за что-либо”, *таксироваться* (страдат.), *таксация* “установление таксы на что-либо; учет леса, его материальная оценка (определение возраста, высоты, диаметра растущих деревьев, запаса древесины и т. д); установление размеров и качества чего-либо; *таксировщик* “служащий, занимающийся таксировкой грузов”. Ср.: *таксировать заработную плату* – эмгек акыны таксага салуу, *таксация заработной платы* – эмгек акыны таксага салуу, где трансформируемые фразы русского языка с ключевыми глаголом и существительным передаются по-кыргызски идентичными словосочетаниями. Это объясняется тем, что кыргызские отглагольные имена на гласные соответствуют как инфинитиву, так и субстантиву в русском языке. Ср. также: *таксировать грузы/таксировка грузов* – жүктөрдү таксага салуу, *таксировщик* – такса аныктоочу.

Гипонимом лексемы *норма* является и субстантив *лимит*, восходящий к латинским словам *limes, limitis* “межа, граница, предел” и сохранивший в той или иной степени древнее значение. Слово *лимит* обозначает норму, в пределах которой разрешено пользоваться чем-либо, расходовать что-либо. Иначе говоря, по отношению к нему слово *норма* выступает в качестве гиперонима. В кыргызском языке отсутствует слово с подобным значением. Поэтому в кыргызском дискурсе соответствующая лакуна восполняется латино-русским наименованием или одной из сем полисемантического слова *чек* “граница, предел”. Ср.: *лимит кредита* – кредит лимити / кредит чеги, *лимит ввоза и вывоза товаров* – товарларды кийирүү жана чыгаруу лимити/чеги, *превысить лимит / превышение лимита* - лимиттен ашуу и др. *Сергей лежал на диване в своей комнате, потушив свет – был лимит на электроэнергию* (Бондарев.Тишина). – Сергей өз бөлмөсүндө жарыкты очуруп диванда жаткан - электроэнергияга **чектөө** бар эле. В последнем примере значение слова *лимит* передается отглагольным именем *чектөө*

“лимитация, лимитирование, лимитировать”. К контексту не подходит слово чек “граница, предел”, поэтому использовано его производное *чектөө* «ограничение». Прилагательное *лимитный* имеет эквивалент в виде *лимиттүү / лимиттик / чектелген*: *лимитная ставка* – лимиттик ставка / лимиттүү ставка, чектелген ставка, *лимитные цены* – лимиттик баалар / лимиттүү баалар / чектелген баалар и т.д.

К значению слова *норма* примыкает и семантическое содержание слова *квота*, которое употребляется с двумя функциями. Оно чаще передает значение “доля, часть, норма чего-либо допустимого: *импортная квота* – импорттук квота, *избирательная квота* – шайлоо квотасы. Слово *квота* имеет значения “часть, приходящаяся на каждого; доля участия в производстве, сбыте, экспорте или импорте продукции, устанавливаемая в картельных соглашениях монополий для входящих в них участников – предприятий, компаний или стран” [БСЭ 12, с.13.] Ср.: *распределение прибыли по квоте* – кирешени квота менен/боюнча бөлүштүрүү. Слово не имеет эквивалента в кыргызском языке.

Понятие “установленное” связано с содержанием слова *стандарт*. Это слово имеет значения: 1) типовой образец, которому должно удовлетворять по размерам, форме, качеству: *стандарты на металлическое литье* – металл куюунун стандарттары / металл куюуга стандарттар, *стандарты на лесоматериалы* – жыгач материалдардын стандарттары / жыгач материалдарга стандарттар, *стандарты на пищевые продукты* – азык-оокаттардын стандарттары / азык-оокаттарга стандарттар; 2) единообразная, типовая форма организации, осуществления чего-либо: *разработаны стандарты испытаний* – сыноо стандарттары иштелип чыкты, *образовательные стандарты* – билим берүү стандарттары; 3) то, что не включает в себе ничего оригинального, своеобразного; шаблон, трафарет: *В чертеже строго соблюден стандарт.* – Чиймеде **стандарт** так сакталган. *У нас в кинематографии много стандарта* (Вишневский. Борьба за сценарий и фильм). – Биздин кинематографияда **стандарт** көп.

Эти значения сохраняются и в структуре тех слов, которые образованы путем суффиксации от исходного английского слова: *стандартизовать / стандартизоваться, стандартизировать / стандартизироваться, стандартизация, стандартизированный, стандартный, стандартность* и т. п., которые тоже участвуют в расширении семантической сферы поля «обычай».

Со словами *норма, правила* семантически коррелирует и слово *требование*, входя вместе с ними в сферу ФСП «обычай». Однако слово *требование* только одной стороной своей семантики покрывает часть понятия нормы. Его значения 1) просьба, предложение сделать что-либо в настойчивой, категоричной форме; 2) предложение явиться куда-либо, вызов и др. носят императивный характер и не имеют прямого отношения изучаемому семантическому полю. В словосочетаниях же ***требования*** к поступающим в вузы – *ЖОЖдорго кирүүчүлөргө талаптар, технические требования на изготовление детали – тетик даярдоого техникалык талаптар* рассматриваемое слово выражает значение «норма, совокупность условий или данных, которым кто-либо или что-либо должны соответствовать». Ср. также: – *Читаю, учусь, вообще стараюсь стать в уровень с современными требованиями* (Тургенев. Отцы и дети). – Окуп жатам, үйрөнүп жатам, жалпысынан учурдагы ***талаптардын*** деңгээлинде болууга аракеттенүүдөмүн.

Слово *требование* приобретает и значение «правила, налагаемые кем-либо или чем-либо»: *требования / правила моды* – моданын талаптары / эрежелери, *требования/ правила закона* – закондун талаптары / эрежелери. В этом случае ему соответствуют две кыргызские лексемы – *талап* и *эреже*, которые в сочетании со словами *мода* и *закон* становятся семантически тождественными.

В семантическую структуру поля «обычай» входит и функция лексемы *порядок*, которая, на наш взгляд, занимает ключевое место в этой сфере. Лексическое значение слова *обычай* необходимо предполагает использование

этого слова для своего дефинирования. Обратимся к СРЯ [II том, с.581], где мы читаем: *обычай* - это “общепринятый **порядок**, традиционно установившиеся правила общественного поведения”. Иначе говоря, смысл слова *обычай* определяется через соотнесение со словом *порядок*. На этом основании мы считаем возможным более подробно остановиться на семантике слова *порядок*.

Слово *порядок* имеет, по данным современных лексикографических изданий, несколько основных значений.

1. Состояние налаженности и благоустройства, систематичности, правильности в той или иной сфере жизнедеятельности человека. В этом значении ему соответствует кыргызское слово *тартип* в одной из своих функций: *идеальный порядок* – идеалдуу тартип, *образцовый порядок* – үлгүлүү тартип, *наведение порядка, наводить порядок* – тартип орнотуу/тартипке салуу, *саблюдение порядка, саблюдовать порядок* – тартип сактоо. Ср. у Тургенева: *Сад содержался в отличном порядке*. – Бак эн жакшы **тартипте** кармалчу. Слово *тартип* многозначно. Оно передает значение “порядок, распорядок, правило; повестка (дня); дисциплина, система” [Юдахин, 1965, с. 710].

2. Обычай, обыкновение. Ср.: *По старинному порядку, выдали ее замуж в 15 лет* (Л. Толстой. Идиллия). – Эски **тартип/салт/адат** боюнча аны он бешинде эрге беришкен эле; *У нас в степи такой порядок: кому ездить на коне, тому и обучать его, тому и садиться на него первому* (Кожевников. Живая вода). – Бизде талаада мындай *тартип/салт/адат* бар: ким ат мине турган болсо, өзү аны үйрөтөт, өзү биринчи болуп минет. Как видим, слово *порядок* в значении “обычай” имеет три равноправных эквивалента: его значения могут передавать слова *тартип*, *салт* и *адат*.

3. Образ жизни, уклад, распорядок, установленная норма. Это значение представлено в примерах: *старый порядок* – эски тартип, *новый порядок* – жаңы тартип, *строгий порядок* – катуу тартип; *охранять порядок, охрана порядка* – тартип/тартипти сактоо; *поддерживать порядок, поддерживание*

порядка – тартип/тартипти колдоо; *нарушить порядок, нарушение порядка* – тартип/ тартиптибузуу и т. д. Как видим, русский переходный инфинитив и соотносительное с ним отглагольное существительное отождествляются кыргызскими именами действия. При этом последнее допускает вариативность в употреблении прямообъектного наименования. Если оно именует определенный (известный, упомянутый, указанный, конкретный) объект, то употребляется в аккузативной форме, если же называет неопределенный (всякий, любой, абстрактный) объект, то используется в основной форме, т. е. в именительном падеже. Этот факт свидетельствует о том, что определенный объект и неопределенный объект кыргызского языка по-русски идентифицируются синонимическими объектными формами родительного и винительного падежей, т. е. два разных падежа русского языка выступают в качестве эквивалентов основного (при неопределенности объекта) и винительного (при определенности объекта) падежей. Определенность-неопределенность объекта в русском языке выражается не материально, а контекстуально, в кыргызском языке она является категориальным дифференциальным признаком глагольно-именных словосочетаний, состоящих из переходного глагола и существительного-объекта в им. и вин. падежах.

В русском языке слово *порядок* часто употребляется в форме множественного числа, которое, как нам кажется, вносит в содержание слова дополнительный смысл, оттеняя традиционность, социальную ограниченность и привычность отдельных правил поведения. Подобные примеры допускают вариативный перевод на кыргызский язык: *школьные порядки* – мектеп эрежелери, *армейские порядки* – аскердик эрежелер, *семейные порядки* – үй-бүлөлүк эрежелер и т.д. Слово *эрежелер* в этих примерах может быть заменено сложным словом *каада-салттар* или словом *тартиптер*: *мектеп-тик каада-салттар*, *аскердик каада-салттар*, *үй-бүлөлүк каада-салттар* / *мектептик тартиптер*, *аскердик тартиптер*, *үй-бүлөлүк тартиптер* и т.д.

Рассмотрим употребление словоформы *порядки* в более развернутом контексте – в составе простых предложений: 1. *У вас завели, я вижу, новые **порядки***. – Силерде жаңы эрежелерди / тартиптерди / каада-салттарды / жөрөлгөлөрдү кабыл алышканын көрдүм; 2. *В их доме царили довольно странные **порядки***. – Алардын үйүндө деги бир укмуш эрежелер / тартиптер / каада-салттар / жөрөлгөлөр окүм сүрчү. Как видим, кыргызский язык открывает широкую позицию для выбора того или иного члена синонимической парадигмы, русский же язык ставит говорящего перед необходимостью выбора одной из составляющих дихотомии *порядки – правила*.

4. Определенная последовательность расположения предметов, осуществления событий, действий; ход и направление процессов. В этом значении русскому слову *порядок* в кыргызском языке соответствуют слова *тартип, ирет, ыраат/ырааттуулук*. Ср. примеры: *алфавитный порядок* – алфавиттик тартип / ирет / ырааттуулук; *принятый порядок* – кабыл алынган тартип / ырааттуулук / ирет; *обратный порядок* – тетири тартип/ирет, тескери тартип/ирет; *нарушать порядок, нарушение порядка* – тартип/тартипти // ирет / иретти / ырааттуулукту бузуу; *изменить порядок, изменение порядка* – тартип/тартипти//ирет/иретти, ырааттуулукту өзгөртүү; *соблюдать порядок, соблюдение порядка* – тартип / тартипти // ирет/иретти, ырааттуулукту сактоо и т. д.; *расположить в определенном порядке, расположение в определенном порядке* – белгилүү тартипте / иретте / ырааттуулукта жайгаштыруу; *рассказать по порядку, рассказ по порядку* – тартиби / ирети / ырааттуулугу менен баяндоо // тартиби / ирети / боюнча баяндоо и т. д. Посмотрим употребление слово *ырааты* в развернутом контексте: *Лубенцов объяснил им **порядок** движения. Впереди идет немец,..... за ним Лубенцов и следом, гуськом, идут разведчики, а потом стрелки* (Казакович. Весна на Озере). – Лубенцов аларга жүрүү тартибин / иретин / ырааттуулугун түшүндүрүп берди. Алдында немис барат, артынан Лубенцов, андан соң ээрчишип чалгынчылар, кийин гана аткычтар жүрүшөт.

5. Система общественного устройства, строй. В этом значении слово *порядок* используется для называния системного характера и определенной организованности обозначаемых им социальных явлений. В данном случае его эквивалентом в кыргызском языке выступают *тартип*, *түзүлүш*. Ср.: *В ранней юности он жил при крепостных порядках, но уже носился слух, что их не будет* (Г. Успенский. Из записной книжки). – *Өтө жаш чагында ал крепостной тартиптеринин шартында жашоочу, бирок алар жоюлат деген кабар угулуп жаткан эле. Слово тартиптеринин (мн. ч.) может быть заменено словом түзүлүштүн (ед.ч.) без особого семантического ущерба. Словосочетания крепостное право, крепостное крестьянство отражают специфику социального строя России XIX века и не имеют эквивалентов в кыргызском языке. Кыргызское түзүлүш «устройство, строение, строй» в данном контексте употребляется только в форме единственного числа. Слова тартип и түзүлүш передают значение слова порядок и в следующей фразе: Страдания землепашца и батрака... обостряли ненависть к существующему порядку* (Гладков. Повесть о детстве). – *Сокочу менен чейрекердин азаптары... учурдагы тартипке / түзүлүшкө жек көрүүнү күчөттү. И здесь два кыргызских слова приобретают контекстуально обусловленную смысловую идентичность.*

6. Способ, метод или правила, по которым осуществляется, совершается действие, процесс. Ср. соответствия: *обычный порядок* – кадимки / демейдеги тартип / эреже, *привычный порядок* - көнүмүш тартип / эреже; *порядок голосования* – доош берүү тартиби / эрежеси, *порядок получения премии* – сыйлык алуунун тартиби / эрежеси; *утвердить порядок голосования, утверждение порядка голосования* – доош берүү тартибин / эрежесин бекитүү и т. д. Последний пример содержит только определенный объект, поэтому в нем использована только форма винительного падежа. Как видно, в данном контексте тоже кыргызские слова *тартип* и *эреже* выступают в качестве контекстуальных синонимов в пределах поля “обычай”, потому что

во всех примерах речь идет об устоявшихся, установленных и общепринятых правилах осуществления действий.

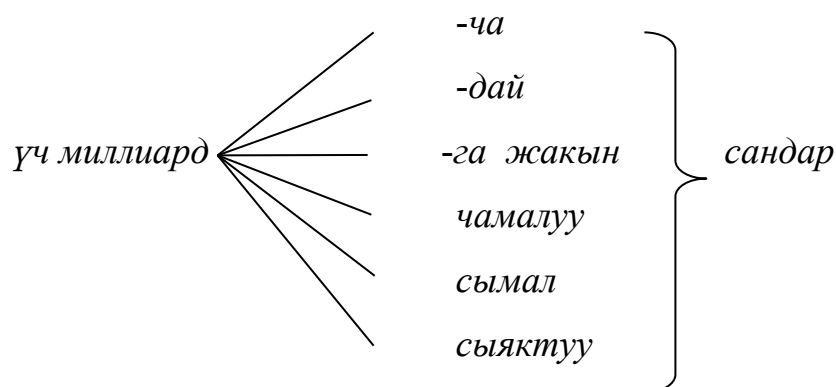
7. Средство, способ осуществления действий. Это значение ближе всего к предыдущему, но имеет свою специфику. Оно закреплено за формами творительного и предложного (с предлогом *в*) падежей с определением: *расположить фамилии в алфавитном **порядке*** – фамилияларды алфавиттик **тартипте** жайгаштыруу; *перевести сотрудников в другой отдел в приказном **порядке*** – кызматкерлерди башка бөлүмгө буйрук **тартибинде** өткөзүү / өткөрүү; *Этапным **порядком** гнали Кошевого Михаила из Вешенской на фронт* (Шолохов. Тихий Дом). – Михаил Кошевойду Вешенскаядан фронтко этаптык **тартип** менен жөнөтүштү; *Он упрямо комбинировал подключение проводов, стараясь опытным **порядком** достичь нужной последовательности* (Б. Полевой. Золото). – Ал тажрыйбалык **тартип менен** керектүү ырааттуулукка жетүүгө аракеттенип, зымдарды өжөрлүк менен туташтырып кошуп байланыштырып жатты.

Как видно, при переводе русского творительного беспредложного на кыргызский использовано сочетание “существительное *тартип* + послелог *менен*”, при переводе предложного падежа слово – *тартип* в местном падеже. Местный падеж имеет формы нейтрального (*тартипте*) и лично-посессивного (*тартибинде* с притяжательным интерфиксом III лица) склонений. Во всех случаях изучаемое слово имеет определение: *в алфавитном порядке* – **алфавиттик тартипте**, *в приказном порядке* – **буйрук тартибинде**, *этапным порядком* – **этаптык тартип менен**, *опытным порядком* – **тажрыйбалык тартип менен**. Само значение словосочетаний, следовательно, в той или иной степени связано с определением и жестко требует его наличия. Кажется, именно определение к слову **порядок** участвует в выражении значения «средство, способ осуществления действия», мотивируя вхождение определяемого слова в соответствующие фразы.

Некоторые значения слова *порядок*, возникшие в результате переносного употребления и со временем ставшие неотъемлемой частью его семантики, заметно отдалены от ФСП “обычай” и непосредственно не входят в сферу его содержания. Так, например, в ряде случаев лексема *порядок* приобретает значение “разряд, категория или область, к которым относится предмет или явление”. Сравнивая ее кыргызский эквивалент, мы убеждаемся в том, что и в этом языке происходит перенос: слово *тарттип* используется для передачи данного значения. Ср.: *явления одного порядка* - бир *тарттиптеги* кубулуштар; *сведения хозяйственного порядка* – чарбалык *тарттиптеги* маалыматтар: у А. П. Чехова читаем: *За пасьянсом мы решаем разные вопросы, преимущественно высшего порядка...* (Скучная история). – Пасьянс үстүндө биз түрдүү, көбүнчө жогорку *тарттиптеги* маселелерди чечебиз. Во всех примерах слово *порядок* имеет согласованное “определение”, вместе с которым выступает в роли несогласованного определения к другому существительному, образуя иерархию определений: *явления одного порядка, сведения хозяйственного порядка, вопросы высшего порядка*. Родительному падежу существительного *порядок* в этих словосочетаниях (двучленных, с точки зрения теории членов предложения и трехчленных, с точки зрения синтагматики лексем) в кыргызском языке соответствует форма на *-теги*, считающаяся некоторыми лингвистами вторым (определятельным) местным падежом [об этом см.: Зулпукаров К. 3. 1994, с.202, 248]. В этих примерах слово *порядок* по значению приближается со словом *тип*: Ср.: *вопросы высшего порядка / типа* – жогорку *тарттиптеги/типтеги* маселелер.

Иногда лексема *порядок* теряет вещественное субстантивное значение и приобретает регулятивную функцию, становясь производным предлогом, предлогом субстантивного происхождения [Грамматика. 1970, с.525]. В этом случае слово выражает значение “примерно, примерно равный, около” Ср: *числа порядка трех миллиардов* – уч миллиардча сандар. Кыргызское *-ча*

допускает замену суффиксом *-дай*, суффиксом *-га* с послелогом *жакын*, послелогоми *чамалуу*, *сымал*, *сыяктуу* и т. д.

Варьируемые единицы – эквиваленты русского существительного-предлога *порядка*. Выбор члена парадигмы зависит от языкового опыта, вкуса, стиля и других особенностей говорящего.

Слово *порядок* в предложно-падежных образованиях ведет себя двояко. Во многих случаях такие микроидиомы входят в сферу поля “обычай”. Например, сочетание *в порядке*, выполняя предикативную функцию, часто участвует в образовании эллиптических предложений в разговорной речи и передает значение “в исправном, надлежащем, благополучном положении; так, как следует, благополучно”. Ему в кыргызском языке соответствует словоформа *жайында* “в порядке, как всегда, как всегда на месте”: *Все в порядке*. - Баары жайында; *Документы в порядке*. – Документтер жайында.

А идиома *в порядке вещей* со своим значением “нормально, обычно” входит в состав предикативных и адвербиальных номинантов концепта-поля “обычай”. *Бывают минуты хорошие, бывают и горькие – это в порядке вещей* (Салтыков-Щедрин). – Жакшы минуталар болот, ачуусу да болот – бул **көнүмүш иш/демейдеги иш**, т.е. привычное, обычное, нормальное дело. В этом отношении показательна семантическая функция выражения для *порядка*, выражающего значения: 1) для соблюдения норм и правил в чем-либо: *Для порядка игры и счетов прошу вас поставить деньги на карту* (Пушкин. Пиковая дама). – Оюндун жана эсептин **эрежеси / салты / тартиби үчүн** акчаңарды картага коюуңарды суранам; 2) для соблюдения принятых обычаев, правил: *В аллейке, больше для порядка, чем для освещения, стояли*

три или четыре фонаря (Короленко. С двух stron). – Кичи аллеяда жарык берүү үчүн эмес, **салт / эреже / тартип үчүн** эки же үч чырак турчу. Кыргызский язык предлагает три контекстуальных синонима для передачи значения *порядок* в двух разных предложениях.

Оттенки ФСП “обычай” мы замечаем в семантике фразеологизма *призвать к порядку* “заставить кого-либо прекратить незаконные, неправильные действия, предложить кому-либо вести себя как положено, потребовать от кого-либо действовать как полагается, как нужно”. Ср.: – *Николай Петрович, я уважаю Сергея... Но по праву старших товарищей, мы обязаны **призвать к порядку** молодого, еще неопытного работника* (Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды). – Николай Петрович, Сергейди сыйлаймын... Бирок улуу жолдоштордун укугу боюнча биз жаш, али тажрыйбасыз кызматкерди **тартипке чакырууга** милдеттүүбүз. Семантика “обычай” в данной фразе усилена также наличием в ее первой части идиоматического предложно-падежного образования *по праву*, относящейся к сфере рассматриваемого ФСП. Выражение *призвать к порядку* встречается в официально-деловой речи.

Речевая формула *своим порядком* “как нужно, как полагается; тогда, когда будет нужно” тоже часто участвует в выражении общепринятых представлений в адвербиальной позиции. Ср.: *Все шло **своим порядком/чередом/чередой*** (устар.). – Баары өз **ирети/тартиби/кезеги** менен бара жаткан эле. Здесь мы можем говорить о взаимозаменяющей способности шести лексем – трех кыргызских и трех русских – в пределах поля «обычай».

Следовательно, к изучаемому ФСП имеет отношение и лексема *черед* (устар. вариант *череда*) как один из его экспонентов, которая употребляется в разговорном и просторечном дискурсе.

Слово *черед* используется для номинирования нескольких значений:

1. Определенный порядок в следовании действий и процессов; очередность, последовательность действий, явлений и событий. Это значение представлено в примерах: *Ели из одной миски, ели обрядно, неторопливо,*

чинно, соблюдая **черёд**, ели так, словно делали очень важное дело (Николаева. Жатва). – Бир кеседен тамактанып, каадасы менен, шашпай, токтоо, **кезек** сактап тамактанышчу, өтө зарыл иш кылып жаткандай тамактанышчу эле. В данном контексте слово *кезек* “черёд” допускает замену словом *тартип, катар* “порядок”.

2. Время, момент, в которые необходимо действовать кому-либо после кого-либо другого. Ср., например: *И увидел, понял Тёркин, Что вести его черёд. – Взвод! За Родину! Вперед!* (Твардовский). – Баштоо анын кезеги экенин Теркин көрүп түшүндү. – Взвод! Мекен үчүн! Алга! К данному случаю подходит только слово *кезек*, а не слова *тартип, катар* и др.

3. Группа людей, ожидающих чего-либо в порядке очередности и располагающихся один за другим; очередь. Ср., например: *Кто купаться хочет, становись в черёд!* – Ким кирингиси келсе, **кезекке** турсун!– Словоформа *кезекке* может быть заменена словоформой *катарга*. Слово *катар* тоже претендует на то, чтобы называться репрезентативом ФСП «обычай». В кыргызском языке есть пословица *Татар бар жерде – катар бар* «Где есть татар (татарин), там есть катар (черед, порядок)». Созвучие слов *татар* и *катар*, их функциональная идентичность в роли подлежащего, повтор предиката *бар* составляют художественное своеобразие изречения. В нем связующую функцию выполняет слово *жерде* «там, где». В пословице выражено убеждение одного этноса в приверженности другого этноса к дисциплине, к соблюдению правил общежития и поведения.

Сказанное о субстантивных экспонентах ФСП «обычай» и их производных свидетельствует о том, что для номинирования поля используются самые различные языковые средства – слова, словосочетания, фразеологизмы, предложения, пословицы и поговорки, термины и общеупотребительная лексика; литературные и нелитературные, разговорные и просторечные, исконные и заимствованные и другие единицы языка в различных функциях – коммуникативно-номинативных, прагматических,

эмоционально-оценочных, морально-этических, волюнтативно-регулятивных, синтаксических, когнитивно-познавательных и других.

Приведенные и проанализированные выше средства двух языков не отражают ядерные смыслы ФСП «обычай». Ядерными мы называем наиболее общие, гиперонимические, типичные, регулярно обозначаемые, часто встречающиеся, стилистически нейтральные, общеупотребительные значения, облеченные в ограниченное число частотных слов и словосочетаний. Ядерные значения можно называть еще центральными или ключевыми. Им противопоставлены периферийные значения, которые соответственно обладают свойствами конкретности, ограниченности, гипонимичности, нетипичности, нерегулярности, стилистической окрашенности (экспрессивности, просторечности и т. д.), меньшей частотности.

Некоторые из номинантов периферийных сем одной своей стороной проникает в сферу поля «обычай», а другой своей стороной участвует в материализации других полей.

3.5 Экспоненты ФСП «салт» в кыргызском языке с точки зрения русской ментальности

Номинанты обычая в данном разделе работы будут описаны по направлению «от кыргызского языка – к русскому». За основу анализа кладется фактический материал кыргызского языка. В параграфе определяется парадигма репрезентантов концепта «салт», ментальная семантика и синтагмообразующий потенциал ее составляющих.

Содержание раздела имеет и практическую направленность. Установленные нами кыргызско-русские соответствия экспонентов обычая могут быть использованы на занятиях по кыргызскому языку в русскоязычной аудитории, составителями учебных пособий по кыргызскому языку как неродному, переводчиками и составителями кыргызско-русских учебных словарей.

В данном параграфе решаются следующие конкретные задачи:

- 1) установление главного слова-репрезентанта, объективирующего изучаемый концепт-поле;
- 2) построение номинативно-семантического поля «салт», установление происхождения некоторых номинантов;
- 3) определение деривационного гнезда главного слова, обеспечивающего полноту представления кыргызского ФСП обычая;
- 4) выявление и описание фразеологизмов, номинирующих по-кыргызски ФСП;
- 5) характеристика наиболее употребительных и типичных словосочетаний и синтаксических конструкций с номинантами этого ФСП;
- 6) выделение и описание паремийных единиц кыргызского языка, содержащих информацию об обычаях и традициях этноса; выявление метафорических средств языка, участвующих в номинировании кыргызских национальных стереотипов;
- 7) анализ выражений из разговорного, фольклорного, литературно-художественного и публицистического дискурса в рамках ФСП «салт».

Состав номинативно-семантического поля «салт» в кыргызском языке обширен и включает в себя 1) слова *салт* «обычай», *традиция* «исторически сложившиеся и передаваемые от поколения в поколение обычаи, нормы и правила поведения, взгляды, вкусы и т.д., установившийся в обществе порядок, неписаный закон в поведении и в быту; обычай, обыкновение», *адат* «обычай, привычка, обыкновение, традиция», *каада* «обычай, правило, церемония», *эреже* «правило, установление обычного права», *жөрөлгө* «обычай, обыкновение, установление», *мурас* «наследство, наследие; перешедшие от прежних поколений к новым обычаи, традиции, мудрые мысли, установления, правила»; *өнөкөт* «привычка, обыкновение, повадка», *көн-* «привыкать» и др., *ырым* «вера в приметы, в предзнаменования»; 2) их производные: а) *каада-салт* «обычай, традиция» (в широком смысле), *салтанат* «торжественное мероприятие; торжество, слава, почет», *урп-адат* «совокупность народных обычаев и установлений», *ырым-жырым* «ритуал;

суеверие, предрассудки; всякого рода поверья в приметы и предзнаменования»; *шаан-шөкөт* «торжество, торжественное мероприятие; ритуал, церемония»; б) *салттуу* «обычный, традиционный», *адатта* «обычно, всегда, традиционно», *ырымчыл* «слепо верящий во всякие приметы и предзнаменования», *ырымда-* «верить в приметы, в предзнаменования; брать что-либо на счастье» и т.д., которые входят в сферу ФСП «салт» как лексические единицы или как элементы речевых формул, фразеологизмов, свободных словосочетаний и коммуникативных единиц (предложений, пословиц, поговорок и т.д.). Слово *салт* является ключевым номинантом соответствующего ФСП.

Приведем примеры, демонстрирующие значения, функции и употребления кыргызских номинантов поля «салт».

Семантика лексемы *салт* проявляется в целом ряде продуктивно используемых слов и фразеологизмов: *ата салты менен* – по обычаям предков (здесь кыргызский экспонент обычая имеет собирательное значение и употреблено в единственном числе, а русский эквивалент представляет объект расчлененно, поэтому оформлен в форме множественного числа), *улуттук салт* – национальный обычай, *салт иретинде/боюнча* – по обычаю, по традиции; *салтты бузууга болбойт* – нельзя нарушать обычай/традицию, *ата-бабабыздан калган салт* – обычай, оставленный предками (по отцовской линии), *ата салты* – дедовский обычай, старые порядки, старый/архаичный быт и т.д.

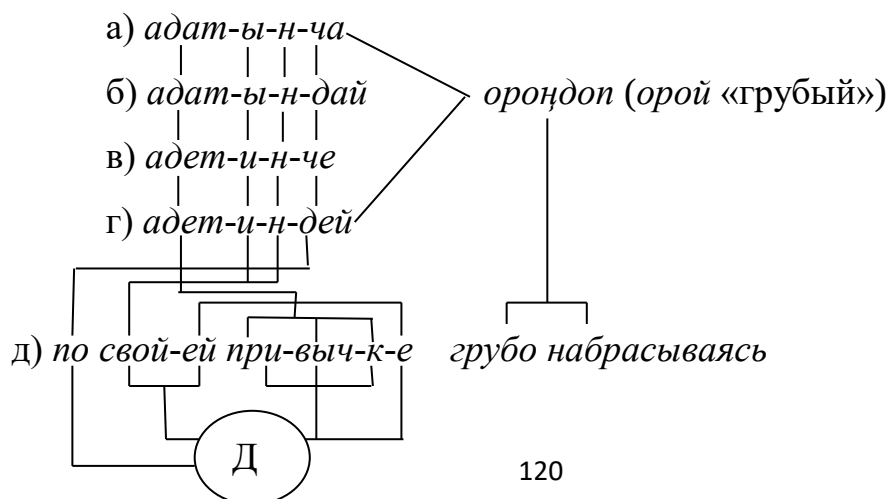
Иногда слово *салт* приобретает значения «смысл, правило, условие действия» [КТТС, II, с. 413], которые можно продемонстрировать примерами: *сөзүңүн салтын карагын* – следи за смыслом слова/речи; *Адашпай түшөр бекемин акындыктын салтына* (Токтогул). – Вступлю ли, не заблудившись/без заблуждений, в правила акына-импровизатора; *Оюн салты андай болбойт да?* (Сыдыкбеков). – Не так ведь бывает правило игры?; *Адашсаң мыйзам салтынан, Адамдар тартса азапты* (Байгазиев). –

Если нарушишь **правила** закона, если пострадают люди. В отрывке дважды указаны условия (условный аффикс *-са* и *-са*).

В следующем примере отражены изменения отношения людей к соблюдению старых установлений и привычек в обществе. *Байыркы салтын ташташып, Маданий жолго киришти* (Осмонкул). – Отбросив **старинные обычаи**, люди ступили на культурный путь. Поэтическое противопоставление старины новизне, дедовских обычаев новым коммунистическим идеалам и установкам, конечно, одобрялось и поддерживалось Советской властью. В содержании поэтических строк доминирует дух новой идеологии.

К сфере обычая относится и семантика лексемы *адат*. По данным К.К.Юдахина, слово *адат* имеет семитское происхождение и заимствовано из арабского языка [Юдахин, 1, с.22]. Слово *салт* и *адат* произносятся двояко, допуская вариативное употребление: *салт/салыт* и *адат/адет*. Вторые варианты встречаются реже первых. *Салыт* выражает значение «порядок, обычай, установление; (уст.) часть калыма, количество и качество которой не определено; то, что отец невесты требует сверх калыма от родных зятя, отправляя дочь к мужу (обычно требует коня)» [Юдахин, 2, с.131].

Лексема *адат* употребляется в прилагольных и присубстантивных контекстах, а также в сочетании с послелогоми: *адат боюнча* – по обычаю, *адат айдап* – следуя обычаю, соблюдая обычай, *ал адетте кем сүйлөйт* – он, как правило, мало говорит; он обычно много не говорит; ср. парасинтагматическое строение сочетания с компонентом *адат*:

Перед нами пятичленная парасинтагма, состоящая из четырех кыргызских и одного русского словосочетаний. Мы здесь используем термин парасинтагма, введенный в науку о языке М.И.Задорожным [Задорожный 1983, с. 28] и обозначающий совокупность семантически тождественных и/или дифференцируемых парадигматико-синтагматических единиц языка. В данной парасинтагме различаются продуктивные, активно используемые (а, б) и реже употребляемые (в, г) компоненты. В качестве носителя семы обычая использованы основы *адат-* (а, б), *адет-* (в, г) и *привычк-* (д). Кыргызские суффиксы, называемые признаками наречия (а, в) и прилагательного (б, г), синтагматически и парадигматически тождественны, синонимичны и соответствуют значениям предлога *по* и окончаниям дательного падежа *-ей* и *-е* (д) в русском словосочетании. В качестве организующих парасинтагму элементов выступают деепричастие в кыргызском языке (*ороңдон*) и его русский двучленный эквивалент (*грубо набрасываясь*), которые могли бы занять функции предиката утверждения, преобразуясь в спрягаемые формы.

Семитское слово *адат*, видимо, проникло в кыргызский язык через таджикский. В этом языке оно употребляется широко. Ср., например: *одат* «обычай», *урфу одат* – то же (кырг. *урп-адат*), *одатан/аз рӯи одат* «по обычаю», *одатан* «обычно», *оддӣ, одатӣ* «обыкновенный», *одатан* «обыкновенно, по обыкновению» и др. [РТС, с. 611]. В кыргызском языке лексема *адат* выражает аналогичные значения: 1) привычные для большинства людей обыкновение, обычай, традиция, правила поведения: *Омор байыртадан берки элдик адаттарды таштай элек* (Т.Сыдыкбеков). – Омор еще не бросил старинные народные **обычаи**; 2) привычки, навыки, установления: *Үйрөнгөн адат калабы, уйга жүгөн салабы* (посл.). – Разве усвоенные привычки исчезнут, разве наденут на корову уздечку. В пословице подчеркиваются мотивированность, значимость и постоянство общепринятых правил и установлений. Иногда под словом *адат*

подразумеваются индивидуально-личностные привычки людей: *Дайым сүйлөрүндө көзүн ачык-жумуп алма **адаты** бар* (К. Жантошев). – (У него) есть **привычка** зажимать-открывать глаза прежде чем говорить / (Он) имеет привычку зажимать-открывать глаза прежде чем говорить.

Иногда слово *адат* используется в целях антитезы, противопоставляя привычки и образ жизни разных категорий людей: *Мергендин **адаты** – ууга чыгыш, менин **адатым** – шыралга алыш* (Н. Байтемиров). – Привычка охотника – выходить на охоту, моя **привычка** – получать подарок из его добычи.

Производные слова *адат* сохраняют семы ФСП «салт», внося только незначительные смысловые оттенки: *адатта* (мест.п.) «по обычаю, согласно правилам, обычно, всегда», *адаттагы* (мест. атрибут.) и *адаттагыдай* (мест.атрибут. + -дай) «обычный, обыкновенный, привычный». Ср. примеры: 1) *Адатта жарыш жөнүндө аттын ээсинен да саякер көп ойлонот* (К.Каимов). – **Обычно** о состязаниях больше думает берейтор, чем хозяин коня. Существительному в местном падеже соответствует наречие: *адатта* – обычно, всегда; 2) *Каныбек жөнүндө сүрүштүрүп отурушкандары **адаттагы** кайдыгер сураштыруулардын бириндей сыяктанды* (К.Жантошев). – Расспросы о Каныбеке показались как один видов обычных равнодушных разборок. 3) *Умсунай байбиче болсо чалы менен уулунун **адаттагыдай** эмес, түшүнүгү ал үчүн оор сөздөрүнө анчалык каныга албай, кош көңүл болуп кала берди* (Сасыкбаев). – А байбиче Умсунай, не совсем удовлетворяясь **необычными**, трудными для понимания словами пожилого мужа и сына, осталась равнодушной (*байбиче* – название почитаемой пожилой женщины).

От существительного *адат* образуются и глагольные номинанты обычая: *адаттан-* «привыкать, становиться привычным» (*эрте турууга **адаттанып кетти*** – **привык** рано вставать), *адаттандыр-/адаттант-* «заставить привыкнуть» (*жакишы иштөөгө **адаттандыртык*** – мы заставили привыкнуть хорошо работать); *Үйрөнүп согуш сырын көзү каныгып, жана да*

адаттантты жашоо шарты (Ш.Абдыраманов). – Усвоив секреты войны, приобретая навыки, да еще заставили (его) привыкнуть условия жизни.

Как было сказано выше, к экспонентам ФСП «салт» относится слово *ырым* и его производные, которые участвуют в передаче традиционных правил и верований членов социума. Слово *ырым* многозначно и содержит, главным образом, сакральные, ирреальные смыслы «приметы; вера в приметы, в предзнаменования; поверья, суеверие». Продуктивно встречаются речевые формулы: *ырым үчүн* – на счастье (в уме), для почина (в торговле), *небересине ырым кылып энчиледи* – выделить (домашнее животное) внуку с пожеланием богатства/благополучия. Ср. также пословицы: *Ырысы жоктун ырымы күч.* – У незадачливого/несчастливого сильна вера в приметы [Юдахин, II, с. 439]; *Суунун ийрими жаман, карынын ырымы жаман* (посл.) – Опасен водоворот реки, опасно заклинание пожилого человека. Некоторые кыргызские антропонимы отражают суеверие. В случае невыживания предыдущих детей кыргызы нарекают их именами: *Токтобек* (токто «остановись» и бек «крепкий, прочный»), *Токтобүбү* (бүбү «шаманка») и т.д. В таком случае говорят: *ырым кылып атын Токтобек коюшкан* – по суеверию дали ему имя Токтобек.

Слово *ырым* имеет производные. От него образуются глагол (*ырымда-* «верить в приметы, в предзнаменования», *ырымдат-* «заставить верить в приметы»), прилагательное (*ырымдуу* «относящийся к примете»), существительное (*ырымдуу* «хранитель всяких примет и предзнаменований, верящих в них», *ырымчыл* «слепо верящий во всякие приметы и предзнаменования»), сложные слова:

1) *ырым-жырым* «всякого рода поверья, приметы; предрассудки»: *Салтыңар боюнча ырым-жырымын аткара берип, бүт чарбачылыгынан ажыраттыңар* (Убукеев). – Выполняя по вашему обычаю разные предрассудки, (вы) лишили его всего хозяйства. В данном утверждении *ырым-жырым* мыслится как негативный компонент понятия *салт* «обычай»;

2) *ырым-дарым* «соответствующий мифологическому и религиозному воззрению этноса» [КТТС, II, с. 829]: элдин **ырым-дарым** ырлары – народные песни, отражающие традиционные сокращенно-клерикальные убеждения этноса.

Теперь обратимся к этимологии некоторых кыргызских экспонентов ФСП обычай. Слово *ырым*, например, является межтюркским: алт., бар., баш., др.тюрк., каз., к.калп., ног., тат., тел., тув., тур.диал., тур. *ырым*, алт., койб., леб., саг., тат.диал., тел., шор. *рым*, узб., уйг., чаг. *ирим*, в.тюрк. (уйг.диал.) *ыром* со значениями:

1) «знак» (тур.диал.), «примета» (баш., уйг.), «предзнаменование» (алт., бар., тат.диал., тел., уйг.диал., чаг.), «худое предзнаменование» (каз.), «счастливое предзнаменование» (тат.диал.), «хорошее и дурное предзнаменование» (тат.диал., уйг.диал., чаг.), «вера в приметы, предзнаменования» (каз., к.калп., кырг., ног., узб., уйг.), «суеверие» (алт., бар., каз., к.калп., койб., ног., саг., тел., узб.), «гадание, гадательный» (алт., бар., др.тюрк., тат.диал., тел.), «пророчество» (алт., леб., саг., тел., шор.), «предсказание» (алт., бар., баш., койб., леб., саг., тел., шор.), «заклинание» (кырг.), «заклинание как лечебное средство» (тат.), «предчувствие» (алт., тув.);

2) «средство лечения» (баш.), «надежда, химера, пустая мечта» (по данным Х. Вамбери), «обычай, привычка» (тюрк.) [Севортян 1974, с.666].

Со словом *ырым* по происхождению связаны слова *ырык* и *ырыс/ырыз*. Их отличает только конечный согласный звук.

Трансформы слова *ырык* имеют место в языках: тур.диал. *ырык*, *ырк*, *ырг*, каз. *ырық*, в.тюрк., др.тюрк., кырг., ног., с.юг. *ырк*, с.юг. *ерық*, *ерқ*, *ерк*, в.тюрк. *ериг* со значениями:

1) «знак, примета» (в.тюрк., др.тюрк.), «предзнаменование» (в.тюрк., др.тюрк., с.юг.), «хорошее предзнаменование» (с.юг.), «предсказание» (др.тюрк., с.юг.), «пророчество» (др.тюрк.), «гадание, гадательный» (др.тюрк.), «будущее» (с.юг.), «оракул, прорицатель» (в.тюрк.);

2) «судьба, предначертание» (тур.диал.), «участь, жребий, воля» (каз.), «счастье, удача» (тур.диал.), «благоденствие, мирное существование, жизнь в согласии» (кырг.);

3) «желание, настроение» (ног.), «совет, совещание» (в.тюрк.) [Севортян 1974, с. 665].

Существительные *ырым, ырык, ырыс/ырыз*, вероятно, образованы от глагольной основы **ыр-* «предзнаменовать», что подтверждается многими примерами. Ср., например, турецкое диалектное *ыр-гын* «судьба, предначертание», *ыр-у* «знак, предзнаменование» (В.Банг, А. фон Габен, Б.Я. Владимирцов, Э.В. Севортян и др.), монг. *ыры-/ыру-* < *ырува* < **ырыва* – *ырува* «знак, знамение, предзнаменование», *ируу, ирва* «предзнаменование (обычно дурное), дурная примета, предчувствие». Эти примеры, вероятно, этимологически связаны с первой частью сложных слов: кырг. *урп-адат* «совокупность народных обычаев и установлений», тадж. *урфу одав* «обычай», которая считается семитской по происхождению [Юдахин 2, с. 325]. В данном случае мы можем утверждать и о евразийском характере корня (монг. *ируу, ирва*, тадж. *урфу*, кырг. *урп* и т.д.).

В тюркских языках широко представлено и другое производное глагола **ыр-* «предзнаменовать» с суффиксом *-ыс*: алт., бал., бар., баш., каз., к.калп., куманд., куман., кырг., ног., тел., шор., хак. *ырыс*, алт., каз., кач., койб., коман., леб., саг., тел. *рыс*, кум. *ирыс*, баш.диал. *ырых*, каз. *ырыз*, тат.диал., чаг. *урас*, в.тюрк. *эриз, эрэз, эрэч* со значениями:

1) «примета, предзнаменование, предрассудок» (балк.), «счастливое предзнаменование» (тат.диал., чаг.);

2) «доля» (каз., к.калп., кырг., ног., тат.), «счастливая доля» (баш.диал.);

3) «счастье» (алт., баш., к.калп., кум., кырг., ног., хак.), «богатство» (тат.), «добро, богатство» (кум., кырг., тат.), «успех» (алт., хак.) и т.д. [Севортян 1974, с.666-667].

Из вышеприведенного сравнительного материала можно сформулировать несколько общих выводов.

1. Название одного из микрополей обычая в кыргызском языке образовано от гипотетического глагола **ыр-* «предзнаменовать»: *ырым* «вера в приметы, в предзнаменования».

2. Слово *ырым* этимологически соотносительно со словами *ырк* «благоденствие, жизнь в согласии; мирное сосуществование; порядок» и *ырыс* «счастье, доля; добро, богатство».

3. Слова *ырым*, *ырымда-* содержат сакрально-ирреальные семы.

Ключевое слово кыргызского ФСП обычая тоже может быть рассмотрено в контексте лингвогенетики. По-видимому, слово *салт* «обычай» образовано от глагола *сал-* с обширным составом значений: 1) «класть, помещать внутрь чего-либо»; 2) «стлать, расстилать»; 3) «скинуть, аборттировать» (о самках животных); 4) «строить, сооружать»; 5) «подпускать детеныша к матке (чтобы сосал)»; 6) «оставлять как будущего производителя (самцов некоторых животных)»; 7) «двинуться, направляться»; 8) «запрягать, впрягать»; 9) «уродиться»; 10) «предопределять, предназначать, судить в удел» (*кудайдын салганы* «так богом суждено», *жасаган салса* «если суждено/предопределено создателем»); 11) «ставить, представлять на» (*чогулушка сал* «ставь на разрешение собрания»); 12) «полагаться на что-либо, пустить в ход» (*көптүгүнө салып* «полагаясь на свою численность»); 13) «производить резкое, сильное движение; хватить, двинуть (сильно ударить)»; 14) «заставить или поручить что-либо делать» (*жумушка салды* «заставил работать»), *киши салып* «посылая людей для переговоров, сватовства, примирения» и др., некоторые из этих значений имеют очевидный потенциал участвовать в выражении обычных и привычных действий [Юдахин 2, с. 125-126]. Ср. примеры: *куш салуу* «пускать ловчую птицу, охотиться с ловчей птицей (но не с беркутом)», *добушка салуу* «ставить на голосование», *базарга салуу* «поставлять на рынок» и др.. в которых представлены семы, которые в сочетании с суффиксом *-т/-ыт* вполне могли, преобразуясь, стать номинантом обычая в кыргызском языке

(*салт/салыт*), а в сочетании с суффиксом *-ык* – названием подати, налога, вклада, общественных поборов (*салык*).

Среди производных слова *салт* особое место занимает сложное слово *салтанат* «торжество, слава, почет, пышность», относящееся к сфере обычая. Оно образовано путем прибавления к корню форманта *-анат*, который, вероятно, этимологически связан с межъязыковыми словами *ант* «клятва» и *анда* «побратим». Ср. например: аз., тур.диал. *анд*, баш., балк., др.-тюрк., каз., кар.к., к.калп., кр.тат., кум., кырг., тат., тур., турк., уйг. *ант*, узб. *онт*, уйг. диал. *ан/ааң* (с выпадением конечного *-т*) со значениями «клятва» почти во всех языках, «обет» (ног., тур., уйг.диал.) и «зарок» (ног.). Слово *ант* часто сочетается с глаголами *ич-* и *ет-*: *ант ич-/ант ет-* «дать клятву» [Севортян 1974, с. 151].

Корень *ант-/анд-* встречается в других алтайских языках – монгольских и тунгусо-маньчжурских. Ср. монг. *andarar* «клятва» (Н. Поппе) и *anda* «побратим, побратимство». Понятно, что побратимство связано с процедурами присяги, договора и обещания не делать определенные действия.

Сначала более подробно рассмотрим факты тунгусо-маньчжурских языков: маньч. *анда* «друг», *анда жафа-* «принимать в друзья, заключать дружбу с клятвой», *антаха-* «гость, иностранец; торговец», *антахара-* «притворяться скромным как гость; выискивать предлог, затруднение»; нан., нег., орок., ороц. *анда* «друг», уд. *анда* «друг, подруга; любовник, любовница; (перен.) кабарга», эвенк. *анда* «друг, знакомый, попутчик; торговец, (перен.) соболь», *андага-* «клясться (в дружбе), подойти; приблизиться», *андама̄вун* «обмен, покупка, продажа», *андат* «дающий в долг, богач» и др. [Цинциус, I, с. 42-43].

Эти примеры сравниваются с монгольскими: п.монг. *анда* «друг, товарищ, побратим», *андагай/андагар* «клятва, присяга», монг. *анд* «друг, товарищ, приятель, любимец, побратим», *андгай* «клятва», бур. *онда* «близкий друг, побратим, товарищ (из другого племени)», *анда-манда*

«сваты», *андалда*- «обмениваться», *андалда(н)* «обменный (бескалымный) брак» (уст.зап.) [Цинциус, I, с. 43].

Вышеприведенный фактический материал позволяет восстановить праформу в виде **and* «побратим, побратимство», которая в процессе смысловой дивергенции получила различные семы: «друг, товарищ, соратник, попутчик, сторонник...», «обмен, покупка, продажа, сотрудничество, дружба, сватовство...», «договор, клятва, обет, зарок, обещание не делать чего-либо...». Вполне можно предположить, что присоединение к названию обычая слова *анд/ант* «клятва о дружбе и верности» привело к образованию сложного слова *салтанат* «торжество; слава, почет; блеск, пышность». По всей вероятности, в древности присяги на верность и побратимство принимались прилюдно, торжественно, с участием сторонников договаривающихся семей, кланов и племен. Появление звука *о* между звуками *н* и *д/т* объясняется действием эпентезы. А в женском антропониме *Санталат*, видимо, произошла дистантная метатеза – перестановка звуков *л* и *н*, что тоже является распространенным фонетическим процессом. Ср. аналогию:

кырг. <i>са-л-та-н-ат</i>	греч. <i>ф-ор-м-а</i>
	
кырг. <i>Са-н-та-л-ат</i>	греч. <i>м-ор-ф-а</i>

В антропониме сема обычая представлена имплицитно, неявно, но еще не потеряла ассоциативную связь с первоисточником.

Алтайский корень **ант-анд* напоминает индоевропейские **ant-* «передняя сторона; лоб; против», **anti-* «вблизи, напротив»: др.инд. *anti* «близ, вблизи, напротив; перед этим», греч. *anti*, др.инд. *anta-* «край, кайма, граница, конец, предел (противовес середине)», вед. *anta-* «близость, присутствие» (хор. *'ndr(y)nk* «промежуток, граница, преграда», пушт.зап. *bāndi*, вост. *bānde* «на (поверхности)»). В последних двух примерах имеется протетический звук [Расторгуева, 2000, с. 173-174]. Рус. *андрус* «приятель, брат» (в воровском жаргоне), польск. *andrus* «вор», греч. *andras* [Фасмер I, с.

78] могут быть с некоторой долей вероятности сближены этимологически с данными выше фактами, поскольку воровство тоже основывается на договоре, соглашении и присяге. Французское *entente* «согласие, соглашение» и собственное название *Антанта* «союз западных держав и России в первой мировой войне» тоже примыкают к данной лексико-семантической группе слов [Фасмер I, с. 79].

Вполне вероятно, что к данному корню имеет отношение общеиндоевропейское глагольное окончание **enti/-onti* «они», являясь показателем III лица множественного числа. Ср. санскр. *bhara-mi* «несу» - *bhara-nti* «несут», *vahā-mi* «еду» - *vahā-nti* «едут» [Мейе, с. 241-243], где суффикс III лица выражает совместно действующие субъекты. Суффикс субъекта *-ant* (лат. *aktus* «действие» - *aktant* «действующий субъект, субъект действия», фр. *doctor* «учитель, преподаватель» - рус. *доктор* «врач» - рус. *докторант* «ученый, прикрепленный к научному учреждению для подготовки докторской диссертации»), то же, по-видимому, имеет отделенную этимологическую связь с глагольным суффиксом со значением субъекта действия.

По предположению Х. Карасаева, слово *салтанат* появилось в нашем языке под влиянием семитской лингвокультуры [Карасаев 1982, с. 343]. В любом случае слова *санталат* и *салтанат*, на наш взгляд, являются однокорневыми и имеют идентичное происхождение.

Слово *салтанат* обозначает порядок, правила проведения различных общественных, политико-идеологических, культурно-ценностных, религиозных и других мероприятий и относится к активно используемым номинантам когнитивно-семантического поля «обычай». *Майрамдык салтанат* - праздничное торжество, юбилейлик *салтанат* - юбилейное торжество, *жаңы жыл тосуу салтанаты* - торжество встречи нового года; ср. пословицу, в которой слово *салтанат* приобрело значение «слава, почет; то, чем можно гордиться»: *Жаздыктан өлгөн - жаман ат, жоодон өлгөн - салтанат*. - Кто умер от подушки - позор, кто умер от врага - слава

(Ибрагимов, с. 214). Слово встречается и в поэтическом дискурсе: *Жеңиш күнгө салтанат! Жеңгендерге салтанат!* (А.Осмонов). – Слава Дню победы! Слава победителям!

С помощью этого слова иногда подчеркивается значимость, полезность привычных действий людей: *Салганың тайган, куш эле, Салтанатың ушу эле* (Казыбек). – Охотился ты с борзыми и ловчими птицами, это было твоим славным обыкновением.

Слово *салтанат* имеет и другие значения: 1) «общепринятые торжественные правила, порядки»: *Бизди салтанат менен / салтанаттуу тосуп алышты.* – Нас встретили торжественно / с соблюдением правил торжества; 2) «порядок»: *Сары казы, кыйма жсал, Салтанатын карап ал* (Манас). – Бери соблюдая **порядок/обычай** желтую колбасу (колбасу из брюшного и реберного конского жира) и нарезанный ломтиками надгривный жир. Как видим, названия сугубо кыргызских кулинарных изделий не переводятся на русский язык и передаются описательно: *казы* - это брюшной и реберный конский жир в колбасе, а *жсал* – надгривный жир, являющийся деликатесом кыргызской кухни, а *кыйма жсал* «тонко нарезанные ломтики надгривного жира». Они подаются гостям вместе, которые берут их в определенной последовательности.

Лексема *салтанат* именует также большие торжества, организованные во славу власть имущих в больших масштабах: *Кернайлардын, дабылдардын тынымсыз дүңгүрөшү, кан көксөгөн салтанаттын муздак сүрү жүрөк үшүттү* (Т. Касымбеков). – Бесконечные шумы зурн и барабанов, холодное величие желаемого ханом *торжества* пугали людей.

Имеются и адъективные, процессуальные производные слова *салтанат*: *салтанаттуу* – торжественный, славный, почетный (*майрамга карата салтанаттуу жыйналыш* – торжественное собрание, посвященное празднику, *салтанаттуу жолугушуу* – торжественная встреча, *салтанаттуу конок* – почетный гость и др.), *салтанатта-* – торжествовать, праздновать, делать что-либо торжественным, проводить что-либо по

обычаю торжеств, по правилам почета, почитания (*ноорузду салтанаттап өткөздүк* – (мы) провели навруз торжественно, юбилейди *салтанаттоо улантылып жатат* – торжествование/празднование юбилея продолжается и др.).

Как видно из вышеизложенного, лексема *салтанат* является сложным словом с достаточной семантической и формальной мотивацией для включения в парадигму экспонентов поля «обычай». Его вторая часть имеет общеалтайское и, видимо, ностратическое происхождение.

К номинантам поля «обычай» вполне относится часть семантики слова *шаани*, используемого в речи для передачи значений «торжество, слава, красота, роскошь, одухотворение, обычай, способ, мотив и основание чего-либо», *шаан-шөкөт* «торжество, ритуал, церемония, порядок, обычай». Корень *шаан-/шаң*, возможно, имеет китайское происхождение. В китайском языке слово *shàn* многозначно и содержит 1) процессуальные («уметь, хорошо владеть, считать хорошим, одобрять, хвалить, превозносить, славословить; высоко ценить, щадить, беречь, бережно расходовать»), 2) субстантивные («добро, добродетель, доброе начало, добропорядочный человек, удача, фортуна»), 3) адъективные («хороший, прекрасный, благой, добрый, превосходный, наилучший; добросердечный, дружественный, дружеский; умелый, искусный, благоприятный, счастливый»), 4) адвербиальные («хорошо, превосходно, получше, наилучшим образом, от души, дружески; счастливо, удачно») значения [Введ., с.191]. Из этой многокомпонентной семантической парадигмы в кыргызской ментально-языковой картине мира отражены и усвоены только некоторые: *шаанилүү кара аш* «пышные, богатые поминки с соблюдением всех церемоний», *шаанилүү адам* «добропорядочный человек, знаток ритуалов и обычаев этноса»; ср. также предложения: *Купуяны төркүндөрү күйөөгө бергенде чоң шаан-шөкөттөр менен узатты* (А.Токомбаев). - Когда выдавали замуж Купую, ее родня проважала с большой **церемонией**. *Тигине, кагылайын, өкүрүп кой, өлүк шаанисин кылып кой, кагылайын!* (Т.Касымбеков). – Вот,

милый мой, причитай, соблюдая погребальную церемонию, милый мой. *Ордонуп шаан-нокөтүн, зыяпатын көрүп, көп журт кайтты* (Т.Касымбеков). – Увидев церемонии и угощения столицы, много народу вернулось. Таким образом, слово *шаани* и его производные семантически связаны со словом *салтанат* и входит вместе с ним в семантическое поле обычая.

Слово *каада* «обычай, правило, церемония» имеет арабское происхождение [Юдахин I, с. 308]. Оно продуктивно употребляется в речи. От него образованы 1) адъективные слова: *каадалуу* «знающий и соблюдающий правила обхождения и обращения с людьми, старые обычаи и порядки», *кааадасыз* «без соблюдения старых обычаев и церемоний»; 2) процессуальные слова: *каадала-* «почтить согласно обычаям», *каадалан-* «вести себя церемонно, важничать».

В некоторых примерах содержится когнитема «**Старые люди знают и соблюдают обычаи**»: *Каада билген карысы, Ак сакалдуу баарысы* («Манас»). – Знающие **обычаи** старики – все (они) белобородые. *Кары билет каадааны, карчыга сонону* (посл.). – Старик знает **обычаи старины**, а ястреб – утку [Юдахин I, с. 354]. В переводе нарушен параллелизм частей пословицы, но может быть восстановлен путем ввода сказуемого *знает* во вторую часть русской фразы.

Слово *каада* иногда передает значение «привычка». *Кара ниет адамдын Каадасы калбайт карганча* (Токтогул). – У нечестного человека **привычки** сохраняются до старости; *Гулнар каадасындай ага эркелей кеткиси бар* (Т.Сыдыкбеков). – Гулнар **по привычке/как всегда/как прежде** хочет ласкаться к нему. В следующем предложении рассматриваемое слово передает значение «соблюдение правил почитания и восхваления»: *Каада менен жөнөттү, Урматтап калкы Жамбылды* (Осмонкул). – Провожал Жамбыла его народ с **почестью и уважением**.

Фразеологизм *каада чайкап* «нарушив обычай» встречаем в эпосе «Сейтек»: *Кыз кезинде бул Чүрөк, Каада чайкап эл бузган.* – В девичестве эта Чурек, нарушив **обычай**, внесла в народ разлад.

Глагол *каадала*- «соблюдать обычай, выражать почести, оказывать знаки уважения» тоже относится к сфере концепта «обычай», но представляет его в форме скрипта – череды действий: *Кан Көкөтай чоң ашын Каадалап барып көрөм деп* («Манас»). – Грандиозные поминки хана Кокотая посещу со **всеми знаками почести**. Данный глагол употребляется и в форме возвратного залога, передавая семы соблюдения обычая: *Тазасынып өзүнчө, Каадаланган кожо экен* (Тоголок Молдо). – Показываясь по-своему чистоплотным, **церемонившимся** был ходжа. Здесь *ходжа* имеет значение «представитель «святого» сословия, потомок первых халифов, совмещавших духовную и светскую власть на Востоке».

Несоблюдение обычаев и установлений обозначается словом *каадасыз* в пословице: *Кыз калыңсыз болсо да, каадасыз болбойт* (Ибрагимов, с.408). – Девушка бывает без калыма, но не бывает **без церемонии**. Слово *кыз* можно было бы перевести и словом *невеста*, поскольку в пословице речь идет о церемониях свадьбы.

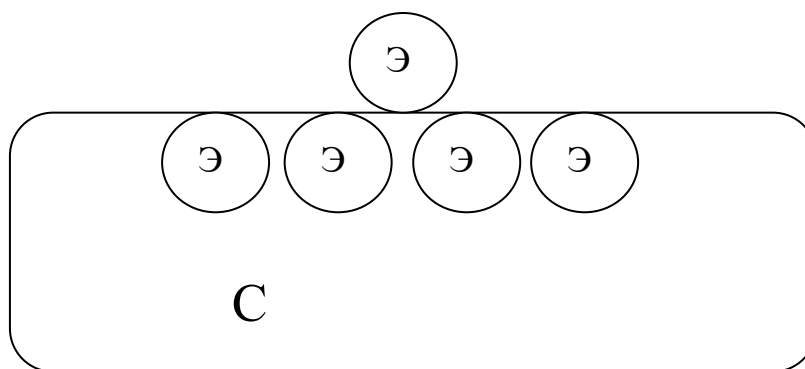
В сфере поля «обычай» занимает место и слово *эреже*, которое, по мнению К.К.Юдахина, имеет иранское происхождение [Юдахин I, с. 441] и выражает значение «правило». В таджикском языке отсутствует подобная лексема [РТС, с. 823]. Поэтому мы сомневаемся в иранском происхождении. Оно обладает понятийным содержанием: 1) «положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений»: *арифметиканын эрежелери* – правила арифметики, *грамматикалык эрежелер* – грамматические **правила**; 2) «положение. установка, принцип, служащие руководством в чем-либо»: *нравалык эрежелер* – нравственные правила, *конок тосуу эрежелери* – правила гостеприимства; в следующем предложении слово *эреже* имеет значения «положение, принцип»: *Зороастризмдин башкы эрежеси* – *жарык менен*

түндүн, жакшы менен жамандын, парасат менен зулумдуктун эч качан алакага келбеген өз ара күрөшү (Г.К. Рысбаева). – Главное **правило** зороастризма – это никогда несовместимое противоборство света и ночи, добра и зла, гуманизма и насилия; 3) «собрание, свод каких-либо положений, установок, определяющих порядок чего-либо»: *көчөдө жүрүү эрежелерин сактоо* – соблюдать **правила** уличного движения, *ички тартиптин эрежелери* – правила внутреннего распорядка; 4) «норма поведения, принятый кем-либо образ мыслей, действий; обыкновение, привычка»: *Мен айлыгымдын үчтөн бирин китепке сарптоо эрежесин тутунам.* – Я придерживаюсь **правила** тратить треть зарплаты на книги. Все четыре значения слова обобщаются семой «установленные в обществе и личной жизни положения и установки».

По нашему предположению, слово *эреже* «правило» является общеславянским. Оно очень напоминает слова: др.-прус. *reisan* «раз», латыш. *reiza* «ряд, порядок, строй», др.-в.нем. *rīda* «ряд», лат. *regō* «править», *regimut* «управление, правление» (корень *прав-*), лат. *rēgula* «планка, линейка, мерка; правило» [Фасмер III, с. 457-458, 460]. Французское *regime* «режим» на русской почве получило звучание *режим*, ср. также. фр. *regisseur* > рус. *режиссер*. Русское *режим*, заимствуясь кыргызским языком, приобрело форму *эреже*. Такое трансформирование закономерно и не противоречит законам фонетики: в кыргызском языке замечается 1) апокопа – выпадение конечного *-м*; 2) протеза – надставка к началу слова звука *э-* (в кыргызском языке в абсолютном начале слова звук *р* почти не употребляется), который получил такое звучание под влиянием звука *е* в корне слова – это регрессивная ассимиляция; 3) переход конечного *-и* в *-е* под влиянием корневого гласного – пример прогрессивной ассимиляции. В качестве неполной аналогии можно привести пример: *орус* < *русский*, где тоже происходит апокопа (выпадает *-ский*), в начале трансформы появляется протеза – губной гласный по требованию губного гласного в корне слова.

В кыргызском языке *эреже* имеет и предметное (вещественное) значение «шнур, при помощи которого плотники и столяры намечают линию обреза» [Юдахин I, с. 461], что свидетельствует о том, что оно этимологически соотносительно с латинским словом *rēgula* «планка, линейка, мерка; правило». Это значение слова отличается от отмеченных выше четырех отвлеченных значений (1, 2, 3, 4), которые входят в сферу ФСП обычая в качестве компонентов. Слова *эреже* и *салт* находятся между собой в гипонимо-гиперонимических отношениях. Семантику лексемы *эреже* относительно семантики лексемы *салт* можно представить в виде схемы. См. схему 3.6.

Схема 3.6.

Принятые сокращения: С – салт, Э1 – эреже 1, Э2 – эреже 2, Э3 – эреже 3, Э4 – эреже 4, Э5 – эреже 5. Э5 выходит за пределы рассматриваемого поля, но не удаляется от него.

Кыргызскому слову *эреже* соответствуют сходные лексемы в других языках. Например, в узбекском языке лексема *режа* передат значения: 1) шнур, веревка, линейка (служащие для разметки), правило (у мастеров-штукатуров, плотников и т.п.); 2) план, наметка; 3) порядок, правило [УРС, с. 342]. Оно также возводимо к русскому слову *режим*, в нем отсутствует протетический гласный и ассимиляция, в отличие от кыргызского соответствия.

К сфере ФСП обычая относятся производные от глагольных основ *көн-*, *дасы-* и именных основ *маш* и *так*.

1. *Көн-*. «соглашаться; привыкать», *көнүгүү* «упражнение, тренировка», *көнүк* «привычка, навык», *көнүк-* «привыкать», «көнүк», «навык», *көнүм*

«привычка, навык», *көнүмүш* «привычка, привычный», *көндүм* «привычный, затяжной; привычка, навык». В следующих примерах обозначаются обычные, привычные свойства, действия и процессы: *көндүм оору* «затяжная/ хроническая болезнь», *эски көнүмүш* «старая привычка», *ишке көнүмү жок* «у него/нее нет привычки/склонности к труду»; *Кулакка көндүм болуп калган коңгуроо кагылып, кечки тамакка чакырды* (Ашубаев). – Прозвенел звонок, ставший **привычным** для слуха, и пригласил к ужину; *Мени өзүм көнгөн эле жумушка койгонуңар орундуу* (Байтемиров). – Правильно будет назначение меня на работу, к которой я сам **привык**.

2. Глагол *дасы-* «приобрести навык, сноровку» [Юдахин 1, с. 187], *дасыбаган* «неопытный, неискушенный», *дасыган жорго* «наезженный, несбивающийся иноходец», *дасыккан спортсмен* «натренированный спортсмен», *дасуу/дасыгуу* «упражняться, тренироваться»; *Ал өз ишине дасыгып калды*. – Он хорошо **привык** к своей работе.

Прокурор да турмушта көптү көрүп дасыккан (Сыдыкбеков). – И прокурор многое видел в жизни, **очень опытен**.

Жыйналыштарда көп сүйлөп дасыгып калган эмессиңби (Бейшеналиев). – Ты ведь приобрел **навыки**, выступая часто на собраниях. Эти примеры относят производные глагольной основы *дасы-* к лексической группировке ФСП «салт».

3. Арабское слово *машқ* «упражнение, тренировка» [УТАФСЛ, с. 164], подвергаясь апокопе, лишаясь конечного согласного, перешло в кыргызский язык в виде *маш*, сохранив первичные значения: *маш кыл* - «упражняться, тренироваться»; *Оймоктуу катын ишке маш* (посл.) [Койчуманов, с.311]. – Женщина с паперстком – **мастер** своего дела, т.е. имеет навыки работать. Неумелые люди не имеют орудия труда. Ср. также дериваты корня: *машык-* «упражняться, приобретать навыки, наловчиться», *машыккан* «опытный, квалифицированный, натренированный», *колу ишке машыккан* «руки его привычны к работе», «*Маш ботой*» (название очень популярной мелодии на комузе, автором и виртуозным исполнителем которой является А.Огомбаев).

4. От слова *так* «точный/точно, четкий/четко, аккуратный/аккуратно» образован глагол *такшал-* «получать навык, наловчиться, напрактиковаться; окрепнуть; держаться на одной ноте (о голосе)», который входит в состав лексико-семантической группы ФСП «салт». Ср., например: *Комузду күүлөп бүтүп, Майлыбайдын күүсүн так-так кайрып чертти* (Бөкөнбаев). – Настроив комуз, **точь-в-точь** сыграл мелодию Малдыбая. Опыт человека, приобретенные им навыки передаются в семантике слов *так-так* и *точь-в-точь*, которые с некоторой долей вероятности можно считать однокорневыми. Слово *так* заимствовано из иранских языков [Юдахин 2, с. 192] и этимологически связано со словами *точка, точно, тыкать, ткнуть* [Фасмер IV, с. 90]. Ср. тадж. *тарозуи даких* «точные весы», где обнаруживаем соответствие корней *дак-* = *точ-*, легко возводимых к одному протокорню.

Глагол *такшал-* образован от корня *так* «точно/точный» и является процессуальным репрезентативом обычая. Он часто встречается в художественном и разговорном дискурсах, синонимичен с глагольными образованиями *машыгуу, маш болуу, дасыгуу, жакшы өздөштүрүү/үйрөнүү*:

1. *Ошентип, биздин кишилердин катарында мен да эмгекте такшалдым* (Сыдыкбеков). – Таким образом, в ряду наших людей я тоже **напрактиковался/приобрел навыки** в труде.

2. *Таалайы – жонундагы келте бараң, Такшалып көптү билген, көптү көргөн* (Бөкөнбаев). – Богатство (его) – короткий халат на спине, **закаляясь**, многое узнал, многое увидел.

ФСП «салт» включает в себя сферу значения единиц словообразовательного гнезда: *көн-* «соглашаться, привыкать», *көнүү* – то же (имя действия с потенциалом употребляться в субстантивной функции), *көнүк/көнүм* «привычка, усвоенная норма поведения, привычное действие», *көнүгүү* «упражнение/упражняться, тренировка/тренироваться, привычка/привыкать», *көнүмүш* «привычный, хорошо усвоенный». Приведем примеры.

А. *Шаарда жашоого **көнүп** калдым.* – Я **привык/ла** жить в городе; *Якутиянын шартына **көнүгүү** өтө кыйын болду.* – **Привыкнуть** к условиям Якутии было очень тяжело. *Үкүрүк салбас азоолор Жүгөндөп минсек **көнүгөт*** (Токтогул). – Неуловленные укрюком необъезженные (кони) **привыкают**, если сесть (на них), надев узду. Здесь *укрук* – жердь с арханом на конце для поимки пасущихся лошадей. Значения «конь, лошадь» заключены в семантике слова *азоолор*, где *азоо* «необъезженный конь/лошадь», *-лор* – аффикс множественного числа.

Б. *Чийнеге салар көлүк жок, Мурунтан мындай **көнүк** жок* (Тоголок Молдо). – Нет рабочего скота, которым бы запрягали чийне, издавна нет такой **привычки**. Здесь речь идет о трудностях в аилах, возникших в результате коллективизации хозяйства и передачи скота колхозам. Слово *көлүк* имеет значение «рабочий скот», слово *чийне* – «волокуша; примитивные сани, состоящие из двух параллельно идущих жердей и поперечных перекладин, и имеющие форму треугольника».

Другой пример: *Оокаттын жайын билбеген, Орунсуз көнгөн **көнүк** бар* (Тоголок Молдо). – Есть **привычка**, не знающая условий зажиточной жизни и приобретенная без оснований. Дублирование корней в словосочетании *көнгөн көнүк* переведено сочетанием *приобретенная привычка*.

В. Слово *көнүмүш* носит адъективный характер: *Данияр үчүн бул **көнүмүш** иш* (Айтматов). – Для Данияра это **привычная** работа; *Ыскак окуудагы **көнүмүш** жалкоолугун иште да карматты* (Таштемиров). – Ыскак и на работе допустил свою **привычную** леность на учебе.

Как видим, глагольный корень *көн-* в сфере ФСП обычая используется в процессуальных, субстантивных и определительных функциях. Нами не замечен адвербиальный дериват этого корня.

В сфере ФСП обычая определенное место занимает семантика слова *өнөкөт* «привычка, обыкновение, повадка; хронический», которое образовано от существительного *өнөк* «партнер в игре; черед, очередь (в играх), компания; сторонник; имеющий с кем-либо одинаковые стремления,

цели и интересы» и имеет прямое отношение к исследуемому семантическому полю. Ср.примеры: **өнөкөт** оору – хроническая болезнь, **өнөкөт** болуп калды – стало привычкой; *Ар киши бир мүнөздү өнөкөт кылып алат го* (Сыдыкбеков). – Каждый человек ведь сделает какой-нибудь характер своей **привычкой**; *Көңүл чөксө, көлөкөңдөй ээрчиме, Бул өнөкөт, бул алсыздык каяктан?* (Сыдыкбеков). – Если расстроиться, откуда эта **привычка**, эта слабость, следующая за тобой как тень? В обоих случаях слово **өнөкөт** называет привычку, обыкновение.

От слова **өнөкөт** образованы слова: **өнөкөттөн**- «превращаться в привычку, становиться привычкой», **өнөкөттөнүү** «превращение в привычку» и др. Ср., например: *Анын өнөкөттүү шашкалактыгы жанына тынчтык бербейт* (Абдумомунов). – Его **привычная** торопливость не дает (его) духу покоя. Второе *его* (в скобках) в переводе является эквивалентом кыргызского лично-притяжательного инфикса **-ын-** в словоформе *жанына* «(его) духу». Ср.: *жан-ым-а* «моему духу», *жан-ың-а* «твоему духу» и др.

Кыргызское слово **жөрөлгө** «обычай, обыкновение установление; признак, примета, предзнаменование, инициатива, идея, начало» [КТТС, I, с. 584] и его производные **жөрөлгөлө**- «делать что-либо согласно обычаям и старым установлениям» и **жөрөлгөлүү** «соответствующий обычаям, соблюдающий общепринятые установления» тоже входят в сферу ФСП обычая: *ата-бабаңын жөрөлгөсү* «обычай твоих предков», *жакшы жөрөлгө* – хорошая примета, хорошая инициатива, *жаман жөрөлгө* – плохая примета, плохое начало; *Журттун салтын, элдин жакшы жөрөлгөсүн байлардан көп билбейбиз* (Сыдыкбеков). – Обычай рода, хорошие **установления** народа не знаем больше богачей; *Абдырахман келгенде, кадимки барктуу күйөөгө иштетүүчү жөрөлгөнүн бири да иштетилген жок* (Сыдыкбеков). – Когда явился Абдырахман, не применялся ни один из **обычаев**, всегда применяемых к авторитетному зятю. Кыргызская лексема **мурас** «наследство, наследие, обычаи и жизненные правила, передаваемые от прежних поколений к новым; традиции, мудрые мысли, установления» имеет

производное *мураскор/мурасчы* «наследник (имущества и идей)». Семантика данного номинанта концентрировано представлено во фразе: *Каада – мурас* (это название книги: Абдыразаков К. Каада – мурас / сост. М.Ааматов. – Б.: Орета групп, 2018. – 356 с.). Предикативная часть фразы суммарно заключает в себя значения «обычай; наследие; правила гостеприимства; передаваемые от поколения к поколению жизненные советы, доброжелания, мудрые мысли; сведения о родословии племен и этносов; собранные персонажем правила поведения человека в обществе» [с.7-210]. Правда, наследием общества являются не только великие свершения, открытия, мысли, социально значимые идеи, но и ошибки, заблуждения наших предшественников. В связи с этим интересно суждение великого Г.Гейне: «У каждой эпохи свои изъяны, которые прибавляются к изъянам более ранних эпох; именно это мы называем **наследием** человечества» [Борохов, с.602]. Понятие *мурас* «наследие» входит в ФСП обычая в качестве его важного компонента.

Микрополя ФСП «обычай» могут быть представлены в обобщенной схеме. См. схему 3.5. на следующей странице.

3.6 О двух микрополях в структуре ФСП «салт»

Кратко охарактеризуем лексико-семантическое содержание двух компонентов ФСП «салт» - *той* «пир, торжество; празднество; обряд, ритуал» и *майрам* «праздник». Слово *той* соотносительно с глаголом *той-* «насыщаться, пресыщаться», с существительным *ток* «сытый» (ср.аналоги: *жый-* «собирать, накапливать» и *жык* «полный, заполненный до краев»), с их производными: *тойло-* «пировать, ездить/ходить по пирам», *тойгуз-/тойдур-* «насыщать, пресыщать», *тойлош-* «совместно с кем-либо участвовать в пирах; (диал.) свататься/засылатъ сватов», *тойлот-* «устроить свадебный пир» и т.д., которые в той или иной степени имеют отношение к обычаям и ритуалам этноса. Каждая разновидность тоя имеет свой сценарий и состав участников: *бешик той/жентек той* «пир, устраиваемый на пятый-шестой день после рождения ребенка», *уул той/тою* «пир, устраиваемый по

3.5. Структура номинантов ФСП «обычай/традиция» в русском языке

случаю обряда обрезания мальчика» (в просторечии перед словом *той* употребляется название полового органа мальчика, а не взрослого), *кыз той/тою* «свадьба, свадебный пир» (с позиции семьи и родни невестки), *уйлөнүү тою* «свадьба» (общее название, включающее в свою семантику значение предыдущего фразеологизма), *келин той/тою* «заключительный пир в доме жениха», *бата/ната той* (диал.) «свадебное угощение в доме жениха (после проведения совещания по поводу взносов и распределение гостей по семьям его близких родственников)», *жер той/тою* (диал.) «угощение во время сенокоса, перед созреванием и уборкой хлебов», *той-аш* «пиры и тризны; всякого рода пиры и празднества» и т.д. Имеется немало глагольно-субстантивных речевых формул: *той сой-* «резать скот, готовясь к пиру», *той же-* «угощаться на пиру», *той бер-/жедир-* «устроить пир», *тоюңду берет/көргөзөт* «задаст тебе жару» и др.

В кыргызском паремиологическом фонде есть устойчивые изречения, содержащие номинанты ФСП обычая: 1) «на миру и смерть красна»: *Көп менен көргөн – той* (букв.) «что испытал вместе с многими – это пир» [Ибр., с. 377]; 2) «на пиру можешь остаться и голодным»: *Тойго барсаң, тоюп бар* (букв.) «если идешь на пир, то иди насытившись» [Ибр., с. 544]; 3) «девочкам и ловчим птицам много есть нельзя»: *Эненин колунан кыз тойбойт, эрдин колунан куш тойбойт и* (букв.) «из рук матери дочь не насытится, из рук молодца ловчая птица не насытится» [Ибр., с. 617] (в старом быту девушке не полагалось быть полной, а ловчую птицу следовало держать впроголодь).

Паремий с компонентом *той* и *той-* очень много. В нашей картотеке их насчитывается 172. Вторая из приведенных пословиц (*Тойго барсаң, тоюп бар*) с двумя номинантами поля «обычай» имеет несколько развернутых трансформ: *Тойго барсаң, тоюп бар, ашка барсаң, ачка бар* «Если едешь на пир, то иди насытившись, если идешь на поминки, то иди голодным», *Тойго барсаң, тоюп бар, торко тонуң кийип бар, ашка барсаң, ачка бар ала чапаныңды кийип бар* «Если идешь на пир, то иди насытившись, надевая

шелковый халат, если идешь на поминки, то иди голодным, надевая полосатый халат» [Койч., с. 375; Ибр., с.544].

Есть основание считать, что концепт «той» сам может стать предметом специального рассмотрения как в лингвокогнитивном, так и в функционально-семантическом планах, имея сложное понятийное, образное, когнитивное, фреймовое и сценарное строение и многокомпонентное лексическое, фразеологическое и паремийное содержание. Слово *той* имеет соответствия в других тюркских языках, поэтому можно считать его межтюркским номинантом соответствующего церемониала: аз., алт., гаг., др.тюрк., др.уйг., каз., к.калп., к.балк., кум., кырг., турк. *той*, тат., узб., чув. *туй* и др. «свадьба (во всех языках), пир (в кыпчакских языках), бал (гаг.)» [СТТЯ, с.309].

А этимология слова *майрам*, входящего в состав экспонентов ФСП «обычай», спорная, дискуссионная. Кратко рассмотрим этот вопрос. Оно встречается во многих тюркских языках: аз., баш., гаг., к.балк., к.калп., кар.к., кр.тат., кум., ног., тур., турк., узб., уйг. *байрам*, алт., кач., койб., леб., саг., хак., шор. *байрам/пайрам*, тур.диал. *бейрам*, кр.тат. *бэйрам*, тат.диал. *бар'ам*, *бэйрэм*, бар. *пэйрэм*, др.тюрк. *бейрем*, каз. *мейрам*, *мирам*, к.калп., кырг. *майрам*, узб.диал. *мэйрэм*, алт.диал. *байрым*, др.тюрк. *базрам* со значениями:

1) «праздник» (во всех языках, кроме гаг.), «празднество» (к.балк., тат.), «торжество» (аз., гаг., каз., к.балк., кум., тат., тур.), «день праздника» (тур.), «день радости и развлечения» (др.тюрк.); название десятого месяца мусульманского лунного года (турк.); 2) атрибутивные значения «праздничный» (кырг., кум., узб., уйг.), «празднующий, веселый» (кырг.); 3) «пир, пиршество» (гаг.); 4) антропонимы: *Майрам*, *Мейрам* и др. (жен. и муж.).

О происхождении слова *майрам* в тюркских языках существует несколько версий. Некоторые тюркологи (Г.Ценкер, Л.Будагов, В.В.Радлов, Ж.Дени, Дж. Клосон, А. Каннисто и др.) считают его иранизмом, допуская при этом возможность рассмотрения его межэтническим, т.е. персидско-

тюркским словом. Но есть компаративисты (Э.В. Севортян, ИД. Ягелло, М.А. Гаффаров и др.), учитывая отсутствие соответствующей лексемы в персидском языке (Ф.А. Стейнмас), выделяют его пометой «тюрк.». Оно не представлено и в таджикском языке [РТС, с. 825]. Кроме того, слова *байрам* и *базрам* мы находим и в древнетюркском словаре М. Кашгари [ЭСТЯ 1978, с. 35].

Исходным, вероятно, является корень *бай/най* «пир, торжество» (хак. *най* «пир, торжество», шор. *най-га* «пир, свадьба», кырг. *бай-ге* «скачки, приз на скачках», х.монг. *бай* «приз», *бай ав-* «получить приз» и др.). Сочетание этого корня с аффиксом *-ер/-ур* могло образовать слова: тув. *байыр* «праздник; привет, поздравление», монг. *байар/баэр* «радость, веселье, счастье, наслаждение, удовольствие, празднество, торжество, поздравление» [ЭСТЯ 1978, с. 36; ЭСМЯ I, с. 69].

Слово *байрам* заимствовано славянскими (др.рус. *баграмъ, багримъ*, болг. *bajram*, серб. *barjam, barjamovati* «праздновать», польск. *bajramowac* «праздновать», рус. *байрам*, диал. *байран* и др.), албанским (*bajrami*), новогреческим (*mpairami*), румынским (*bajram*) и другими языками [ЭСТЯ 1978, с. 36; Фасмер I, с. 108]. Вполне вероятно, что корень *бай* «пир, свадьба, приз» генетически связан общевразийским пракорнем **бай-/баг-* «богатство; бог...» [Синтез, с. 572-574].

Само по себе происхождение и исходные семы корня **бай-* позволяют рассмотреть его формально-смысловые дериваты в рамках ФСП «салт»: *майрам* «(гражданский/перелигиозный) праздник», *майрамда-* «праздновать», *майрамдык* «праздничный», *майрамдоо* «празднование», *майрам-сайрам* «праздники и прочие торжества» и др. В кыргызском языке продуктивно употребляются устойчивые словосочетания: 1) имеющие дни торжества в честь или в память какого-либо выдающегося события: *Октөбүр майрамы* – праздник Октября; *Жеңиш майрамы* – праздник Победы, *аялдар майрамы* – женский праздник и др.; 2) веселье, торжество, устраиваемое кем-либо по какому-либо поводу: *үй-бүлөлүк майрам* – семейный праздник,

туулган күнгө карата майрам – праздник по случаю дня рождения; *спорт майрамы* – праздник спорта; 3) ознаменование какого-либо важного, приятного события или случая: *Байкемдин Москвадан кайтышы бизге чоң майрам болду.* – Возвращение дяди из Москвы было для нас большим праздником. Ср. также: *Майрамдаган кыздар Жеңиштайды ырдатышчу* (Сыдыкбеков). - **Празднующие** девушки заставляли Джеништая петь.

В исламской лингвоэтнокультуре широко представлен ритуальный праздник под названием *айт/хайт*. От него образованы слова и фразеологизмы: антропонимы *Айтбай, Айтбүбү, Айтмат* и др., глаголы *айтта-* «праздновать (айт), ходить по соседям и родственникам, поздравляя и угощаясь; делать праздничный визит (в мусульманский праздник)», *айтмат-* «позволить/разрешить/помочь + праздновать (айт), ходить с поздравлениями в день праздника», *айттык* «праздничный подарок (к айту)», *курбан/курман айт* «мусульманский праздник жертвоприношения», *айтман жүрөт* «ходит по соседям и родственникам, поздравляя их и угощаясь» и др.; *Айт да болор, айттын эртеси да болор* (посл.). – Пройдет и праздник, наступит и утро после праздника (о непродолжительности хорошего настроения и сытного времяпрепровождения) [Койч., с. 48]. Слово *айт* в пословице заменяется словом *той*: *Той да болор, тойдун эртеси да болоор* [Койч., с. 375]. – Пройдет и пир, наступит и утро после пира. Данный параллелизм пословиц свидетельствует об общности пропозиции в них, инвариантном характере их смысла.

Кыргызский менталитет допускает и свободно принимает аналогичные типовые фразы с использованием вместо слов *айт* и *той* слова типа *майрам, юбилей, отуруш* и др. в различных ситуациях общения. *Айт күнү катын алба, жамгыр күнү ат чаппа* (посл.). – В день праздника айт не женись, в дождливый день не скачи на лошади (животное, скользнувшись, споткнется и упадет, что может вызвать неприятности); *Айтта катын алба, караңгыда отун алба* (посл.). – В праздник айт не женись, ночью не собирай дров; *Айтта катын алба, жаанда аталба* (посл.). – В праздник айт не женись, в

дождливый день не покупай лошадь (животное под дождем не проявляет свои качества) [Ибрагимов, с. 37]. Все три пословицы содержат запреты, табу. В изречениях подчеркивается сакральный характер мусульманского праздника, выражается предостережение от нежелательных последствий и содержится суеверие народа.

Необходимо отметить роль исламской веры и лингвокультуры в развитии нашего мировоззрения, языка. Лингвист из Казахстана Г.К. Рысбаева выделяет устойчивые выражения, общие для казахского и кыргызского языков и возникшие в них под требованием ислама: *азан айтуу* «провозглашать призыв мусульман к молитве» (пять раз в день), *орозо кармоо* «поститься, соблюдать одномесячный пост» (посл. *Орозодо көчкөн – эрмек.* – Кочевать в пост – развлечение, поскольку отвлекает от голода), *садага берүү* «принести жертву», *беш убак намаз* «пять уставных молитв в день у мусульман», *сүннөткө отургузуу* «совершить обряд обрезания», *бата берүү* «благословить, выразить благословение», *бата алуу* «получить благословение», *тозоктон куткаруу* «освободить от мучений в аду», *даарат алуу* «совершить омовение», *зекет берүү* «дать милостыню, предписываемую шариатом в пользу бедных» и др. [Рысбаева, с.254], которые образуют отдельное микрополе в рамках концепта «салт/обычай».

Изложенные выше соображения и сведения о составе ФСП «обычай» позволяют обобщить их и представить средства, компоненты и микрополя соответствующего концепта в виде модели. См. рис. 2.

Данная модель обычая носит предварительный характер и отражает остов концепта «обычай» в общем виде. Она будет уточняться и совершенствоваться в процессе дальнейшей работы над ней. В модели совмещены лексические, словообразовательные и фразеологические средства с понятийно-фреймовыми и сценарными признаками поля.

На основе изучения опыта кыргызских этнографов и языковедов по поводу понятийного и ФСП «салт» можем представить его в виде обобщающей схемы-модели, где центральную позицию занимает лексема

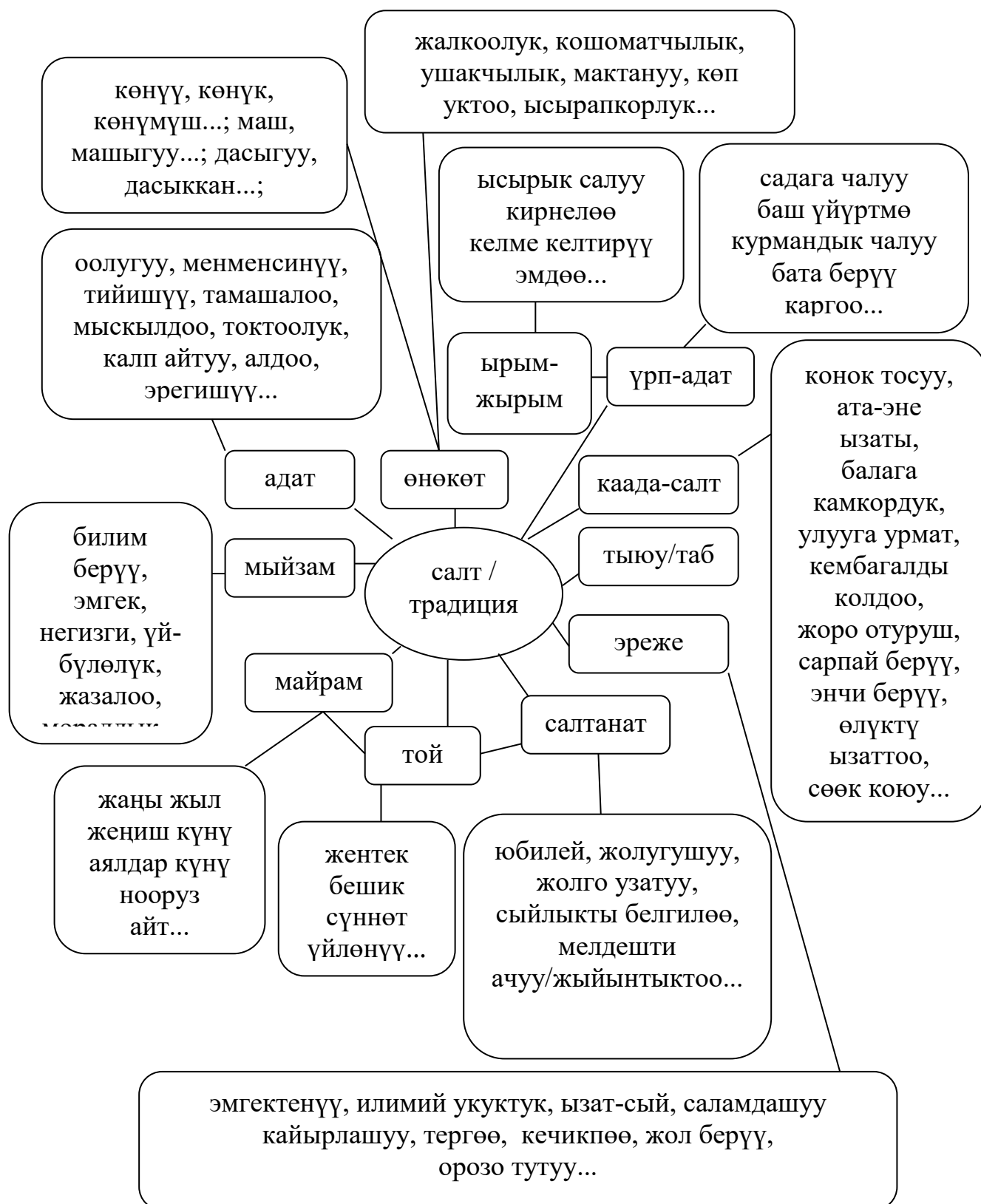
салт с инвариантным значением, покрывающим более частные значения слов *адат*, *өнөкөт*, *ырым-жырым*, *урп-адат*, *каада-салт*, *эреже*, *салтанат*, *той*, *майрам* и *мыйзам*, которые в свою очередь разгруппировывают и включают в себя узкие и мелкие микрополя обычая. Схема 3.6. См. на следующей странице.

Отметим, что опрос и ассоциативный эксперимент, проведенные нами среди носителей кыргызского языка по поводу состава ФСП «салт», в целом подтвердили правомерность такого представления его структуры (см. приложение). Оказалось, что рядовой пользователь языка не в полном объеме представляет состав и значимость ФСП «салт», описываемого специалистами-этнологами. В кыргызской модели тоже фигурирует интеранционализм *традиция*, потому что кыргызские лексикографы при определении значения слова *салт* дважды использовали его [КТТС, II, с. 412]. В «Кыргызской национальной энциклопедии» [2014, том 6, с. 325] соответствующая статья имеет заголовок «Салт/традиция», свидетельствующий о неразрывности кыргызского и заимствованного из латыни через русский язык терминов.

Номинативно-семантическое поле «салт» в целом напоминает модель обычая в русской ментальности.

3.7 Когнитемы обычая в афоризмах

Когнитема – это ментально-языковая единица-пропозиция, обобщенно отражающая мысли-суждения людей об окружающем мире. Она выражает инвариантный смысл, реализуемый в различных вариантах и трансформах. Взаимопонимание содержания когнитемы между участниками общения возможно только при наличии тождественных, сходных или близких мыслительных элементов в памяти производителя и реципиента речи, речевого произведения. А пробелы или «пустые клетки» в уме слушателя приводят к непониманию содержания воспринимаемой речи и речевой формулы.

Обычай был предметом осмысления и дефинирования многих мыслителей древности и современности. В данном параграфе приведем и прокомментируем некоторые общеизвестные афоризмы, раскрывающие суть

этого феномена. В некоторых суждениях подчеркивается противоречивое единство соблюдения обычаев этноса и новаций в общественной жизни. В ряде изречений отмечается польза или вред традиций. Отношение людей к традиции разное. Мы можем, категоризируя понимание мыслителями прошлого обычаев, выделить несколько когнитивных, отражающих место и значимость традиций в ментально-языковой картине мира [Шойхер, с. 514-520].

1. **Обычай регулирует мысль и поведение людей.** Такой тезис содержится в ряде известных афоризмов: *Изучение обычаев меняет стремления, а по истечении длительного времени меняет природу* (Сюнь-цзы). – **Салттарды үйрөнүү умтулууларды өзгөртөт, а узак убакыт өткөндөн кийин жаратылышты өзгөртөт; Обряды – то, чем преграждают путь необузданных желаний** (Хуань Куань). – **Үрп-адаттар – жүгөндөлбөгөн каалоолордун жолун тосчу нерсе; Обычай является способом отбора и сохранения нравственных ценностей и передачи их последующим поколениям** (Владимир Зыбковец). – **Салт нравалык баалуулуктардын тандалышынын, сакталышынын жана кийинки муундарга берилишинин ыкмасы болуп саналат; У ритуала нет смысла, но есть цель** (Александр Генис). – **Ырым-жырымдын мааниси жок, бирок максаты бар.** В последнем изречении подчеркивается целеполагающая роль различных церемоний.

2. **Не все обычаи обоснованы: Традиция – накопление невежества** (Михаил Салтыков-Щедрин). – **Салт – билимсиздиктин жыйындысы; Традиция – это культура невежества** (Александр Круглов). – **Салт – бул билимсиздиктин/сабатсыздыктын маданияты; У многих учреждений и мнений нет другого основания, кроме старинного невежества** (Пьер Буаст). – **Көпчүлүк салт-санаалардын жана пикирлердин эзелки билимсиздиктен башка негиздемеси жок (учреждение – тартип, салт-санаа, см. [РКС, IV, с. 508]); Наблюдая обычаи и нравы чужого народа, видишь, что они не так уже непреложны, как думают те, кто их придерживается** (Сомерсэм Моэм). – **Бөтөн элдин салттарын жана жөрөлгөлөрүн**

байкаштырып, аларды колдонуучулардын ойлогондой эле талашсыз эмес экендигин көрөсүң. В этих афоризмах осуждается «слепая» вера в истинность этнических суеверий и стереотипов и подчеркивается необходимость критического и избирательного отношения к ним.

3. Традиции обеспечивают согласие и безопасность: *Люди следуют стародавним законам и взглядам не потому, что они здравы, а потому, что они общеприняты и не дают прорасти семенам раздора* (Блез Паскаль).

– Адамдар эзелки мыйзамдарды жана көз караштарды кармануусу алардын тууралыгында эмес, аларды көпчүлүк кабыл алып, карама-каршылыктардын үрөндөрүнүн өсүшүнө жол бербегендигинде турат; *Берегите традиции, а традиции сберегут вас* (N.N.). – Салттарды сактагыла, салттар силерди сактайт; **Өткөн чаксыз** – учур чагыбыз жок, келээр чагыбыз да болбойт (Б. Жакиев, Койч., с. 509). – Без прошлого нет настоящего, не будет и будущего. В данном утверждении под прошлым подразумевается не только происхождение, предыдущая история народа, но и его жизненный опыт, знания, обычаи и морально-этические установления; *Общие предрассудки способствуют поддержанию порядка и покоя в обществе, так как хуже было бы, если бы люди необразованные и неразвитые рассуждали каждый порознь* (Филип Честерфилд). – Жалпы **ырым-жырымдар** коомдогу тартипти жана тынчтыкты сактоого жол берет, анткени билимсиз жана өнүкпөгөн адамдар ар бири өзүнчө ой жүгүртсө жаманыраак болмок; *Утрата корней и отсутствие традиций невротизирует массы и чреватой коллективной истерией* (Карл Юнг). – Тамырлардын/тектүүлүктүн жоюлушу жана **салттардын** жоктугу массаларды дүүлүктүрүп, коллективдүү дүрбөлөндү жаратат. В этих изречениях подчеркиваются ущербность, отсталость и консерватизм архаичных правил и установлений, их неприспособленность к современным условиям и жизненным потребностям. Во всех афоризмах выражается идея о важности обычаев для обеспечения мирного, спокойного и безопасного существования общества.

4. **Традиция приносит вред:** *Все зло мира часто объясняется неразумным почитанием старых законов, старых обычаев, старой религии* (Георг Лихтенберг). – Дүйнөдөгү бүткүл жамандык көбүнчө эски мыйзамдарды, эски салттарды, эски динди баамдабай ардактоо менен түшүндүрүлөт; *Когда обычаи противодействуют естеству, то они становятся лживыми, лишают человека сил* (Иоган Гердер). – **Каада-салттар** табиятка каршы келгенде, алар жалган болуп, адамды ал - күчтөн ажыратат; *Худшие пакости имеют обычно самые давние традиции* (Александр Круглов). – Демейде өтө эзелки салттарда гана жаман ыпластыктар болот; *Глупость следует за всеми твердоустановившимися обычаями, как тень* (Фридрих Ницше). – Акмактык бардык туруктуу кабыл алынган каада-салттардын артынан көлөкө сыяктуу ээрчип жүрөт; *Обычай осуждает нас на многие глупости* (Наполеон). – Салт бизди көптөгөн акмакчылыктарга түртөт.

5. **Обычаи мертвых не учитывают потребности и возможности живых:** *Обычаи олицетворяют власть мертвых над живыми* (Герберт Спенсер). – **Каада-салттар** көзү өткөндөрдүн тирүүлөрдүн үстүндөгү бийлигин туюнтат; *Традиция всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых* (Карл Маркс). – Бардык өткөн муундардын салттары жаман түш сыяктуу тирүүлөрдүн акыл-оюн үстүнөн басып турат; *Рабы обычая – игрушки в руках времени* (Фрэнсис Бэкон). – **Каада-салттын** кулдары – убакыттын колундагы оюнчуктар; *Иногда следование заветам прошлого является прямым предательством будущего* (Авессалом Подводный). – Кээде өтмүштүн осуяттарын ээрчүү келечекке түздөн-түз кыянатчылык болуп калат.

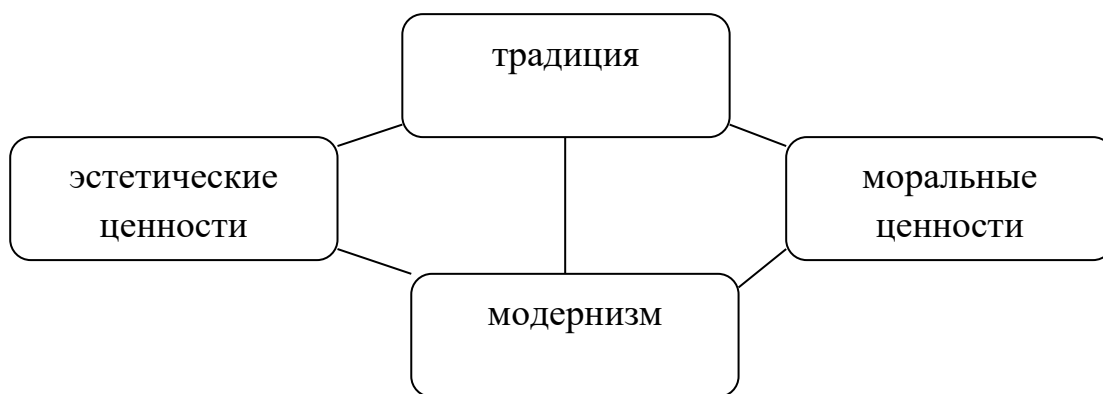
В данных изречениях поддерживается смысл предыдущей когнитивной позиции, утверждается, что строгое соблюдение обычаев старины выступает в жесткое противоречие с современной, более совершенной и высокоразвитой реальностью жизни и нередко подавляет возможности, интересы и свободу современного человека.

6. **Обычаи постоянно меняются и трансформируются: Традиции вырождаются, если их не совершенствовать** (Петр Павленко). – **Каада-салтты** өркүндөтпөсө, ал бузулат; *Коль **обычаи** являются главным правителем человеческой жизни, то и надлежит все силы устремить к установлению хороших **обычаев*** (Фрэнсис Бэкон). – **Каадат-салт** адамдын жашоосунун негизги башкаруучусу болсо, анда бардык күчтү жакшы **каада-салттарды** орнотууга багыттоо керек; *Мудрые не уповают на древность, не стремятся подражать **укоренившимся обычаям и правилам**, они рассматривают настоящее положение и в соответствии с этим принимают меры* (Хань Фэй-цзы). – Акылмандар байыркылыкка үмүттөнбөйт, **тамырлаган салттарды** жана **эрежелерди** тууроого умтулбайт, алар азыркы абалды талдап карап, ошого жараша чара колдонушат; *Возвращение к **традиционным** эстетическим и моральным ценностям возможно только через модернизм* (Владимир Соловьев). – **Салттуу** эстетикалык жана моралдык баалуулуктарга кайтуу жаңылануу аркылуу гана мүмкүн болот.

В приведенных изречениях речь идет о динамизме обычаев, их изменчивости и трансформируемости в соответствии с требованиями нового времени.

С этой позиции рассмотрим семантико-синтаксическое строение последнего афоризма. В центре высказывания стоят главные члены: подлежащее *возвращение* и модальное сказуемое *возможно*. Соответственно разграничиваются второстепенные члены: дополнения (*к ценностям и через модернизм*) и два однородных определения к первому дополнению (*эстетическим и моральным*) при обобщающем определении (*традиционным*). А с точки зрения ФСП «обычай» предложение расчленяется на части по-другому. Здесь на первый план выдвигается атрибутивное слово *традиционные* и значение его корневой морфемы:

Понятие «традиция» выраженное в корне прилагательного, включает в свое содержание значения трех подпонятий: «эстетические ценности»,

«моральные ценности», «модернизм». «Модернизм» полностью не покрывается общим понятием и входит в него только одной своей стороной.

Из кыргызских афоризмов приведем четверостишие Ш. Дуйшеева об изменчивости обычая:

*Салкын тоону кыян жууп,
Салт бузулат, сак болгун,
Намыс түтөп, ар түтөп,
Нарк бузулат, сак болгун.*

Обмывает прохладную гору поток,
Рушится **обычай**, будь осторожен,
Дымится совесть, тлеет совесть,
Рушится достоинство, будь осторожен.

Автор в образной форме подчеркивает неустойчивость обычаев и призывает представителей этноса к сохранению и соблюдению правил обычая, установок традиционной морали.

7. Предрассудок и суеверие – элементы обычая. В данном случае мы под предрассудком понимаем укоренившийся, недостаточно мотивированный взгляд на приметы и явления окружающего мира, веру в приметы и т.д., под суеверием – веру в то, что некоторые предметы, явления и события представляют собой проявление сверхъестественных сил и служат предзнаменованием будущего. *Предрассудки – основа нравов* (Анатоль Франс). – **Ырым-жырымдар** – каада-салттын негизи; *Предрассудки – опора*

цивилизации (Андре Жид). – **Ырым-жырымдар** – цивилизациянын таянычы; **Приметы** – *правила для суеверных* (Сергей Сидоров). – **Жышаан белгилер** – ырымчылдар үчүн эрежелер; **Суеверие** *часто не что иное, как надежда* (Оноре де Бальзак). – **Ырым-жырым** дайыма үмүттүн эле өзү/үмүттөн башка нерсе эмес.

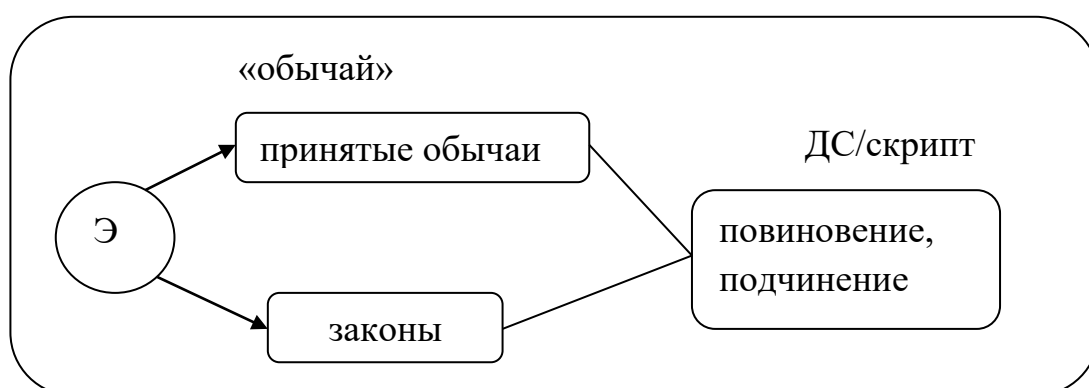
В данных примерах предрассудки этноса понимаются как элементы обычая, выражающие ментальную идентичность членов социума.

Конечно, перечень когнитивных ФСП обычая можно было бы продолжить. Но приведенные семь пропозиций с репрезентативами-изречениями наглядно демонстрируют понимание мыслителями прошлого значимости и недостатков строгого соблюдения установок и требований предыдущих поколений.

3.8 Роль эпитетов в категоризации экспонентов ФСП «обычай»

Номинанты смыслового поля «обычай» категоризируются также с помощью атрибутивных лексем. Именно эпитеты определяют их существенные признаки, выделяемые с учетом всеобщности и ограниченности, традиционности и заимствованности, мотивированности и случайности обычаев, и выполняют важную оценочно-характеризующую функцию. Рассмотрим одно предложение из письма А.С. Пушкина к издателю «Московского вестника»: *Зачем писателю не повиноваться **принятым обычаям** в словесности своего народа, как он повинуется **законам** своего языка?* Во фразе два номинанта рассматриваемого концепта – *обычаям* и *законам*, которые в данном контексте выражают значения «традиционно установившиеся правила языка» и «общепринятые нормы языка» и являются частными номинантами поля-концепта «обычай». А выполняющее функцию определения к слову *обычаям* прилагательное *принятым* со значением «признаваемый всеми, применяемый всеми» тоже участвует в создании лексико-семантического поля «обычай», характеризуя один из его субстантивных номинантов и соответственно являясь названием

его атрибута. Мы здесь не должны пренебречь функционально-семантической ролью двух глагольных форм – *повиноваться* и *повинуется*, которые тесно связаны с двумя ключевыми экспонентами обычая и предполагают беспрекословное соблюдение правил и норм языка. Инфинитив употреблен с отрицательной частицей *не*, но выражает не отрицание, а необходимость подчинения нормативным требованиям общенародного языка. В предложении словосочетание *принятые обычаи* и слово *законы* – контекстуальные синонимы и являются частями общего обычая. А требование от писателей соблюдать принятые обычаи и законы словесности содержит указание на обязательность постоянного учета нормативно-стилевых установлений. Соотношение главных и второстепенных номинантов обычая в предложении можно представить в виде рисунка. См. схему 3.8.

Здесь приняты сокращения: ЭК – элементы концепта, ДС – действия/деятельность субъекта-писателя.

В рассматриваемом предложении употреблен эпитет *принятый* «признаваемый, применяемый всеми», который входит в одну лексико-семантическую группу с прилагательными, которые имеют эквиваленты в кыргызском языке: *живой* – жандуу, көп колдонулчу, *заведенный* – кабыл алынган, *исконный* – түпкүлүктүү, туруктуу, *вековой* – бир кылымдык, *многолетний* – көп жылдык, *прочный* – туруктуу, *родной* – өз, өздүк, *традиционный* – салттуу, традициялуу, *укоренившийся* – тамырланган, туруктуу, *давний* – эски, илгерки и др. Например, у Короленко («Божий

городок») имеется фраза: *Эта молитва среди исчезающего “городка” есть **исконный обычай**, завещание седой старины.* – Жоголуп бара жаткан “шаарчанын” ичиндеги бул сыйынуу – **түпкүлүктүү салт**, ак чач картаң эскиликтин мурасы. Предложение имеет сугубо национально-культурное содержание, поэтому его значение переводится на кыргызский язык не совсем адекватно. Но смысл предложений разговорного стиля речи передается по-кыргызски однозначно и легко: *Это наш национальный, **родной обычай**.* – Бу биздин улуттук, **өздүк салтыбыз**. Мы с тобой не можем нарушить **родительский обычай**. – Сен экөөбүз **ата-эне салтын** буза албайбыз.

От этой группы эпитетов отличаются прилагательные, в значениях которых подчеркивается длительность и архаичность общепринятых правил и порядков: *старый, стародавний, устарелый, устаревший* – эски, эскирген, мурунку, *древний* – байыркы, эзелки, *архаический* – эскирген, *дедовский* – ата-бабаларга таандык, *долголетний* – көп жылдык и др. Ср.: *Овсяников придерживался **старинных обычаев** не из суеверия..., а по привычке* (Тургенев. Одиночество Овсяников). – Овсяников **эски салттарды** ырым-жырымдан эмес..., адат боюнча колдончу. В данном предложении имеются три слова, относящихся к лексико-семантическому полю «обычай»: *обычай, суеверие* и *привычка*. Первое содержит общее значение, является названием самого концепта-поля, второе выражает значение «вера в то, что некоторые явления и события представляют собой проявление сверхъестественных сил или служат предзнаменованием будущего», а третье – «ставшая постоянной, обычной какая-либо склонность, потребность совершать те или иные действия, покупки». Персонаж соблюдает требования архаических обычаев, исходя не из веры в действия ирреальных сил, а из потребности не нарушать установленных в обществе правил поведения. Суеверие и привычка – два различающихся элемента поля «обычай». Действия персонажа мотивируются вторым элементом – необходимостью придерживаться постоянно соблюдаемых правил, а не мировоззрением и менталитетом субъекта.

В данном примере два компонента поля «обычай» проивопоставлены друг другу и выступают как отдельные, не зависящее друг от друга единицы ментальной семантики.

Среди эпитетов изучаемого поля есть группа, составляющие которой подчеркивают позитивные черты обычая: *вежливый* – сылык, *мудрый* – акылдуу, *хороший* – жакшы, түзүк, *добрый* – жакшы, жагымдуу, *милый* – жагымдуу, сүйкүмдүү, *похвальный* – мактоого арзыган/татыктуу, *славный* – татыктуу, өтө жакшы, *чинный* – салабаттуу, токтоо и др. У А.Блока («Возмездие») встречаются строки:

Но скоро стариков привлек

Его дворянский склад старинный,

Обычай вежливый и чинный. –

Бирок тез эле абышкалардын көңүлүн бурду

Анын дворяндык көөнө ой-туюму/ой-тутуму,

Сылык жана салабаттуу мүнөзү.

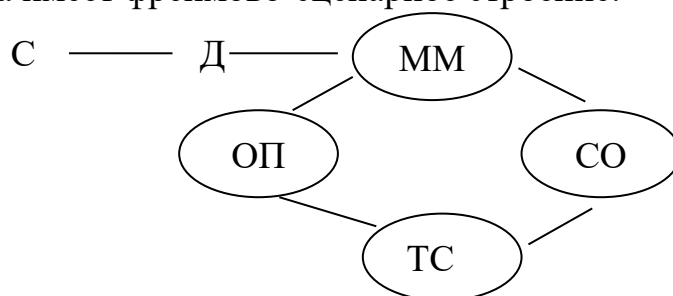
В стихотворении слово *склад* имеет значение «строй ума, характера; нравственный облик (человека)», передаваемое значением слова *ой-туюм* или *ой-тутум*. Выражение *вежливый и чинный обычай* мы передаем конструкцией *сылык жана салабаттуу мүнөз*, т.е. *обычай* = *мүнөз*. В данном случае *обычай*, не *салт*, *адат*, а *мүнөз*, поскольку слово *обычай* выражает и значение «привычный образ действий, поведения; привычка» (СРЯ, IV, с. 581).

В данном фрагменте стихотворения слово *обычай* именуется ФСП «обычай» не в полном объеме, а его смысловой компонент.

В русском языке широко представлены и негативные эпитеты к слову *обычай*: *дикий*, *дикарский* – жапайы, *жестокий*, *суровый*, *варварский* – мыкаачы, каардуу, *строгий* – талаптуу, катуу, катаал, *суровый* – катаал, *чудовищный* – коркунучтуу, шумдуктай, укмуштай, *абсурдный* – бессмысленный, түшүнүксүз, маанисиз, *идиотский*, *глупый* – акмактык, келесоолук (*глупое поведение* – акмактык жорук) и др. В высказывании

Добролюбова («Луч света в темном царстве») о главном персонаже Гоголя в драме «Гроза» встречаются два номинанта ФСП «обычай» с определениями: *Кабаниха создала себе милый мирок особенных правил и суеверных обычаев, за которыми стоит со всем тупоумием самодурство.* – Кабаниха артында бүт акылы тайкы өзүм билүүчүлүк турган **өзгөчө эрежелердин** жана **ырым-жырымдык салттардын** жагымдуу дүйнөчөсүн өзүнө жаратып алды. Носителем семантики обычая является многочленное словосочетание *создать милый мирок особенных правил и суеверных обычаев*, состоящее из одного союза, глагола, двух прилагательных и двух существительных. Названия, относящихся к сфере обычая, представлены как однородные и взаимодополняемые, передают значения «специфичные нормы поведения, принятые в кругу Кабанихи» и «привычки и порядки, основанные на вере в приметы, в проявление сверхъестественных сил и предзнаменований в тех или иных действиях, событиях». В качестве эпитетов к экспонентам обычая использованы прилагательные *особенные* и *суеверные*. Второе прилагательное непосредственно связано с простонародным поверьем, предрассудком, основанным на вере.

Фраза имеет фреймово-сценарное строение:

Субъект (С) создал (Д) для себя «милый мирок» (ММ), состоящий из «особенных правил» (ОП) и «суеверных обычаев» (СО), поддерживаемые «тупоумием самодурства» (ТСД). Аналогичным образом могут быть смоделированы самые различные утверждения в рамках рассматриваемой модели. В вышеприведенных примерах нас интересовали только типичные и авторско-индивидуальные эпитеты репрезентативов ФСП «обычай».

Слово *обычай* открывает позицию и для многих других групп прилагательных-эпитетов, выражающих этнические (*русский, цыганский, якутский...*), сословные (*крестьянский, казачий, светский...*), ареально-географические (*восточный, европейский, азиатский...*), возрастные (*школьный, студенческий, детский...*), религиозные (*буддийский, христианский, мусульманский...*), пространственно-неограниченные (*общий, повсеместный, распространенный...*) и другие особенности традиционно установившихся правил общественного поведения.

Понятие *обычая* тесно связано с понятием *традиции*. Они синонимичны. Только последнее уже по содержанию и сфере применения, встречается в книжном стиле речи. Слово *традиция*, являясь одним из важных репрезентативов *обычая*, тоже имеет типичные эпитеты, которые разносторонне раскрывают особенности изучаемого ФСП через определяемое слово. Семантические типы определений слова *традиция* сходны с эпитетами *обычая*. Среди них четко выделяются некоторые группы:

1. Эпитеты-атрибуты, которые обозначают длительность передаваемых из поколения в поколения *обычаев, норм поведения, взглядов, вкусов* и т.д.: *устойчивая, стойкая* – туруктуу, *привычная* – көнүк, *неизменная* – өзгөрүлбөс, *многолетняя* – көп жылдык, *байыркы, эзелки, вековая* – бир кылымдык, *исконная* – эзелки, илгерки, *древняя* – байыркы, *вечная* – түбөлүк, түбөлүктүү, *давняя* – байыркы, эзелки и др.

2. Эпитеты, которые обозначают положительные, позитивные черты общепринятых норм и порядков: *хорошая* – жакшы, *чудесная, чудная* – керемет, кереметтүү, *яркая* – жаркын, *полезная* – пайдалуу, *великолепная* – сонун, *ажайып, багородная* – асыл, асылзат, *благотворная* – жагымдуу, *подлинная* – чыныгы, нагыз и др. Ср.: *подлинные традиции искусства* – искусствонун чыныгы салттары, *славные воинские традиции* – даңктуу/атактуу аскердик салттар и т.д.

3. Эпитеты, которые обозначают архаический, устарелый характер *обычаев*: *старая* – эски, эскирген, *старинная* – байыркы, эзелки, *обветшала*

– эскирген, колдонуудан чыккан, жоголуп бара жаткан, *заржавелая* – эскирген, дат баскан, *закостенелый* – каткан, сенек болуп каткан, *патриархальная* – патриархалдык, байыркы доордон калган, эскирген и др.: *патриархальные традиции* – патриархалдык **салттар**. Ср.: У Илья Ефимовича всегда была тяга к нарушению многолетних, *закостенелых* *житейских традиций*. Илья Ефимович көп жылдык **сенек болуп каткан** турмуштук **салттарды** бузууга дайыма умтулчу. В данном случае мы имеем соответствие.

К теме работы имеет отношение вторая часть двуязычной фразы, которая содержит некоторые особенности конструктивно-семантического характера.

В данной билингвальной парасинтагме обнаруживаются разнообразные эквивалентностные отношения:

1) номинанты поля «обычай»: основы *традиций* – *салт-*, *традиций-Ø* (окончание мн.ч. и род.п.) – *салт-тар-ды* (аффиксы мн.ч. и вин.п. раздельно), одному окончанию в русском языке соответствуют два кыргызских отдельных суффикса;

2) атрибуты названий поля «обычай»: а) русская словоформа *закостенелых* состоит из корня и шести аффиксов, окончание совмещает признаки мн.ч. и род.п. и соответствует словосочетанию, включающему в себя три корня, два нулевых и два материально выраженных аффикса; б) словоформа *житейских* состоит из корня и трех аффиксов, ее значение передается на кыргызский язык корнем *тур-*, двумя материально выраженными аффиксами и одним нулевым аффиксом; в обоих случаях адъективные аффиксы *-ых* и *-их* совмещают значения мн.ч. и род.п. и соответствуют кыргызским нулевым аффиксам.

Управляющий член русской синтагмы – имя существительное *нарушение*, требующее употребления последующей четырехчленной атрибутивной синтагмы в род.п., а его кыргызский эквивалент (*бузуу* «нарушение») ставит конечный член синтагмы, т.е. номинант концепта

«обычай», в вин.п. Если употребить вместо отглагольного имени *бузуу* «нарушение» более субстантивированную форму *бузулуш* «нарушение», то конечное существительное принимает окончание род.п.:

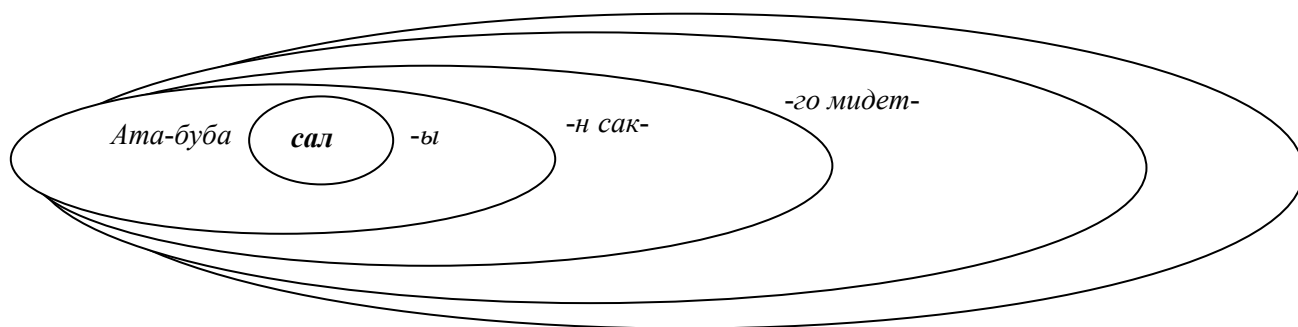
салт-тар-ды (вин.п.) *бузуу*

↓ ↓ ↓
салт-тар-ды-н (род.п.) *бузулуш-у* (притяж.афф. 3 л.).

В кыргызском языке род.п. последовательно образуется от основы вин.п.

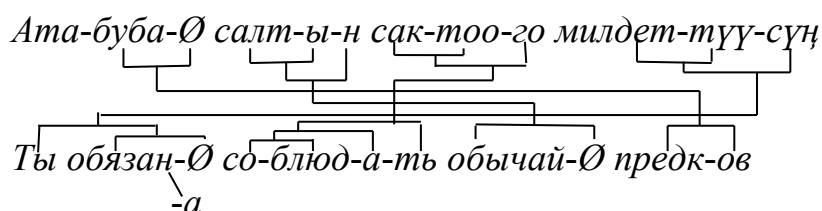
Надо отметить, что дихотомия «соблюдать, учитывать, руководствоваться... - нарушать, игнорировать, пренебрегать...», элементом которой являются слова *нарушать* – *бузуу*, *нарушение* – *бузулуш*, относится к сфере ФСП «обычай» и в приведенном предложении связывает воедино целый комплект его номинантов. Составляющие антиномии образуют концепт-скрипт в рамках многочленной синтагмы ФСП «обычай».

Совокупность номинантов обычая, их гиперонимо-гипонимические, функционально-семантические, когнитивно-языковые, словообразовательные и другие отношения образуют целостную парадигму, а их последовательные связи, подчинительно-сочинительные, непосредственно-опосредованные отношения образуют определенные синтагмы. Экспоненты обычая в одной синтагме соотносятся между собой по строению и семантически и могут быть представлены как сложная и многослойная структура. См.рис. 3.8.

Ядро синтагмы образует лексема *салт* «обычай». А сочетание *ата-буба салт-ы* «обычай предков» включает в себя ключевое слово и входит в

состав трехчленной синтагмы *ата-буба салт-ы-н сак-тоо* «соблюдение обычаев предков», где отглагольное имя *сактоо* требует оформления существительного *салт-ы-* (с притяжательным аффиксом 3 лица) в вин.п. и выполнения установок обычая, являясь неразрывной частью единого функционально-семантического комплекса. Процесс соблюдения общепринятых правил (*ата-буба салтын сактоо* «соблюдение обычая предков») – нейтральная установка, которая может быть учтена, забыта, пренебрегаема или обязательно выполнена. В данной синтагме подчеркивается неукоснительность соблюдения старинных стереотипов поведения. Субъект действия выражается аффиксами предикативного именного спряжения: *-мүн, -сүң, -сүз, -Ө, -бүз, -сүңөр, -сүздөр*. Формы ед. и мн.ч. 3 лица омонимичны (*-Ө*). В схему не вошли словоформы *милдеттүүмүн/милдеттүүсүң...*, которые могли занять место во внешнем обрамляющем круге. Теперь представим кыргызскую синтагму в сопоставлении с ее русским эквивалентом. См. схему 2.

Кыргызская синтагма четырехчленна, состоит из четырех слов. Ей соответствует пятичленная синтагма в русском языке. Кыргызское сочетание открывает позицию для вставки слова *сен* «ты» и преобразования в более служную синтагму (слово *сен* можно использовать в самом начале фразы или после слова *сактоого*). Кыргызское предикативное спряжение предполагает перевод на русский язык двучленными предикативными словосочетаниями: *милдеттүү-мүн - я обязан/обязана, милдеттүү-сүң – ты обязан/обязана* и др. В слове *обычай* нулевая флексия *-Ө* совмещает значения ед.ч., вин.п. и муж.р., его кыргызский эквивалент содержит в себе аффикс принадлежности 3 лица и аффикс вин.п., а кыргызской словоформе *сактоого* в дат.п. соответствует русский инфинитив. Кыргызское существительное *ата-буба*

«предки» с собирательным значением имеет форму им.п. ед.ч. и передается формой русского существительного в род.п. мн.ч. (*предков*). Кыргызское и русское словосочетания вместе образуют парасинтагму особого характера. Парасинтагмой в данном случае мы называем комплекс грамматических единиц двух языков, обладающих общими и отличительными свойствами и образующих целостное структурно-функциональное единство [Задорожный, с. 28-29]. Аналогичным образом можно произвести сопоставительный анализ всех эпитетов к существительному *традиция*, а также к существительным *обыкновение, привычка, правило* и т.д. с позиции кыргызской ментальности, а также типичных эпитетов кыргызского языка к разным номинантам ФСП «обычай». Не менее интересны конструкции, оформленные по формуле «глагол+номинанты обычая в обстоятельственной функции». А эпитеты кыргызского языка, употребляемые в сфере ФСП «салт», могут стать предметом специального рассмотрения и объемного труда (*байыркы салт, көөнөрбөс каада-салт, жаман адат* и др.). Приведем и кратко прокомментируем один номер:

У А.С. Акматалиева есть утверждение: *Кыргыздын көөнөрбөс дөөлөттөрү, тактап айтканда каада-салт, үрп-адат, ырым-жырымдар – этнографиябыздын бир бутагы. – Нестареющие* ценности кыргызов, точнее говоря обычаи, ритуалы, обряды - одна ветвь нашей этнографии. Фраза «напичкана» номинантами ФСП «обычай». Эпитет *көөнөрбөс* «нестареющие» определяет существительное *дөөлөттөр* «ценности». Он одинаково относится к другим трем номинантам обычая, определяя долговечность их денотатов в рамках общего ФСП. Аналогичным образом могут быть проанализированы многочисленные эпитеты к разным репрезентативам ФСП «салт».

Выводы по III главе

Сопоставление способов выражения ФСП «обычай» в русском кыргызском языках позволило нам сформулировать несколько выводов,

которые, как нам кажется, вносят новое в теорию и практику функциональной и сопоставительной лингвистики, когнитивного языкознания, лингвокультурологии, лингвоконцептологии и которые могут быть оценены как новые научные результаты.

В процессе работы:

1) осуществлено полипарадигмальное исследование ФСП "обычай" и его номинантов с учетом идей, методов и принципов сопоставительной лингвистики, функционального языкознания, семасиологии, когнитивного языкознания, лингвистического концептуализма, лингвоэтнокультуроведения и других смежных дисциплин;

2) раскрыта сущность ФСП обычая, определен и охарактеризован состав его номинантов в двух языках;

3) определено понятийно-коннотативное содержание поля-концепта «обычай – салт» на фоне этнокультурных, теологических, правовых и многих других слоев и аспектов его когнитивно-языковой семантики;

4) установлено ментально-языковое устройство ФСП «обычай – салт» со своим ядром и периферией, которое представлено в виде многокомпонентной модели;

5) разработаны критерии дифференции ядерных и периферийных номинантов поля-концепта; ядро и периферия концепта разграничены с учетом признаков обобщенности и конкретности значения, продуктивности и меньшей употребительности (частотности и ограниченности применения), типичности и меньшей регулярности, нейтральности и стилистической окрашенности, гиперонимичности и гипонимичности (т.е. дифференцированности по признаку «целое и часть») и т.д.;

6) предложена и обоснована идея о возможности различения ядра и периферии концепта не только в парадигме, но и в синтагме, во фразе; установлены иерархия и асимметрия номинантов поля в рамках одной синтагмы;

7) определен состав репрезентантов концепта «обычай – салт» и проведен сопоставительный анализ употребления номинантов поля в двух языках;

8) осуществлено комплексное сопоставление семантики слов, словосочетаний и предложений, участвующих в выражении ФСП «обычай – салт», определены двуязычные экспоненты концепта и указаны основные способы варьирования и трансформирования номинантов поля в системе как исходного, так и второго языка;

9) выделены и описаны семантические и словообразовательные гнезда репрезентативов ФСП «обычай – салт»; определена этимология отдельных его номинантов;

10) продемонстрированы роль и значимость типичных эпитетов в функционировании слов и выражений, объективирующих концепт-поле;

11) показана возможность имплицитного (неявного) выражения ФСП «обычай – салт» в пословичном изречении в противовес эксплицитному (явному) номинированию;

12) выявлены общее и специфичное в понимании и соблюдении обычая представителями сопоставляемых лингвокультур; выделены этнокультурно значимые языковые единицы в системе номинантов ФСП «обычай – салт»; факты заимствований и калькирования оценены как проявление глобального процесса сглаживания и нейтрализации этнокультурных различий в мышлении и языке; в связи с этим отмечены случаи семантического сдвига и обогащения в заимствованных словах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. **Общие выводы.** Данная работа представляет собой часть многоаспектного исследования по антропоцентрической лингвистике, выполняемого нами по единому плану.

Основными направлениями этого плана являются

1) изучение обычаев, ритуалов и традиций различных этносов с точки зрения антропоцентрического языкознания, функциональной лингвистики, этнолингвистики и социолингвистики;

2) типология форм *обычая*, начиная с индивидуальных привычек и знаний до глобальных общечеловеческих ценностей;

3) координация путей исследования: “от языка А – к языку Б и от языка Б – к языку А”, “от знания (опыта) – к языку и от языка – к знанию (опыту)”, “от этнического менталитета- к общечеловеческим представлениям и от общечеловеческих представлений – к этническому менталитету” и т. д. и методов изучения: анализ – синтез, индукция – дедукция, сравнение – сопоставление и пр.;

4) разработка методологической базы, методов и процедур всестороннего исследования ФСП “обычай” и средств его материализации в языках различных типов и строя;

5) лингвоэтнокультуроведческое сопоставление обычаев одного этноса с обычаями другого (родственного или отдаленно родственного, контактирующего или неконтактирующего, развитого или не совсем развитого, микроэтноса или макроэтноса и т. д.

Настоящее исследование является разделом этой работы, выполненным нами за последние 4 года (а над проблемой мы работаем свыше 20 лет). Оно базируется на достижениях как классического системно-структурного, так и ныне более актуального антропоцентрического и семантикоцентрического языкознания.

Научно-понятийный аппарат, содержание и методы исследования соответствуют требованиям и принципам таких отраслей лингвистического антропоцентризма, как лингвокультурология, лингвоконцептология, лингвокогнитология, менталингвистика. В работе доминирующее положение занимают также идеи и принципы функционального языкознания и этнолингвистики. На этом основании можем отметить его полипарадигмальный характер.

В нашей работе наиболее полно представлены критерии определения концепта как ключевой категории антропоцентрической лингвистики, исчерпывающе подробно охарактеризованные типы и разновидности концепта “обычай” в контексте теории ФСП.

Обычай имеет разные названия: слово (лексика), понятие, концепт, поле, семантическое поле, функционально-семантическое поле (ФСП) и т.д. Наибольшей отражательной и интерпретирующей возможностью обладает термин ФСП. С учетом этого положения обычай можно назвать полем.

ФСП “обычай” определяется как ментально-смысловое образование, представляющее собой совокупность стереотипных способов поведения, установленных, воспроизводимых в определенном обществе или социальной группе, являющихся привычными для их членов, находящихся в состоянии постоянной смены и обновления и материализуемых в языковых средствах.

Концепт-поле “обычай” имеет сложное строение. В нем различаются понятийный и эмотивно-оценочный, лексикографический и этимологический, деривационный и проverbsиальный, этноментальный и историко-культурный, морально-этический и ритуально-культовый, религиозный и правовой и другие слои, компоненты, а также ядро и периферия, целое и часть (гипероним и гипоним) и т. д.

Концепт-поле «обычай» репрезентируется языковыми и неязыковыми средствами. К вербальным способам его выражения относятся слова, фразеологизмы, словосочетания, предложения и тексты различного объема

и характера, которые номинируют обычай, его виды, разновидности, сферы и порядки реализации. Невербальная сторона данного ФСП связана с типологией поведения членов социума в различных жизненных ситуациях, предполагающих определенные, привычные, установленные, прогнозируемые виды действий.

Концепт-поле внутри себя дифференцирует ядро и периферию. Ядерную часть поля занимают слова-существительные, обладающие свойствами обобщенности значения, продуктивность употребления, типичности и специализированности для номинации данного вида ФСП. Таковыми являются лексемы *обычай/традиция/салт*, которые занимают центральную позицию в ФСП «обычай». Среднее из них выступает как межъязыковой и межкультурный номинант поля-концепта.

Ближе к центру расположены элементы обычая, репрезентируемые словами *привычка/обыкновение/адат/өнөкөт, правило/эреже, закон/мыйзам, порядок/тартип, право/укук, церемония/торжество/салтанат, праздник/майрам, свадьба/пир/той, обряд/каада-салт/ырым-жырым* и др., которые тоже номинируют установленные в обществе и привычные для его членов социальные процессы.

Несколько дальше от центра находятся функционально ограниченные (устаревающие, вновь принимаемые, книжные, канцелярские и др.) названия элементов ФСП «обычай»: *такса, квота, нрав/мүнөз/адат/салт, мода, трубование/талап, стандарт, норма, лимит, тариф, канун/закон, навик/такшалуу/дасыгуу, ырым/вера в приметы, ырым-жырымдар/предрассудки/обряды* и т.д., содержащие в своей семантике смы «установленное», «известное многим», «соблюдаемое», «обязательное», «привычное» и т.д. В соответствии со сказанным, мы различаем в концепте «обычай»- ядро и периферию, периферию делим на ближнюю и дальнюю. Этот вывод подтверждают также результаты ассоциативного эксперимента.

Среди номинантов ФСП «обычай» есть такие, которые являются исконными для данной лингвокультуры, и есть такие, которые заимствованы

представителями данной этнокультуры от других. Тенденция развития человечества такова, что идет процесс глобализации стереотипов поведения людей (соблюдение норм экологии, стандартизация сценариев свадебных и юбилейных торжеств, выполнение норм демократии и гуманизма, соблюдение правил дорожного движения и т. д.), который приведет мировое сообщество к избавлению от негуманных, варварских, вредных нерациональных стереотипов поведения в жизнедеятельности.

Основные результаты исследования. Семантико-когнитивное описание употребления языковых средств выражения ФСП «обычай» позволяет нам сформулировать некоторые результаты и положения:

1) показан полиаспектный характер ФСП «обычай», предполагающий рассмотрение с точки зрения различных научных дисциплин – социологии, этнологии, гносеологии, этнопсихологии, культурологи, когнитивистики, юриспруденции, этнопедагогики и т.д.;

2) осуществлено полипарадигмальное описание поля-концепта «обычай», базирующееся на методологии лингвистических антропоцентризма, этноцентризма и функционализма и учитывающее достижения семасиологии, лингвокультурологии, функциональной, когнитивной, диахронической и синхронической лингвистики;

3) выделены основные слои и аспекты в семантике номинантов концепта-поля «обычай», разграничиваемые на различных основаниях:

а) по источнику получения информации: лексикографический и нелексикографический слои, лексикографический слой можно разбить на энциклопедический и словарный подслои (последние извлекаются из толковых, переводных, этимологических и других словарей);

б) по содержанию выражающего понятия: научный и обыденный слои;

в) по участию чувства говорящего: нейтральный и эмоционально-экспрессивный слои;

г) по применению тропов: предметный и образный, а также денотативный и аксиологический слои;

д) с учетом хронологии: доисторический и исторический, современный и этимологический, фреймовый и сценарный, статичный и динамичный, синхронический и диахронический слои;

е) на уровне дериватологии: корневой (исходный) и производный слои;

ж) по составу и структуре номинанта: лексемный и фразеологический слои;

з) с позиции коммуникации: коммуникативный и некоммуникативный слои;

и) с точки зрения религии: светский и клерикальный, атеистический и религиозно-теологический, буддийский и мусульманский и другие слои;

к) с позиции мотивированности: обычный и сакральный, причинно-обусловленный и ритуальный, реальный и ирреальный аспекты;

л) с точки зрения социологии: общий и возрастной / гендерный / профессиональный... слои;

м) по распространенности: национальный и межнациональный, этнический и общечеловеческий слои;

н) по географии: европейский – американский, Запад – Восток, Европа – Азия и т.д.;

о) по признаку знаковости: признаковый и символический слои;

п) по жанру передачи: прозаический и поэтический, авторский и фольклорный (паремийный, сказочный и др.) слои;

р) по цели высказывания: повествовательный, побудительный и вопросительный слои и т.д.

4) показаны единство когнитивно-познавательных, этнокультурных, функционально-семантических и морально-этических и других свойств поля-концепта «обычай»;

5) охарактеризованы представления кыргызского и русского этносов об обычае и его типах и разновидностях по материалам этнологии, лексикографии, фольклористики и художественной литературы;

6) раскрыта сущность концепта «обычай» в контексте исследований по лингвоконцептологии, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и функциональной лингвистике; определено его функционально-семантическое строение, состоящее из ядра и периферий, из элементов – центральных, близких к центру и отдаленных от него;

7) установлено происхождение отдельных номинантов поля-концепта «обычай» в языках Евразии;

8) типы концепта «обычай» описаны в комплексе с его функционально-семантическими показателями; указана возможность номинирования обычая разнохарактерными определителями – слово, лексема, явление, понятие, поле, концепт, номинативно (лексико-)-семантическое поле, функционально-семантическое поле (ФСП) и другими;

9) определен состав номинантов ФСП «обычай/салт» в кыргызском и русском языках – слова, фразеологизмы, словосочетания, предложения, паремиологические и афористические средства, тексты; выявлены понятийные, историк-этимологические, социокультурные, этноментальные, денотативные, коннотативные и другие особенности содержания этого ФСП;

10) установлена иерархическая организованность семантической структуры названий обычая в синтаксических конструкциях двух языков; показано полевое строение экспонентов обычая; продемонстрирована зависимость употребления экспонентов поля-концепта «обычай» от типов фреймов и сценариев обрядов, церемоний и других разновидностей обычая;

11) продемонстрированы общие и отличительные черты понимания обычая носителями русского и кыргызского языков;

12) разграничены этнокультурно специфичные и межкультурные репрезентативы изучаемого концепта-поля; выявлены эксплицитные и имплицитные виды его номинантов; разграничены синтагматические и парадигматические модели ФСП «обычай»; показаны иерархичность и асимметризм семантики его номинантов.

Все это вносит новое в теорию функциональной и когнитивной лингвистики.

3. Перспективы исследования. В перспективы намечается: 1) выпуск книги под названиями «Обычай в кыргызском и русском языках»; 2) опубликование серии статей по проблематике исследования в периодических изданиях; 3) расширение объекта изучения путем привлечения фактического материала из других языков.

Список сокращений и условных обозначений

БСЭ	– Большая советская энциклопедия
БЭС	– Большой энциклопедический словарь
К.	– Койчуманов Ж., И – Ибрагимов М.
КРС	– Кыргызско-русский словарь
КТТС	– Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү
НКРЯ	– Национальный корпус русского языка
НФЭ	– Новая философская энциклопедия
РКС	– Русско-кыргызский словарь
СГТЯ	– Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков
СИС	– Словарь иностранных слов
СРЯ	– Словарь русского языка
ССРЛЯ	– Современный словарь русского литературного языка
СЭС	– Советский энциклопедический словарь
УТАФСЛ	– Узбек тилидаги арабча ва фарсча сузлар лугати
ФСП	– Функционально-семантическое поле

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдраева, А.Т. Киргизские лингвоэтнокультурные запреты с точки зрения турецкой и английской ментальности [Текст] / А.Т. Абдраева, Д.Б. Мадаминова // Новые технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы и перспективы развития. – Белгород, 2018. – С. 6-10.
2. Абдраева, А.Т. Малга карата ырымдардын константалык маанилери [Текст] / А.Т. Абдраева, А. Жаныш кызы // Alatoo Academic Studies. – Бишкек, 2021. – №2. – С. 175-180.
3. Абдраева, А.Т. Киргизские императивы-запреты в межкультурном и когнитивном рассмотрении / А.Т. Абдраева, Н.О. Турганбаев, Д.Б. Мадаминова, З.М. Сабиралиева // Евразийское научное объединение. – Москва, 2021. – №4-4 (74). – С. 300-303.
4. Абдувалиева, Э.А., Мадаминова, Д.Б., Зулпукаров, А. К. Концепт как категория гносеологии и языкознания [Текст] / Э.А. Абдувалиева, Д.Б. Мадаминова, А.К. Зулпукарова // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород. – 2017. – №3. – С. 12-14
5. Абдувалиева, Э.А., Мадаминова, Д.Б. О понятийном и оценочном содержании концепта «обычай/салт» в русском и кыргызском языках [Текст] / Э.А. Абдувалиева, Д.Б. Мадаминова // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород. – 2017. – №3(7). – С. 94-97.
6. Абдулатов, А.А. Паремияларды когнитивдик-педагогикалык максатта сыпаттоонун айрым проблемалары [Текст] / А.А. Абдулатов. – Ош, 2006. – 149с.
7. Абдразакова, Г.Ш. Дүйнөнүн кыргыз тилдик сүрөтүндөгү «суу», «тоо», «жер» концепттери [Текст] / Г.Ш. Абдразакова. – Бишкек, 2020. – 244 с.
8. Абдыразак уулу К. Каада – мурас [Текст] / ред. М. Ааматов. – Бишкек: Орета групп, 2018. – 356 с.

9. Абжапар кызы А., Темиралиева, Т.Т. Концепт «Кудай – Бог» в провербиальном-религиозной картине мира [Текст] / А. Абжапар к., Т.Т. Темиралиева // Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Выпуск 5. – Ош, 2024. – С. 155-161.
10. Абрамзон, С.И. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С.И. Абрамзон. – Ф.: Кыргызстан, 1990 – 479 с.
11. Абыканова, Г. А. Концепт «Вода/Суу» в русском и кыргызском языках [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Абыканова. – Бишкек, 2012. – 25 с.
12. Азыркы кыргыз адабий тили [Текст] / ред. Б. Орузбаева, А. Турсунов и др. – Бишкек, 2009. – 928 с.
13. Айтибаева, Ж.К. Көркөм текстте баштын акыл-ой, аң-сезим, максат-милдет булагы катары мүнөздөлүшү [Текст] / Ж.К. Айтибаева // Кыргызстандын жарчысы. – 2020. – № 1(12). – 95-100-бб.
14. Айылчиева, Д.Т. Различная трактовка учеными понятия «картина мира» [Текст] / Д.Т. Айылчиева // Сб. науч. трудов [фак-та русс. филол. Ошск. гос.ун-та]. – Вып.2. – Ош, 2010. – С.93-98.
15. Айылчиева Д.Т., Бекмуратова А.К. О различиях концептуальный и языковой картины мира [Текст] / Д.Т. Айылчиева, А.К. Бекмуратова // Сб. науч. трудов [фак-та русс. филол. Ошск. гос. ун-та]. – Вып. 2. – Ош, 2010. – С.99-105.
16. Акматалиев, А.С. Кыргыздын көөнөрбөс дөөлөттөрү [Текст] / А.С. Акматалиев. – Б. : Шам, 2000. – 348 с.
17. Акматова, П., Арипова, Ж. Эмотивный концепт «злость» в современном русском языке [Текст] / П. Акматова, Ж. Арипова // Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Выпуск 5. – Ош, 2024. – С. 25-29.

18. Алишова, М.К. Англис жана кыргыз тилдеринде дүйнөнүн тилдик сүрөтүн салыштырып изилдөө (көркөм, стилистикалык, тилдик каражаттардын негизинде) [Текст]: автореф. ... дис. д-ра филол. наук / М.К. Алишова. – Бишкек, 2021. – 44 с.
19. Амиралиев, С.М. Тилдин менталдык семантикасындагы кинологиялык концептер [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.М. Амиралиев. – Б., 2015. – 23с.
20. Апресян, Ю.В. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.В. Апресян // Вопр. языкознания. – 1995. – №1. – С. 37-67.
21. Арутюнов, С.А. Обычай, ритуал, традиция [Текст] / С.А. Арутюнов // Советская этнография. – 1981. - № 2. – С. 97-99.
22. Арсланбекова, Н.К., Зулпукаров, К.З. О происхождении эмотивов радости в языках Евразии [Текст] / Н.К. Арсланбекова, К.З. Зулпукаров // Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2022. – С. 242-251.
23. Асанбеков, М.К. Традиции и обычаи в динамике образа жизни сельского населения Киргизии [Текст]: авторев. дис. ... канд. социал. наук / М.К. Асанбеков. – Москва, 1993. – 23с.
24. Аскольдов, С.А. Концепт и слова (1928) [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Аньология. – М., 1997. – С. 267-279.
25. Ата-бабалар табериги: Кыргыздын адеп-ахлак, салт-санаа, үрп-адат, ырым-жырым жана жөрөлгөлөр жыйнагы [Текст] / А.С. Акматалиев, Ж. Асанова, Н.Н. Сакиева и др.; сост. М. Каримов.–Б.:Бийиктик, 2014. – 724с.
26. Атакулова, М.А., Зулпукарова, А.К. Пронимативы в языке: общие свойства и эгоцентризм семантики [Текст] / М.А. Атакулова, А.К. Зулпукарова // Современные тенденции науки и технологий. – Белгород, 2017. – № 3. С. 21-29.

27. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.
28. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Изд.2-е. [Текст] / Ш. Балли.– М.: УРСС, 2011. – 284 с.
29. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия Рос. академии наук. Серия лит. и яз. – 1997. – № 1. – С. 11-21.
30. Барсегян, А.И. О классификации форм культурной традиции [Текст] / А.И. Барсегян // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 102-103.
31. Беккулова, Д.К., Мадмарова, Г.А. «Бакыт» концепти замандаштырыбыздын ойтутумунда жана баалоосунда [Текст] / Д.К. Беккулова, Г.А. Мадмарова // Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Выпуск 5. – Ош, 2024. – С. 76-81.
32. Бессолова, Е.Б. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения [Текст] / Е.Б. Бессолова. – Владикавказ, 2008. – 406 с.
33. Бийназаров, Б. Кыргыздын көрөңгөлүү мурастары [Текст] / Б. Бийназаров. – Бишкек, 2014. – 135 б.
34. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – 331 с.
35. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
36. Болотахунова, Г.Ж. Номинативно-функциональное поле психического состояния «удивление» в языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Ж. Болотахунова. – Бишкек, 2016. – 24 с.
37. Большая советская энциклопедия [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – М., 1974. – 12 том. Статья «Обычай». – С. 266. Сокр. БСЭ.

38. Большая советская энциклопедия [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – М., 1973. – 18 том. Статья «Квота». – С. 13. Сокр. БСЭ. 22том. Статья «Ритуал». – с.136.
39. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / ред. Н. Д. Арутюнова, В.А. Виноградов и др. Изд. 2-е. – М., 2000. – 688 с. Сокращенно: БЭС.
40. Бондарко, А.В. Теоретические основы функциональной грамматики [Текст] / А.В. Бондарко // Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Л.: Изд. СПбГУ, 1983. – С. 3-75.
41. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика [Текст] / А.В. Бондарко. – Л.: Изд. СПбГУ, 1984. – 218 с.
42. Бутакова, Н.А. Обычаи и обыкновения в коммерческой деятельности [Текст] / Н.А. Бутакова // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2011. – Т.2. - № 1. – С. 140-149.
43. Бутешова, А.Р. Концепт «Жизнь» в русской и кыргызской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Бутешова. – Б., 2012. – 22с.
44. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка [Текст] / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
45. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1996. – 312 с.
46. Веснина, Г. Ю. Эволюция лексических средств выражения понятия «норма» в русском языке [Текст] / Г.Ю. Веснина // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: мат-лы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 87-89.
47. Глебкин, В.В. Ритуал в советской культуре [Текст] / В.В. Глебкин. – Москва: Янус-К, 1998. – 168 с.
48. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1970. – 767-с.; сокращенно: АГ – 70.

49. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. – М., 1957. – 991 с.
50. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. Том I. А-З. – М., 1978. – 699 с.; Том II. И-О. – М., 1981. – 779 с.; Том III. П. – М., 1982. – 554 с.; Том IV. Р-В. – М. 1982. – 683 с.
51. Дарбанов, Б.Е. Об истории разработки когнитивного подхода к рецептивной переработке информации [Текст] / Б.Е. Дарбанов // Вестник Кырг. нац. ун-та им. Баласагына. – 2012. – Спец. Выпуск. – С. 270-274.
52. Дарбанов, Б.Е. Основные этапы и компоненты когнитивной переработки информации [Текст] / Б.Е. Дарбанов // Вестник Кырг. нац. ун-та. им. Баласагына. – 2012. - №1. – С. 113-117.
53. Дарбанов, Б.Е. Проблемы теории речевосприятия (на материале лингвоэтнокультурного пространства Кыргызстана) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Б.Е. Дарбанов. – Б., 2013. – 44 с.
54. Дарбанов, М.Е. «Адам» концептинин когнитивдик-тилдик мазмуну [Текст] / М.Е. Дарбанов. – Б., 2016. – 296 с.
55. Дашин, А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Дашин. – Санкт-Петербург, 2006. – 43 с.
56. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. - №4. – С. 17-33.
57. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и наука в конце XX века. – М: Рос.гос.гум.ун-т, 1995. – С. 239-320.
58. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественный литературе и научном языке [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – М., 2001. - №1 (7). – С. 35-46.

59. Дербишева, З.К. К типологии функционально-типологических полей [Текст] / З.К. Дербишева // Рус. яз. в Кыргызстане. – Вып.2. – Б., 2000. – С. 53-64.
60. Дербишева, З.К. Контрастивная грамматика русского и киргизского языков [Текст] / З.К. Дербишева. – Бишкек, 2001. – 274 с.
61. Дербишева, З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры [Текст] / З.К. Дербишева. – Б., 2012. – 176 с.
62. Дербишева, З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка [Текст] / З.К. Дербишева. – Б., 2012. – 404 с.
63. Дербишева, З. К. Язык и этнос [Текст] / З.К. Дербишева. – М.: Флинта. 2017. – 256 с.
64. Дербишева, З.К. Основы лингвокогнитивного сравнения языков [Текст] / З.К. Дербишева. – Москва: Флинта, 2019. – 336 с.
65. Дзюбан, В.В. Традиции, культура и промыслы казачества России: методологические и научно-практические аспекты исследования [Текст] / В.В. Дзюбан // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. - № 3. – С. 99-104.
66. Дронова, Н.П. Фреймовый подход к моделированию обычая [Текст] / Н.П. Дронова // Когнитивные исследования языка. – 2013. - № 14. – С. 315-321.
67. Дрофа, Л.И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики [Текст] / Л.И. Дрофа. – Ош, 2009. – 91с.
68. Ефанова, Л.Г. Оценка терпения с позиций нормы и идеала [Текст] / Л.Г. Ефанова // Вестник Томск. гос. пед. ун-та, – 2006. - № 5. С. 53-59.
69. Ефанова, Л.Г. Функционально-семантическое поле нормы в русском языке [Текст]: монография / Л.Г. Ефанова. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2012. – 220 с.
70. Жакшылык-Нур А. Кыргызчылык [Текст] / А. Жакшылык-Нур. – Б.: Бийиктик, 2009. – 592с.

71. Жамшитова, Г.Ж., Абдувалиева, Э.А. О типах картин мира [Текст] / Г.Ж. Жамшитова, Э.А. Абдувалиева // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород. – 2017. - № 1. – С. 41-45.
72. Жумабаев, Б.А. Кыргыз таануу [Текст] / Б.А. Жумабаев. – Б.: Улуу тоолор, 2018. – 560 с.
73. Жумабаев, Б.А. О кыргызском мировоззрении [Текст] / Б.А. Жумабаев // Актуальные проблемы международного сотрудничества между Европой и Центральной Азией в образовании, науке и экономике. Традиция и современность. – Б.: Орета групп, 2024. – С. 87-93.
74. Задорожный, М.И. Парасинтагматика как одно из отношений общего типа между лексическими единицами языка и условиях двуязычия. Лексика и фразеология [Текст] / М.И. Задорожный. – Часть I. – Фрунзе, 1983. – С. 28-30.
75. Залевская, А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика [Текст] / А.А. Залевская // Когнитивная лингвистика. Часть I. – Тамбов, 1998. – С. 6-9.
76. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. - С. 36-44.
77. Залевская, А.А. Концепт как достояние индивида [Текст] / А.А. Залевская // Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды. – М., 2005. – С. 234-244.
78. Зубкова, Л.Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира [Текст] / Л.Г. Зубкова // Когнитивная семантика. Часть II. – Тамбов, 2000. –С. 176-180.
79. Зулпукаров, К.З. Падежная грамматика: теория и прагматика [Текст] / К.З. Зулпукаров. – Санкт-Петербург; Ош, 1994. – 317с.
80. Зулпукаров, К.З., Эргешова, С.Б. Менталитет жана паремиялык дүйнө сүрөтү жөнүндө [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.Б. Эргешова // Вестник Ошск. гос. ун-та. – Ош, 2009. – С. 42-46.

81. Зулпукаров, К.З., Калмурзаева, А.А., Сейитбекова, С.С. Отражение этнического менталитета в теологических концептах языка [Текст] / К.З. Зулпукаров, А.А. Калмурзаева, С.С. Сейитбекова // Сб. научных трудов [фак-та рус. филол. Ошск. гос. ун-та. – Вып. 2. – Ош, 2010. – С. 7-12.
82. Зулпукаров, К.З., Сейитбекова, С.С., Калмурзаева, А.А. Концепт «Кудай-Бог» в проverbsиально-религиозной картине мира [Текст] / К.З. Зулпукаров, С.С. Сейитбекова, А.А. Калмурзаева // Сб. науч. трудов [фак-та рус. филол. Ошск. гос. ун-та. –Вып. 2. – Ош, 2010. – С. 19-30.
83. Зулпукаров, К.З., Камардинова, У. Когнитивдик-тилдик параллелизм жана «Аккан суу» концептинин Токтогул менен Барпынын чыгармаларында берилиши [Текст] / К.З. Зулпукаров, У. Камардинова // Эл агартуу. – 2012. - № 3-4. – С. 28-40.
84. Зулпукаров, К.З., Камардинова, У. «Суу» концепти Женижоктун менталдык-поэтикалык дүйнөсүндө [Текст] / К.З. Зулпукаров, У. Камардинова // Эл агартуу. – 2012. - № 3-4. С. 40-48.
85. Зыкин, И. С. Обычаи и обыкновения в международной торговле [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1979. – 21 с.
86. Ибрагимов, М. Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөрү [Текст] / М. Ибрагимов. – Б., 2008. – 640 б.
87. Кадырбекова, П. Введение в теорию межкультурной коммуникации [Текст] / П. Кадырбекова. – Бишкек, 2011. – 265 с.
88. Кадырбекова, П. Лингвокультурологические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации [Текст] / П. Кадырбекова. – Бишкек, 202. – 419 с.
89. Кадырбекова, П. Табу и тотем как источники обогащения языка [Текст] / П. Кадырбекова // Вестник Казак. гос. ун-та им. Аль Фараби. Серия филол. – Алматы, 2008. -№ 3. – С. 68-72.

90. Калмурзаева, А.А. Теологические концепты в провербиально-языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Калмурзаева. – Б., 2012. – 22 с.
91. Камардинова, У.Т. «Суу» концептинин когнитивдик-тилдик мазмуну [Текст]: филол. ил-н канд. ... дис. автореф. / У.Т. Камардинова. – Б., 2016. – 23 с.
92. Камардинова У., Мамаражапова М. «Суу» концептиндеги денотативдик жана коннотативдик катмарлар [Текст] / У. Камардинова, М. Мамаражапова // Языки в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2018. – С. 165-175.
93. Камбаралиева У.Д. Основы сопоставительного изучения лексики русского и кыргызского языков [Текст] / У.Д. Камбаралиева. – Бишкек, 2004. – 212 с.
94. Камбаралиева У.Д. Концепт как основа языковой картины мира [Текст] / У.Д. Камбаралиева // Известия вузов. – 2012. - № 7. – С. 110-117.
95. Камбаралиева У.Д. Некоторые особенности паремиологических полей концептов «время» и «убакыт» в русском и кыргызском языках [Текст] / У.Д. Камбаралиева // Сопоставительные исследования 2017. – Воронеж: Истоки, 2017. – С. 41-46.
96. Камбаралиева У.Д. Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира (на материале русского и кыргызского языков) [Текст] / У.Д. Камбаралиева. – Б., 2013. – 490 с.
97. Камбаралиева У.Ж. Когнитивдик тил илими. Монография [Текст] / У.Ж. Камбаралиева. – Бишкек, 2019. – 324 с.
98. Караева З. Типология слов благословления и их перевод // проблемы паремиологии [Текст] / З. Караева. – Москва – Бишкек – Ош, 1992. – С. 42-43.
99. Караева З. Грамматические и прагматические трудности перевода [Текст]: Учебное пособие / З. Караева. – Бишкек, 1997. – 43 с.

100. Караева З. Перевод и семиотика [Текст] / З. Караева. – Бишкек: Аят, 2006. – 365 с.
101. Карасаев Х. Накыл сөздөр: тил казынасынан баян [Текст] / Х. Карасаев. – Ф.: Кыргызстан, 1982. – 368 с.
102. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М., 2004.
103. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания [Текст] / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание: Содержание и функционирование. – М. 2000. – С. 107-109.
104. Келдибекова Т.А. Основные направления когнитивного описания языка [Текст] / Т.А. Келдибекова // Теория поля в современном языкознании. – Часть 5. – Уфа, 1999. – С. 11-15.
105. Козлова В.Н. Обычай делового оборота и деловое обыкновение: проблемы соотношения [Текст] / В.Н. Козлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. - № 12-2. – С. 96-98.
106. Койчуманов Ж., Кадыров Ы. Макал-лакаптар, нуска созддор, накул кептер, залкар ойлор [Текст] / Ж. Койчуманов, Ы. Кадыров. – Б., 2012. – 540 с. Сокращенно: К.
107. Колесов В.В. Язык и ментальность [Текст] / В.В. Колесов. – Санкт-Петербург, 2004.
108. Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе [Текст] / А.В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – С. 51-66.
109. Красных В.В. Стрoение языкового сознания: фрейм-структуры [Текст] / В.В. Красных // Когнитивная семантика. Часть I. – Тамбов, 2000. – С. 128-129.

110. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. - № 4. – С. 34-47.
111. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрай Ю.Г., Лизина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрай, Л.Г. Лизина. – М., 1996. – 374 с.
112. Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и его объективация в языке) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Том 58. - № 5-6. – С. 3-12.
113. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира (к постановке проблемы) [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура. Часть I. – Тамбов, 1999. – С. 6-13.
114. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М., 2004. – 213 с.
115. Кыргыз улуттук энциклопедиясы. 3-том. Д – «Калевипозг». – Б.: Кырг. энц-сы, 2011. – 785 б.; 6-том. П – Ткандар. – Б.: Кырг. энц-сы, 2014. – 816 б.
116. Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү [Текст] / ред. А. А. Акматалиев, Ж. Мамытов и др. – Том I. – Бишкек, 2011. – 880с.; Том II. – Бишкек, 2011. – 891 с. Сокращенно: КТТС.
117. Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект [Текст] / М.И. Лазариди. – Б., 2011. – 356 с.
118. Лазариди М.И. Концепты психических состояний «страх», «беспокойство», «злость» [Текст] / М.И. Лазариди // Русский язык в Кыргызстане. – Вып. V. – Бишкек, 2009. – С. 67-73.
119. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике Вып. X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.

120. Леонтева Т.В. Обычай в русском языке: Слово и понятие [Текст] / Т.В. Леонтьева. – М. : Флинта, 2014. – 200 с.
121. Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения [Текст] / К.Зулпукаров, Е.Н. Мурадымова, Р.К. Ормокеева и др. – Б., 2019. – 743 с.
122. Лингвопоэтика менен лингвопаремиологиянын орчундуу маселелери [Текст] / К.Зулпукаров, С.Б.Эргешева, А.А. Абдулатов и др. – Б., 2018. – 828 с.
123. Лисина Е.А. Феномен ритуала в жизни общества (социоально-философский анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е.А. Лисина. – Оренбург, 2008. – 21 с.
124. Лисицын Н.В. Обычаи российского права [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Лисицын. – Москва, 2010. – 21 с.
125. Лобанова Т.В. Основные подходы к изучению проблемы традиции [Текст] / Т.В. Лобанова // Вестник Нижегород. ун-та. им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2008. – № 1 (9). – С. 70-6.
126. Мадаминова Д.Б. Абдувалиева Э.А. О понятийном и оценочном содержании концепта «обычай/салт» в русском и кыргызском языках [Текст] / Д.Б. Мадаминова, Э.А. Абдувалиева // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород. – 2017. – № 3. – С. 94-97.
127. Мадюкова С.А. Обряды жизненного цикла: о социально-философском содержании концепта [Текст] / С.А. Мадюкова // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. – 2008. – Т. 6. - № 3. – С. 115-1120.
128. Манликова М.Х. Этнокультурологическая лексикография : научные основы, пути становления и развития [Текст] / М.Х. Манликова. – Бишкек, 2006. – 516с.
129. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции [Текст] / Э.С. Маркарян // Советская этнография. – 1981. - № 2. – С. 78-96.
130. Маслова В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М., 2001. – 367 с.

131. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст]: Учебное пособие / В.А. Маслова. Изд. 5-е. – М.: Флинта, 2011. – 296 с.
132. Мурадымова Е.Н. Термины родства в лингвокультурологическом аспекте [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Мурадымова. – Бишкек, 2011. – 22 с.
133. Молдо Кылыч. Казалдар [Текст] / Молдо Кылыч. – Б.: Турар, 2017. – 784 с.
134. Народные русские сказки [Текст] / А.Н. Афанасьев. Том III. – М.: Наука, 1985. – 374 с.
135. Нечипуренко В.Н. Ритуал (опыт социально-философского анализа) [Текст] / В.Н. Нечипуренко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 279 с.
136. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 53-64.
137. Новая философская энциклопедия. Том 2. – М.: Мысль, 2001. – 670 с. Сокращенно: НФЭ.
138. Оморов А. Баба салты, тарых изи жана жөрөлгө [Текст] / А. Оморов. – Б.: Турар, 2013. – 260 с.
139. Ормокоева Р.К. Концепт «Страх/Коркуу» в ментально-языковом соснании носителей русского и кыргызского языков [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.К. Ормокоева. – Бишкек, 2016. – 25 с.
140. Пермяков Г.Л. Пословицы народов Востока [Текст] / Г.Л. Пермяков. – М., 2001. 584 с.
141. Плахов В.Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования [Текст] / В.Д. Плахов. – Москва: Мысль, 1982. – 220 с.
142. Плеханов А.А. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.А. Плеханов. – Саранск, 2006. – 21 с.

143. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 286 с.
144. Попова З. Д., Стернин И. А. Концептосфера и картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Вып. 3. – Воронеж, 2002. – С. 4-8.
145. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная стилистика [Текст]: Учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М., 2010. – 314 с.
146. Попова Т.В. Общее языкознание. Часть I: Функциональная грамматика [Текст] / Т.В. Попова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО – УПИ, 2005. – 201 с.
147. Прохоров Ю.А. В поисках концепта [Текст] / Ю.А. Прохоров. Изд.2-е. – М.: Флинта, 2009. – 176 с.
148. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том I [Текст] / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – М.: Вост. лит., 2000. – 327 с.
149. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – Вып. 36. М., 1998. – С. 278-321.
150. Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2003. – 21 с.
151. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2004. – 211 с.
152. Русский язык. Энциклопедия [Текст] / ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энц., 1979. – 431 с.
153. Русско-кыргызский словарь [Текст]: в 4 т. Том I. А-И. – Б., 2012. – 752 с.; Том II. К-О. – Б., 2012. – 734 с.; Том III. П-Р. – Б., 2012. 648 с.; Том IV. С-Я. – Б., 2012. – 698 с. Сокращенно: РКС.
154. Русско-таджикский словарь [Текст] / ред. М.С. Асимов. – М.: Рус.яз., 1985. – 1280 с.

155. Рысбаев С., Ибрагимов К., Асранкулова Б. Улуулардан таберик: кыргыздардын этнографиялык түшүнүктөрүнөн [Текст] / С. Рысбаев, К. Ибрагимов, Б. Асранкулова. – Б. : Бийиктик плюс, 2016. – 256 с.
156. Рычкова Т.А. Словосочетания, называющие повседневные ритуальные действия [Текст] / Т.А. Рычкова // Дискуссия. – 2011. - № 8. – С. 155-156.
157. Рычкова Т.А. Текстовое употребление словосочетаний, обозначающих русские традиции и обычаи [Текст] / Т.А. Рычкова // Дискуссия. – 2011. - № 8. – С. 157-159.
158. Рязанова-Даури В.С. Нравы и обычаи в повседневной культуре хантов и манси [Текст]: дис. ... канд. культурологии [Текст] / В.С. Рязанова-Даури // Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. – Санкт-Петербург, 2011. – 158 с.
159. Сабиралиева З.М. Характеристика концепта «юмор» в русской лингвокультуре [Текст] / З.М. Сабиралиева // Сб. науч. трудов [фак-та рус. филол. Ошск. гос. ун-та] - Вып. 2. – Ош, 2010. – С. 48-51.
160. Сабитова З.К. Лингвокультурология [Текст]: учебник / З.К. Сабитова. – М. : Флинта, 2013. – 528 с.
161. Сайипова М. Концепт «Кудай/Бог/Gad» и его реализация в языке [Текст] / М. Сайипова // Языки в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2018. – С. 309-312.
162. Сарингулян К.С. Культура и регуляция деятельности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / К.С. Сарингулян. – Ереван; 1984. – 19 с.
163. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные) [Текст] / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
164. Седакова О.А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян): Автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / О.А. Седакова. – Москва, 1983. – 21 с.

165. Словарь иностранных слов. Изд. 16-ое, испр. – М.: Рус.яз., 1988. – 624 с. Сокращенно: СИС.
166. Словарь русского языка [Текст] / гл. ред. Евгеньева. Изд. 3-е стереотип. – Том I. – М., 1986. – 698 с.; Том II. – М., 1983. – 736 с.; Том III. – М., 1983. – 752 с.; Том IV. – М., 1984. – 796 с. Сокращенно: СРЯ.
167. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.Г. Слышкин. – Воронеж, 2004.
168. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи [Текст] / подг. И.А. Костюхин. – М.: Индрик, 1999. – 624 с.
169. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – М., 1985. – 1599 с.: сокр. СЭС.
170. Соколов А.И. Традиции и обычаи как регулятивный и социокультурный феномен общества [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / А.И. Соколов // Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2008. – 167 с.
171. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Изд. 2-е, доп. / ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2001. – 822 с. Сокращенно: СГТЯ.
172. Станисловайтис Р.И. Обычаи и традиции в механизме социального действия права [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р.И. Станисловайтис. – Вильнюс, 1989. – 43 с.
173. Стернин И.А. Концепт и языковая семантика [Текст] / И.А. Стернин // связи языковых единиц в системе реализации: Когнитивный аспект. – Вып. 2. – Тамбов, 1994. – С. 69-75.
174. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях [Текст] / И.А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – С. 65-69.
175. Стернин И.А., Тагаев М.Дж., Камбаралиева У.Д. Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Кыргызской Республике [Текст] / И.А. Стернин, М.Дж. Тагаев, У.Д.

Камбаралиева // Кыргызский и русский языки: горизонты взаимодействия. – Бишкек, 2015. – С. 30-42.

176. Суркеева В.Б., Кудайбердиева А. Лексико-семантическое поле «женский интеллект» в русском и кыргызском языках // Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Вып.5. – Ош, 2024. – С. 666-671.

177. Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. – Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1996. – 61 с.

178. Сыдыков А.Н. Концепт «Время» [Текст] / А.Н. Сыдыков // Вестник Бишкек. Гумм.Ун-та им Х. Карасаева. – 2009. – № 2. – С. 126-129.

179. Сыдыков А.Н. Летоисчисление: истоки и современность [Текст] / А.Н. Сыдыков. – Б.: БГУ, 2009. – 120 с.

180. Сыдыков А.Н. К этимологии этнонима «кыргыз» [Текст] / А.Н. Сыдыков // Вестник Каз. нац. ун-та им. Аль-Фараби. – Алматы. 2011. - № 3. – С.296-300.

181. Сыдыков А.Н. Этнолингвистика: опыт ретроспективы [Текст] / А.Н. Сыдыков. – Бишкек, 2011. – 236 с.

182. Тагаев М.Дж. Когнитивные подходы к лингвистическому описанию русского словообразования в учебных целях [Текст] / М.Дж. Тагаев // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Том 2. – Бийск, 2004. – С. 113-121.

183. Тагаев М.Дж. Полипарадигмальное описание морфемики и словообразования [Текст] / М.Дж. Тагаев. – Бишкек, 2004. – 284 с.

184. Тагаев М.Дж., Молдомамбетова А.С., Алтыбаева З.И. Билингвизм как норма жизни [Текст] / М.Дж. Тагаев, А.С. Молдомамбетова // Европа и Центральная Азия. – Б., 2024. – С. 149-175.

185. Темиркулова Ы.А. Языковая картина мира в русско-кыргызском культурно-языковом пространстве (на материале концептов «Глаз/Коз» и

«Лицо\Бет») [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ы.А. Темиркулова. – Б., 2010. – 22 с.

186. Темиркулова Ы.А. Концепт «кровь/кан» в русском и кыргызском языках [Текст] / Ы.А. Темиркулова // Кыргызский и русский языки: горизонты взаимодействия. – Б., 2015. – С. 130-136.

187. Триль Ю.Н. Социокультурные функции обряда (на материалах народов Северного Кавказа) [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ю.Н. Триль. – Майкоп, 2009. – 19 с.

188. Толокова Э.Т. Кыргыз тилиндеги «Бала» концепти (лингвوماданият таануу аспектинде) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.Т. Толокова. – Бишкек, 201. – 22 с.

189. Толокова Э.Т. Некоторые особенности фреймовых и сценарных слов кыргызского языка (на примере обычаев и обрядов кыргызского народа) [Текст] / Э.Т. Толокова // Язык. Культура. Этнос. – Вып. 12. – Бишкек – СПб, 2017. – С. 145-154.

190. Узбекско-русский словарь / ред. А.К. Боривков. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1959. – 839 с.

191. Узбек тилидаги арабча ва фарсча сузлар лугати / Сост. Р. Сапоев, Ш. Аvezметов. – Ташкент: Укитувчи, 1996. – 192 с. Сокращенно: УТАФСЛ.

192. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: В 4 т. Том I. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с.; Том III. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

193. Федяева Н.Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты [Текст]: автореф. дис... д-ра филол. наук / Н.Д. Федяева. – Барнаул, 2010. – 33 с.

194. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: свойства и различия в теориях и целях [Текст] / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. - № 2. – С. 68-78.

195. Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера [Текст] / А.О. Черепанова. – Санкт-Петербург, 1996. – 281 с.

196. Чибисов Д.Г. Соотношение права и обычая [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Г. Чибисов // Владимир. юрид. ин-т Федеральной службы исполнения наказаний. Владимир, 2008. – 22 с.
197. Шацкая Ж. Ю. Метафорическое моделирование как способ репрезентации концепта «мода» [Текст] / Ю.Ж. Шацкая // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. - № 1 (15). – С. 224-229.
198. Шейман Л.А. Основы методики преподавания русской литературы в кыргызской школе [Текст]: (Подходы. Цели. Принципы. Методы) Пособие для учителя / Л.А. Шейман. Часть I. – Бишкек: Мектеп, 1981. – 240 с.
199. Шейман Л.А. К проблеме межэтнокультурной интерференции [Текст] / Л.А. Шейман // Психолингвистика и межкультурное взаимодействие. – М., 1991. – С. 330-331.
200. Шейман Л.А. Этнокультуроведение: Педагогическое сопряжение языков и культур [Текст]: В двух частях / Л.А. Шейман. – Часть I. – Бишкек, 2013. – 305с.; Часть II. – Бишкек, 2013. – 306 с.
201. Шойхер В.Ю. Антология мудрости [Текст] / В.Ю. Шойхер. – М.: Вече, 2012. – 848 с.
202. Эльмурзаева А.Д. Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана: XIX – начало XX века [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / А.Д. Эльмурзаева // Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. – Махачкала, 2009. – 175 с.
203. Эргешова С.Б. Антонимдерди талдоонун когнитивдик-лингвистикалык, этнолингвистикалык жана логика-семантикалык негиздери [Текст] / С.Б. Эргешова // Эл агартуу. – 2010. - № 5-6. – С. 24-38.
204. Эргешова С.Б. Паремияларды антонимдик концепттер аркылуутилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши [Текст]: филол. ил-н канд. ... дис. автореф. / С.Б. Эргешова. – Б., 2010. – 19 с.

205. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь [Текст]: в 2 кн. / К.К. Юдахин. Кн.1. А-К. – М.: Сов. энц., 1965. – 504 с.; Кн.2. Л-Я. – М.: Сов. энц., 1965. – 408 с.
206. Югай Е.Ф. Ключевые образы плача [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ф. Югай. – Москва, 2011. – 19 с.
207. Яговдик Е.В. Трансформации ритуала в культурно-эволюционном процессе (филосовско-культурологический анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е.В. Яговдик. – Белгород, 2005. – 19 с.
208. Яковлева М.Н. Обычаи алтайского этноса как регулятор современных социальных процессов в Республике Алтай [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук М.Н. Яковлева // Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2007. – 20 с.
209. Элчиев Ж., Пазылова С.К., Туланбаева З. «Ой» концептин уюштурган афоризмдерге когнитивдик анализ [Текст] / Ж. Элчиев, С.К. Пазылова, З. Туланбаева // Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2023. – С. 308-312.
210. Элчиев Ж., Пазылова С.К., Туланбаева З. «Ой» концептиндеги мейкиндик белгилери [Текст] / Ж.Элчиев, С.К. Пазылова, З. Туланбаева // Приоритетные направления теоретического и прикладного языкознания в лингвоэтнокультурном пространстве Кыргызстана. – Ош, 2023. – С. 312-316.
211. Энциклопедия афоризмов. Россыпи мыслей [Текст] / сост. Э.Борохов. – М.: АСТ, 2003. – 414 с.
212. UPL : www.Ruscorpora.ru

Список сокращенных языков: ав. – аварский, агул. – агульский, аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, анд. – андийский, арч. – агульский, **бал. -** , балк. – балкарский, бар. – барабинский, баш. – башкирский, беж. - бежтинский, бел. – белорусский, болг. – болгарский, бур. – бурятский, гаг. – гагаузский, герм. – германский, гин. - гинухский, гот. – готский, гунз. – гунзибский, даг. – дагестанский, дат. – датский, др.-англ. – древнеанглийский, др.-исл. – древнеисландский, др.-прус. – древнепруский,

др.-тюрк. – древнетюркский, др.-уйг. – древнеуйгурский, др.-яп. – древнеяпонский, и.-е. – индоевропейский, каз. – казахский, калм. – калмыцкий, **кар. -** , караим. – караимский, каракалп. – каракалпакский, кирг. – киргизский, кит. – китайский, койб. – койбальский, коман. – команский, кор. – корейский, крыз. – кыргызский, крым-тат. – крымско-татарский, кум. – куманский, лак. – лакский, **лат. -** , латин. – латинский, латыш. – латышский, **леб. -** , лез. – лезгинский, литов. – литовский, лоб. – лобнорский, маньч. – маньчжурский, монг. – монгольский, монгор. – монгорский, н.-луж. - нижнелужицкий, нан. – нанайский, нег. – негидальский, нем. – немецкий, ног. – ногайский, орок. – орокский, ороч. – орочский, осетин. – осетинский, **п.-монг. -** письменно-монгольский, рус. – русский, рут. – рутульский, саг. – сагайский, салар. – саларский, сарыг-югур. – сарыг-югурский, сер.-хор. – сербохорватский, слав. – славянский, **совр. яп. -** , ср.-перс. –среднеперсидский, **таб. -** , тат. – татарский, тел. – телеутский, тоб. – тобольский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тунг.-маньч. – тунгусо-маньчжурский, тур. – турецкий, турк. – туркменский, тюрк. – тюркский, уд. – удмуртский, узб.- узбекский, уйг. – уйгурский, укр. – украинский, ульч. – ульчский, ур. – уральский, устар. – **устар**, фин. – финский, хак. – хакасский, хал.-монг. – халха-монгольский, халадж. – халаджский, хвар. – хварский, чаг. – чагатайский, чеш. – чешский, чув. – чувашский, швед. – шведский, шор. – шорский, цах. – цахурский, цез. – цезский, эвенк. - эвенкский, эвен. – эвенский, як. - якутский